

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЦИАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(28 ОКТЯБРЯ 2015 г.)**

НОВОСИБИРСК 2015

УДК 34 (063)
ББК 67, я 431
Г 945

Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). / Новосиб. гос. аграр. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГАУ, 2015. – 197 с.

ISBN 978-5-94477-169-8

В сборник включены доклады профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, молодых ученых, аспирантов и соискателей, практических работников, занимающихся научными исследованиями по тематике конференции.

Рассмотрены актуальные проблемы теории и истории государства и права, уголовного права и уголовного процесса, гражданского права и гражданского процессуального права, трудового, административного, коммерческого и банковского права, а также психологические, философские, социально-политические и культурно-исторические проблемы защиты прав человека в современной России.

Материалы утверждены и рекомендованы к изданию методическим советом юридического факультета Новосибирского ГАУ (протокол № 9 от 19 ноября 2015 г.).

Гармаев Юрий Петрович

доктор юридических наук, профессор,
профессор Новосибирского государственного аграрного
университета (г. Новосибирск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года [1] коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности. Несмотря на то, что в последние годы статистика, касающаяся результатов борьбы с коррупционными преступлениями в России, как не странно, остается примерно на одном уровне, а по отдельным показателям даже снижается [2], коэффициент латентности этих посягательств остается крайне высоким [3]. Председатель Следственного комитета РФ на коллегиях, посвященных борьбе с коррупцией, постоянно отмечает необходимость активизации следственной работы в сфере выявления преступлений коррупционной направленности, повышения качества и эффективности взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих ОРД. «За 5 месяцев текущего года в Следственный комитет поступило свыше 17 500 сообщений о коррупционных преступлениях, по которым возбуждено почти 11500 уголовных дел. В суд направлено почти 5 000 уголовных дел (4 993), что на 3% больше ранее достигнутого показателя. В их числе 18 дел в отношении организованных преступных групп и одно – в отношении преступного сообщества. Число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам о коррупции увеличилось на 3% и составило 5 266 лиц. Активно осуществлялась работа по привлечению к уголовной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом. Число таких обвиняемых по направленным в суд уголовным делам коррупционной направленности за прошедший год составило 217» [4].

Поскольку коррупция в России «... представляется не только опасной с социальной точки зрения как фактор, подрывающий государственную власть, но и как одна из главенствующих причин, определяющих организованную, экономическую, политическую преступность» [5], вряд ли кто-либо усомнится в том, что меры уголовно-правовой борьбы с нею в ближайшем будущем будут только ужесточаться.

Так, анализ публицистики, результатов опросов населения, а также научных работ позволяет сделать вывод о том, что и общество, и государство вполне готовы к резкому ужесточению мер уголовной репрессии в отношении коррупционеров.

Авторы большинства научных публикаций по вопросам квалификации коррупционных преступлений, отмечая несовершенство соответствующих уголовно-правовых норм, включенных в гл. 30 и 23 УК РФ, критикуют законодателя довольно резко и подразумевают в основном необходимость ужесточения ответственности, прежде всего, за взяточничество. Высказываются мнения, суть которых - целесообразность поэтапного введения репрессивных мер [6], идеи о том, что в репрессии как преимущественном средстве борьбы с коррупцией существует объективная необходимость [7].

Однако на пути повышения эффективности борьбы с коррупцией уголовно-правовыми средствами имеются, на наш взгляд, несколько крупных блоков проблем. Первый блок подробно описан в уголовно-правовой литературе, а потому позволим себе не останавливаться на нем подробно. Суть его – в упомянутых выше недостатках уголовно-правовых норм и даже в некой мягкости, «либеральности» отдельных санкций.

Налицо необходимость совершенствования законодательства и, каким бы странным не показалось такое мнение, – задача эта сравнительно несложная.

Следующий крупный блок проблем заслуживает более подробного анализа. Речь идет о проблемах взаимодействия между должностными лицами органов уголовного преследования (далее – субъекты уголовного преследования, субъекты-обвинители). Под таковыми подразумеваются следователь, руководитель следственного органа, сотрудник и начальник органа — субъекта ОРД, надзирающий прокурор, государственный обвинитель.

К сожалению многие из существующих криминалистических методик расследования коррупционных преступлений не учитывают особенности деятельности и мотивации субъектов уголовного преследования, уровень их образования, профессиональной деятельности и т. д. Большая часть криминалистических методик предназначена как бы избирательно отдельным субъектам. Как правило, речь идет о следователе, реже — об оперативных сотрудниках. Например, в методиках «для следователей» достаточно подробно даются рекомендации по проведению следственных и иных процессуальных действий, назначению экспертиз и т. п. Редко в них можно обнаружить рекомендации по документированию, проверке и оценке результатов оперативно-розыскной деятельности (Далее – ОРД), по осуществлению тактических операций (комбинаций), проводимых во взаимодействии субъектов-обвинителей.

Так, для выявления и расследования вымогательства взятки в ситуации обращения взяткодателя с заявлением в правоохранительные органы оперуполномоченные — субъекты ОРД проводят оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) «оперативный эксперимент» с применением аудиозаписи (п. 14 ч. 1 и ч. 3 ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [8]) в целях задержания взяточника с поличным. Затем следователь должен тщательно проверить представленные ему результаты ОРД на предмет законности и оценки судебной перспективы и в случае возбуждения уголовного дела принять его к своему производству, произвести осмотр места происшествия и (или) обыск, личный обыск, допрос взятокополучателя и взяткодателя, приобщить к делу вещественные доказательства — предмет взятки, кассету с аудиозаписью и т. д.

Каждый субъект-представитель стороны обвинения должен знать специфику работы другого субъекта. В противном случае задачи эффективного расследования вряд ли достижимы. Проиллюстрируем на типичном негативном примере. Сотрудники органа – субъекта ОРД в рамках проведения оперативного эксперимента по изобличению взяточника допускают нарушения требований Закона об ОРД (несоблюдение оснований и условий проведения ОРМ [9] и т. п.), ненадлежащим образом представляют результаты ОРД следователю. В результате полученные данные при их последующей проверке и оценке не могут быть процессуально легализованы в качестве полноценных доказательств.

Однако проблема не только в некомпетентности оперативных сотрудников. Следователь, не знакомый с соответствующим законодательством и методическими рекомендациями, не может оценить всей фатальности допущенных нарушений. Иначе бы он, вероятно, отказал в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Если же наряду со следователем некомпетентен и надзирающий прокурор, то дело с такими доказательствами может быть направлено в суд. Опытный адвокат по согласованию со своим подзащитным вправе избрать правовую позицию временного замалчивания о допущенных нарушениях. Но после окончания расследования и подписания протокола в порядке ст. 218 УПК РФ, получения всех копий материалов уголовного дела (ч. 2 ст. 217 УПК РФ) сторона защиты вполне способна добиться полного прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Если и государственный обвинитель не сможет противопоставить весомые аргументы в защиту «слабых доказательств», то уголовное преследование наверняка закончится поражением стороны обвинения. Такой отрицательный результат должен быть одинаково неприемлем

для всех субъектов уголовного преследования, а не только для прокурора и государственного обвинителя.

Итак, каждый субъект уголовного преследования должен быть знаком:

- 1) со спецификой работы своих «коллег по цеху»;
- 2) с типичными узкопрофессиональными ошибками и нарушениями закона, средствами их профилактики и устранения»;
- 3) с рекомендациями по эффективному взаимодействию между субъектами.

Вместе с тем уровень взаимодействия при раскрытии и расследовании дел рассматриваемой категории все еще недостаточно высок. Следственно-оперативные группы (СОГ) создаются не всегда и, как правило, реально работают только на время проведения неотложных следственных действий.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 204, 290, 291 и 291.1 УК РФ, производится следователями Следственного комитета РФ.

Чаще всего уже в начале расследования следователь и оперуполномоченный сталкиваются в процессуальном поединке с весьма влиятельными обвиняемыми, высокооплачиваемыми адвокатами и командой иных противодействующих лиц: коллеги подследственного, его родственники, друзья и т. д. В суде ситуация не лучше — один государственный обвинитель против всех противодействующих.

Получается, что за исключением начальных этапов уголовного преследования сторона обвинения не в полной мере использует процессуальные, организационные, технические, информационные и иные возможности взаимодействия с компетентными подразделениями. Между тем своевременное создание и постоянное функционирование СОГ, как и другие формы взаимодействия, представляются крайне важными, особенно по рассматриваемой категории дел.

Так, на первоначальной стадии особую важность приобретают неотложные следственные действия (выемки, обыски, допросы, очные ставки, задержание подозреваемых и др.), когда имеются все основания полагать, что ключевые доказательства могут быть утеряны. Например, в практике организации и расследования уголовных дел бывают ситуации, когда в результате несвоевременного проведения выемки находящиеся на свободе должностные лица полностью уничтожали служебные документы, свидетельствующие о совершенном ими преступлении.

Вопросы обеспечения межведомственного взаимодействия достаточно объемны. Остановимся лишь на некоторых важных моментах.

Решая вопрос о необходимости включения в группу сотрудников оперативных подразделений, следователь, руководитель группы должен помнить, что:

- 1) дела рассматриваемой категории всегда требуют на первоначальном этапе проведения значительного объема не только следственных, но и оперативно-розыскных мероприятий;
- 2) ОРМ, в особенности на первоначальном этапе, являются одними из наиболее важных, ответственных и требующих особой оперативности и точности;
- 3) направление отдельных поручений по делу не может решить всех поставленных задач, поскольку в выполнении этих поручений соответствующие органы заинтересованы значительно меньше, чем в раскрытии преступлений, в группе по расследованию которых участвуют их работники.

В целях обеспечения наиболее эффективного взаимодействия с сотрудниками оперативных подразделений, предупреждения волокиты, снижения инициативы и заинтересованности в ходе следствия руководителю группы и другим субъектам методики необходимо учитывать следующее.

1. Оперативные сотрудники заинтересованы в раскрытии и доказывании как можно большего количества эпизодов преступлений и лиц, их совершивших (работа «в ширину»), нежели в тщательной работе по одному, даже очень важному и сложному

эпизоду (работа «в глубину»), в том, чтобы эпизодов было больше и они квалифицировались по реальной (идеальной) совокупности как можно большего количества составов преступлений. Это и есть пресловутая «палочная система», которая находит отражение в статистических карточках. А их составляют следователи и утверждают прокуроры. Работать «в глубину» более целесообразно следователям. Их показатели работы меньше зависят от «палочной системы».

2. Не следует ограничивать самостоятельность сотрудников в выборе методов и средств ОРД. Необоснованное вмешательство в эту сферу их деятельности недопустимо (ст. 12 Закона об ОРД). Однако это не исключает помощь следователя в предварительной квалификации деяний, в оформлении документов (в чем часто не сильны оперативные сотрудники); в оценке перспектив процессуальной допустимости результатов планируемых ОРМ и по другим вопросам.

3. Наиболее эффективно закрепление обязанностей каждого члена группы путем составления межведомственного совместного плана работы (даже примерного, наиболее общего), подписанного первыми руководителями соответствующих органов (начальниками органов внутренних дел, таможенных органов, органов Федеральной службы безопасности (ФСБ) и т. д.), с указанием задач и сроков их выполнения, за которые члены группы будут отчитываться не только перед руководителем группы, но и перед ведомственными начальниками.

4. Периодически по поводу отдельных задач расследования или по отдельным эпизодам следует инициировать и проводить оперативные совещания с участием членов группы и их ведомственных руководителей, согласовывать и дополнять общий, текущий, персональный, поэпизодный, следственный и оперативно-розыскной планы, обсуждать сделанное, допущенные ошибки и меры по их устранению и т. п.

5. При наличии оснований следует письменно ходатайствовать о поощрении членов СОГ перед их руководителями, не дожидаясь окончания следствия (приговора суда), принимать меры к обобщению и распространению накопленного ими положительного опыта раскрытия и расследования преступлений.

Нередко целесообразным является включение в группу оперуполномоченных ФСБ. В подразделениях Службы накапливается большой массив информации оперативного характера, имеющей отношение к коррупционным преступлениям. Это и данные об условиях работы, об общественном мнении, о конкретных фактах злоупотреблений, взяточничества, об образе жизни должностных лиц, об уровне материального благосостояния, о личных качествах, о круге общения, об интересах и т. п.

В случае включения в следственную группу сотрудника ФСБ эти данные в части, относящейся к расследуемым преступлениям, могут быть представлены для ознакомления руководителю следственной группы. С помощью органов ФСБ в случае необходимости могут быть существенно ускорены некоторые процедуры ОРМ и оперативно-технических мероприятий, организована физическая защита членов группы и их семей. Немаловажно и то, что участие в группе работника ФСБ придает ей своеобразный вес и авторитет в глазах влиятельных лиц, имеющих целью оказать противодействие уголовному преследованию.

Организуя работу группы на первоначальном этапе расследования, целесообразно предусмотреть и другие приемы преодоления противодействия. Так, сразу после выявления преступлений с учетом их значимости в глазах общественности можно сообщить в средства массовой информации о выявленных фактах противоправной деятельности, не превышая при этом пределов допустимости разглашения тайны следствия и презумпции невиновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц [10].

Эти и другие тактические приемы при продуманном их использовании способствуют решению задачи общей превенции преступлений, демонстрируют общественности крупномасштабность расследования, создают благоприятный резонанс в обществе,

впечатление неотвратимости уголовной ответственности, бесполезности и наказуемости незаконных мер противодействия, на каком бы уровне эти меры ни предпринимались.

В заключение хотелось бы отметить, что в современных условиях правоохранительные органы России обязаны всеми законными средствами, причем в кратчайшие сроки резко повысить эффективность уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией. «Обозначенная проблема должна решаться комплексно, путем синтеза достижений многих отраслей научных знаний» [11]. В России, на наш взгляд, есть понимание того, что в числе таких отраслей, помимо уголовного права, уголовного процесса и других наук антикриминального цикла ведущее место должны занять две науки: криминалистика и оперативно-розыскная деятельность. Вновь создаваемые, а также модернизируемые криминалистические методики расследования взяточничества, иных коррупционных преступлений, должны обязательно содержать рекомендации по взаимодействию между следственными, оперативно-розыскными подразделениями и прокуратурой.

Разработкой такого рода рекомендаций должны заниматься представители двух названных наук во взаимодействии со специалистами в области уголовного права и уголовного процесса, другими юридическими науками, поскольку очевиден междисциплинарный, системный характер проблемы, а значит – и средств ее решения.

Список литературы

- [1] Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Информационная система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/195521/#ixzz2x9yBQIDN>. Дата обращения: 25.03.2014.
- [2] Например, в 2010 году зарегистрировано 7 647 фактов получения взятки (ст. 290 УК РФ), а в 2013 году – только 6 710. См. данные портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: URL: <http://crimestat.ru/21>. Дата обращения: 29.03.2014.
- [3] Так, коэффициент латентности того же получения взятки (ст. 290 УК РФ) составляет 1: 150. См.: Карабанов А.Л., Мелькин С. К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. – М.: Волтерс Клувер. – 2010. – С. 42
- [4] См.: в СК России состоялось расширенное заседание коллегии по итогам работы за 1-е полугодие 2015 года: официальный сайт Следственного комитета РФ: <http://sledcom.ru/news/item/950225>. Дата обращения: 19.10.15.
- [5] Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, В.В. Агильдин и др.; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. – Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013. – С. 4-5.
- [6] См., например: Фоменко Е.В. Актуальные вопросы совершенствования действующего законодательства по борьбе с коррупцией и взяточничеством // Российский следователь. – 2013. – № 24. – С. 41 - 43.
- [7] Яни П.С. Уголовное законодательство и борьба с коррупцией // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. – Н. Новгород, 2001. – С. 77.
- [8] Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Далее – «Закон об ОРД».
- [9] См. ст. 7 и 8 Закона об ОРД.
- [10] Так, свежая информация по расследованию некоторых преступлений незамедлительно размещается на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ. См.: genproc.gov.ru

[11] Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, В.В. Агильдин и др.; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. – Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013. – С. 4-5.

Юдина Светлана Дмитриевна

кандидат психологических наук, доцент

Сибирского института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,

Новосибирского государственного аграрного университета
(г. Новосибирск)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ

Сегодня, как никогда прежде, образование призвано обеспечить человеку гибкость, способность к быстрой адаптации в новых условиях жизни и профессиональной деятельности.

Современный человек оказывается в сложном, быстро меняющемся, хаотичном мире. Повышается его самостоятельность, ответственность за свою судьбу, возникает необходимость постоянного самоопределения в различных ситуациях социальной и профессиональной жизни. Таким образом, меняется роль и место образования в обществе, его социальный смысл, характер, цели и задачи, содержание, отношения участников образовательного процесса, переосмысливается само понятие образования.

Образованного человека сегодня отличают такие качества, как гибкость, развитое мышление, способность быстро реагировать на быстро изменяющиеся социальные и экономические потребности общества.

Толерантность, терпимость, готовность к постоянному самообразованию, социальное, психическое и физическое здоровье, способность выдержать темп и насыщенность современной общественной жизни, духовность - вот те необходимые черты, которые на современном этапе должны характеризовать хорошего специалиста.

Один из ведущих исследователей проблем психологии высшего образования А.А. Вербицкий выделил такие тенденции в образовании конца XX века:

Осознание каждого уровня образования, как органической составной части системы непрерывного народного образования. Эта тенденция предполагает решение проблемы преемственности между школой и следующими ступенями образования, а также между учебным заведением и будущей профессиональной деятельностью.

Переход от принципиально информационного обучения к активным методам и формам обучения, включение элементов проблемности, научного поиска, широкое использование резервов самостоятельной работы.

Необходимость организации обучения, как коллективной совместной деятельности обучающихся, где акцент переносится с обучающей деятельности преподавателя на познающую деятельность студентов.

Не учитывать современную ситуацию и тенденции в образовании означает некачественно, нерезультативно осуществлять свою педагогическую деятельность.

В центре любой деятельности - субъект – тот, кто совершает эту деятельность и объект – то, на что эта деятельность направлена, а также продукт - трансформированный, измененный продукт деятельности.

Отличие педагогической деятельности от любой производственной заключается в ее духовном характере, что определяет своеобразие всех ее компонентов.

Субъект – педагог

Объект – формирование и развитие личности обучающегося

Средства – методы и средства обучения и воспитания и сама личность

Продукт – духовные ценности: образованность, воспитанность личности

Специфика педагогической деятельности связана прежде всего с особенностями ее объекта и продукта. Объект педагогической деятельности может быть назван таковым весьма условно. Педагог имеет дело с высшей ценностью - личностью студента, который является субъектом и своей собственной деятельности по саморазвитию, самосовершенствованию, самообучению, и без обращения к ее внутренним силам и потребностям педагогический процесс не может быть эффективным.

Современные тенденции образования предполагают использование личностно-деятельностного подхода к образовательному процессу, который предполагает максимальное использование возможностей личности как педагога так и обучающегося.

Личностно-деятельный подход, как основа организации современного образовательного процесса предполагает:

– Что в центре обучения находится сам обучающийся, его мотивы, цели, его неповторимый психологический склад, т.е. студент как личность. Исходя из интересов обучающегося, уровня его знаний и умений, преподаватель определяет учебную цель занятия и формирует и направляет весь образовательный процесс в целях развития личности обучающегося. Цель каждого занятия при реализации личностно-деятельного подхода формулируется с позиции каждого конкретного студента и всей группы в целом.

В процессе преподавания максимально учитываются национальные, половозрастные, индивидуально-психологические, статусные особенности учащихся.

Личностно-деятельный подход означает пересмотр педагогом привычных трактовок процесса обучения преимущественно как сообщения знаний, формирования умений и навыков, предполагает организацию учебной деятельности с ориентацией на постановку и решение конкретных задач самим учеником.

Личностно-деятельный подход с позиции обучающегося предполагает создание условий личностного роста, формирование активности студента, его готовности к учебной деятельности, предполагает единство внешних и внутренних мотивов, стремление к сотрудничеству с другими обучающимися. Личностно – деятельный подход означает, что прежде всего в обучении ставится и решается основная задача образования - создание условий развития гармоничной, нравственно совершенной и социально активной саморазвивающейся личности. Обучение преломляется через личность обучающегося, через его мотивы, цели, интересы, перспективы и т.д. Личность находится в центре обучения и образования.

Учение с позиции психологии рассматривается как активность субъекта, как деятельность, как фактор психического развития.

Учение с педагогической позиции рассматривается в таком контексте, где воспитание и обучение представляют собой систему целенаправленных, желательных с точки зрения потребностей общества условий, долженствующих обеспечить наиболее эффективную передачу общественного опыта.

При реализации личностно-деятельного подхода нельзя переоценить роль педагога, который осуществляет педагогический процесс, осуществляет передачу знаний молодому поколению.

Деятельность преподавателя способствует: 1) стимуляции познавательных интересов учащихся при помощи содержания учебного материала, обеспечивает новизну содержания учебного материала, обновление уже усвоенных знаний, практическую значимость содержания знаний; 2) стимуляции познавательных интересов за счет организации деятельности способствует многообразию форм самостоятельной работы, овладение новыми формами деятельности; 3) активизации познавательных интересов способствует эмоциональность самого учителя, доверие к возможностям студентов.

Смысл непрерывного образования заключается преимущественно в том, чтобы уже в условиях общего и основного профессионального образования сформировать систему знаний умений и качеств личности, позволяющих ей самостоятельно продолжать образовывать и совершенствовать себя, успешно адаптироваться к изменяющимся условиям и добывать необходимые ей знания и умения.

Целью образования должна стать социально сформированная личность. Понятие социально сформированной личности включает в себя:

- интеллектуальную зрелость (развитые познавательные интересы, умение найти конструктивное решение проблемы, критичность мышления);
- социальную зрелость (готовность к сотрудничеству, толерантность, ответственность, самостоятельность).

Эти признаки социально сформированной личности детализируются в таких компонентах готовности к взрослой жизни, как готовность к самостоятельной познавательной деятельности, непрерывности образования, готовность к сознательному выбору профессии и осознания своего собственного выбора, готовность к разумной организации здоровья, готовность к общественной жизни.

Вхождение в роль студента значительно затруднено слабой готовностью к самостоятельной деятельности. Возникает противоречие между новой системой возможностей, между новой системой отношений и привычными стереотипами построения подобных отношений в школе.

Путь профессиональной подготовки диктует очень быструю смену ролевой позиции студента: в начале обучения он должен перестать быть школьником, а к его окончанию – студентом. Это все предполагает интенсивное социальное взросление и профессионально личностное развитие студента.

Все более актуальной становится проблема психолого-педагогического сопровождения молодых людей, получающих профессиональное образование.

Студенчество – особая социальная категория, общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования.

В социально-психологическом аспекте студенчество, по сравнению с другими социальными группами населения, отличается наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры, высоким уровнем познавательной мотивации.

Для социально-психологической характеристики студенчества важно, что это этап развития в жизни человека, связанный с формированием относительной экономической самостоятельности, отходом от родного дома.

Существенным показателем студенчества, как субъекта учебной деятельности, служит его умение выполнять все виды и формы учебной деятельности.

Важными факторами успешного педагогического процесса являются такие аспекты личности, как обучаемость и мотивация учебной деятельности.

МОТИВАЦИЯ – это совокупность всех факторов, определяющих побуждение к учению и решению учебных задач.

В центре мотивационной сферы учения – система разнообразных мотивов

- по отношению к самой деятельности учения: а) внутренние – интерес к самому процессу учения, стремление к получению новой информации, потребность в саморазвитии; б) внешние – потребность в общественном признании, в получении необходимых для общества специальностей, потребность в достижении успеха, в достижении социального и материального благополучия, осуществление карьеры и т.д.

Деятельность учения каждого студента чаще всего поли мотивирована, при этом среди всей системы мотивов выделяются как более, так и менее значимые.

Каждый обучающийся характеризуется собственным стилем деятельности, отношением к ней, обучаемостью. **ОБУЧАЕМОСТЬ** – важнейшая характеристика субъектов учебной деятельности.

Обучаемость человека является одним из основных показателей его готовности к учению и освоению знаний стихийно или целенаправленно в условиях какой – либо конкретной образовательной системы.

Обучаемость связывается с продуктивностью, под которой понимается качество, темп работы, ее объем в единицу времени, отсутствие напряжения и утомления в течение длительного периода, удовлетворенность результатами труда.

Обучаемость по А.К. Марковой - это восприимчивость ученика к усвоению новых знаний и новых способов их добывания, а также готовность к переходу на новые уровни умственного развития.

Одной из проблем вузов является низкое качество общеобразовательной подготовки первого курса отсутствие у большинства студентов учебных умений, навыков организации самостоятельной работы, мыслительной деятельности, недостаточная развитость коммуникативной культуры. В результате они испытывают затруднения с овладением на требуемом уровне стандартов ВПО, с получением полноценного профессионального образования.

С первых дней пребывания в вузе первокурсников надо обучать навыкам учебной работы, что позволит им безболезненно адаптироваться в учебном процессе, повысит качество обучения.

Необходимо переосмыслить принципы взаимоотношения мира «Отцов» и мира «детей»:

Принцип субординации: когда мир взрослых всегда прав и знает, как нужно делать, должен быть заменен на **принцип свободы и уважения**. Мир детства и мир взрослости совершенно равноправные части мира человека, их «достоинства» и «недостатки» гармонично дополняют друг друга.

Принцип монологизма: мир детства – это мир учеников и воспитанников, мир взрослых – мир учителей и воспитателей; мир детства – чистая потенция, лишенная своего собственного и ценного для взрослых содержания; мир взрослых существует, тогда как мир детства лишь взрослеет, усваивая содержание мира взрослых; содержание взаимодействия транслируется только в одном направлении – от взрослых к детям. Этот принцип должен быть заменен на **принцип диалогизма**: взаимодействие мира детства и мира взрослости должно строиться как диалогичный и целостный «учебно-воспитательный процесс».

Принцип произвола: мир взрослых всегда жил по своим законам и всегда навязывал эти законы миру детей; мир детства всегда был беззащитным по отношению к миру взрослых. Этот принцип должен быть заменен на **принцип сосуществования**: мир детства и мир взрослости должны поддерживать обоюдный суверенитет, исходить из идей невмешательства, ненавязывания друг другу своих ценностей и законов.

Принцип контроля: мир детства всегда находился под полным контролем мира взрослых; этот контроль всегда рассматривался как необходимый элемент процесса обучения и воспитания. Этот принцип должен быть заменен на **принцип свободы**: мир взрослости должен исключить все виды контроля над миром детства, предоставить ему полную свободу выбирать свой собственный путь, каким бы этот путь ни был, обеспечивая при этом лишь условия сохранения жизни и здоровья детей.

Принцип взросления: развитие мира детства всегда рассматривалось как взросление, то есть планомерное движение детей по созданной миром взрослых «лестнице» возрастов. Этот принцип должен быть заменен на **принцип соразвития**: развитие мира детства – это процесс, параллельный развитию мира взрослых.

Принцип инициации: во всех обществах всегда существовала границы между миром детства и миром взрослых и «процедурой инициации», то есть перевода человека из одного мира в другой. Этот принцип должен быть заменен на **принцип единства**: мир детства и мир взрослости не образует двух разграниченных миров, но составляют единый мир людей.

Принцип деформации: мир детства всегда, так или иначе, деформирован вторжением мира взрослых. Этот принцип должен быть заменен на **принцип принятия:** особенности любого человека должны приниматься такими, каковы они есть, безотносительно каким бы то ни было внешним эталонам, нормам и оценкам «взрослости» и «детскости».

Таким образом, «новая психология детства – это гуманистическая психология, которая может быть построена на основе новых отношений между миром взрослых и миром детства. В соответствии с новыми обозначенными принципами, основная задача гуманистической психологии детства состоит в гармонизации и совместном продуктивном развитии» [1, с. 113-114].

Список литературы

1. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Основы психологической антропологии. – М.: Школьная пресса, 2000. – С.416.

Каримов Вячеслав Хамитович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории государства и права
Новосибирского государственного аграрного университета
(г. Новосибирск)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ В РОССИИ

Еще с далеких времен, начинающихся со становления рабовладельческих государств дохристианской и начала христианской эры, а затем прошедших на их смену феодальных стран, преступников и подневольных лиц старались учитывать. Что происходило посредством широко распространившихся в то время в примитивных и жестоких, (но, безусловно, необходимых государственно-властвующему сословию), формах – клеймения и калечения, которые просуществовали длительный период времени. Отметим, что во многих работах по уголовной, а затем и криминалистической регистрации клеймение и калечение выделяется как первый этап ее развития.

Подлинное развитие криминалистической регистрации начинается с переменами в государственно-политических системах развитых стран, формированием у них капиталистических социально-экономических отношений, закономерном росте миграционных процессов и в целом динамизма жизни общества, как следствие, негативными количественными и качественными изменениями преступности. Правоохранительные органы, прежде работавшие на основе житейского опыта и здравого смысла, теперь оказались бессильны [1].

В России система письменной регистрации судимых появляется лишь после судебной реформы 1864 г. Составители Устава уголовного судопроизводства, утвержденного 20 ноября 1864 г., в тематическом комментарии по этому вопросу писали: «Судом всегда судится не отдельный поступок подсудимого, но вся его личность», а в сенатском толковании ст. 687 Устава имелось прямое указание на судебном следствии по требованию прокурора оглашать справки о прежней судимости подсудимого или справки об обвинении его в иных преступлениях. К 1903 году в столе привода полиции накопилось уже около миллиона регистрационных листков, в которых аккумулировались сведения о лицах, задержанных за преступления, подвергшихся административным взысканиям, замеченных в предосудительном поведении [2].

Однако, такая регистрация в нашей стране длительное время была далека от совершенства. В частности, С.Н. Трегубов в 1915 г. писал: «...она пока еще не организована на рациональных началах. Министерство юстиции стало издавать «Ведомости справок о судимости», которые предназначены лишь для установления прежней судимости и вовсе не могут служить для выяснения (идентификации) личности преступника. Пользование, весьма затрудняемое громоздкостью помещаемого в них материала, возможно лишь тогда, когда обвиняемый не скрывает своей личности или когда ее удастся установить иными способами» [7].

Существенный вклад в формирование и практическое внедрение научно-технических средств, способов и методов учета преступников вносит Альфонс Бертillon, предложивший *антропометрическую систему их регистрации*.

Антропометрические бюро создаются практически во всех странах мира, в том числе и в Российской империи. В частности, в С-Петербурге такое бюро было учреждено в 1890 году под руководством Н.А. Козлова. За первые 14 лет были взяты на учет 55104 преступника. Создавались бюро и в других городах. К 1905 году они существовали в 18 губернских городах, не считая Москвы и Санкт-Петербурга. Хотя, в целом по стране, система оставалась разрозненной, опыт ее деятельности не обобщался, свидетельством чему является весьма показательный факт - в 1902 году Н.А. Козлов не знал об антропометрическом бюро, созданного еще в 1900 г. в г Москве[5].

По существу с фотографией начинался второй этап развития информационных систем криминалистического назначения, который в соответствии с используемыми в нем методами и средствами можно обозначить как **научно-изобразительная регистрация** (конец XIX – середина XX в.в.). первоначально она используется наряду с описательно-картотечной, во многом дополняя ее, расширяя возможности по информационному сопровождению раскрытия и расследования преступлений.

В России дактилоскопирование преступников было введено циркуляром Главного тюремного управления № 32 в 1906 г., в соответствии с которым во всех тюрьмах были организованы «дактилоскопические бюро». Законом от 6 июля 1908 г. «Об организации уголовной полиции» аналогичные бюро были созданы в больших городах при уголовных полицейских управлениях. По мнению С.Н. Трегубова, существенным недостатком этой системы в то время была ее разобщенность. Ведением дактилоскопических учетов занимались различные ведомства, общая регистрация всех осужденных отсутствовала. «Каждое из этих учреждений вело дело по своей системе и для своих узковедомственных, а не общегосударственных целей, и сведения одного бюро не сообщались другому, вследствие чего выяснить и установить личность преступника возможно лишь в удачном случае» [7].

В Российской империи первая дактилоскопическая экспертиза была проведена в ноябре 1909 г. в Варшаве при расследовании убийства вдовы Вашкевич, а в декабре того же года по делу об убийстве Лапинского. В обоих случаях преступники были установлены по следам рук [4].

С середины – конца XX века начинается новый этап (середина – конец XX века) становления криминалистической регистрации. Для него характерна **научно-инструментальная регистрация**. В данный период расширяется круг регистрируемых объектов. В его сферу попадают не только лица, предметы и явления, связанные с преступлением, но и множество других объектов, имеющих потенциальное криминалистическое значение. Соответственно, корректируется научное понимание криминалистической регистрации. В частности, А. И. Винберг в 1966 году предложил в криминалистической регистрации учитывать не только сами объекты, но и их идентификационные признаки [3].

Еще в начальный период становления научно-инструментального этапа криминалистической регистрации проявляются попытки автоматизации информационной деятельности правоохранительных органов.

Подлинное развитие автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС) получили в конце 80-х гг. XX века с появлением доступных персональных компьютеров, поддерживающих специальные поисковые программы, такие, как «Morpho», «NEC», «Printrak», «Delta-S», «Сонда-Фрес», «Сонда+», «Дакто-2000», «Шерлок-2000», «Папилон» и т.д. При этом вначале целенаправленной политики не проводилось, территориальные органы выбирали системы по своему усмотрению. Возник обоснованный вопрос о выборе эффективных и в то же время доступных АДИС. В результате проведенных в 90-х гг. XX века испытаний были выбраны отечественные системы «Сонда» и «Папилон», рекомендованные на Методическом совете ЭКЦ МВД России, как показавшие наилучшие результаты для внедрения в практику (указание МВД России № 1/908–95 г. и № 1/21005–96 г.).

АДИС «Сонда» эксплуатировалась в УВД г. Магнитогорска, Краснодарского края, Вологодской области и др. АДИС «Папилон» ГУВД - ОВД Санкт-Петербурга и Ленинградской обл., Ставропольского края, в Новосибирской области и других субъектах РФ. Сравнение результатов этих систем (в частности, в Татарстане, в Челябинской области и т.п.) показало преимущества системы «Папилон», которая и была взята на вооружение экспертно-криминалистическими подразделениями (ЭКП) ОВД повсеместно.

В настоящее время складывается этап, условно назовем его **технологическая информационная регистрация**. Характерной чертой этого этапа является глобализация и интеграция информации в едином информационно-правовом пространстве, формирование единой специализированной информационно-поисковой системы криминалистического назначения как элемента общей государственной системы регистрации граждан.

В 2004 году принимается программа «Создание единой информационной телекоммуникационной системы органов внутренних дел» (ЕИТКС ОВД МВД). Главной целью Программы ЕИТКС является достижение качественного улучшения информационного обеспечения органов внутренних дел за счет использования в практической деятельности современных телекоммуникационных, информационных и биометрических технологий.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов. / Под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006.
2. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – Л., 1984.
3. Криминалистика: Учебник. / Белкин Р.С., Винберг А.И., Зотов Б.Л., Корухов Ю.Г., и др.; Отв. ред.: С.П. Митричев, М.П. Шаламов. – М.: Юрид. лит., 1966.
4. Миронов. А.И. Судебно-экспертные учреждения Царской России. – М.: Экспертная практика. – № 46. – 1999.
5. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. / под общ.ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – С.92.
6. Отчет о результатах командирования с 24 по 27 апреля 2012 г. Во Франции (г. Лион) представителей ФКУ «ГИАЦ МВД России» для изучения практики применения дактилоскопических технологий в деятельности правоохранительных технологий зарубежных стран. – М.: ГИАЦ МВД России, 2013.
7. Тругубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Практ. Рук-во для суд. деятелей. – М.: Изд. юрид. книжн. склада «Право», 1915.

Назарова Марина Анатольевна

кандидат философских наук, доцент Новосибирского
государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ЦЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

На современном этапе развития общества существуют около 1000 определений культуры. Одним из самых распространенных подходов толкования данного термина является аксиологический, согласно которому *культура* – это совокупность духовных, материальных и социальных ценностей. Аксиологический подход коррелирует с деятельностным, означающим, что *культура* – это способ создания ценностей. Таким образом, *культура* – это многогранное явление, которое охватывает все сферы жизнедеятельности человека, в том числе управленческую, экономическую и предпринимательскую.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. менеджеры, консультанты, исследователи обнаружили, что концепции менеджмента имеют существенные ограничения, так как не учитывают многие культурные аспекты. В поисках новых стратегий и направлений к успешности организации создали особый феномен – *корпоративную* или *организационную культуру*, которая активно исследуется сегодня как за рубежом, так и в России. В данной статье корпоративная и организационная культуры рассматриваются как синонимы.

На основе анализа (табл.1) термина *корпоративная (организационная) культура* [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] можно сформулировать следующее определение, которое включает ряд компонентов, наиболее часто упоминаемых разработчиками: *корпоративная (организационная) культура* – это совокупность базовых представлений, материальных, социальных и духовных ценностей, общих для всех сотрудников организации, создаваемых ими в процессе трудовой деятельности.

Табл.1. Определения корпоративной (организационной) культуры

Год	Автор	Определения
Зарубежные исследователи		
1981	У. Оучи	Организационная культура – символы, церемонии и мифы, которые сообщают членам организации важные представления о ценностях и убеждениях
1985	Э. Шейн	Культура – это совокупность коллективных базовых правил, изобретенных, открытых или выработанных определенной группой людей по мере того, как она училась решать проблемы, связанные с адаптацией к внешней среде и внутренней интеграцией, и разработанных достаточно хорошо для того, чтобы считаться ценными
1998	М. Армстронг	Корпоративная культура – это совокупность убеждений, отношений, норм поведения и ценностей, общих для всех сотрудников данной организации
2006	С. Роббинз	Под организационной культурой мы понимаем систему представлений, которой придерживаются все члены организации и которая отличает данную организацию от других
Отечественные исследователи		
2000	В.В. Козлов	Корпоративная культура – система формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения работников данной организационной структуры, стиля руководства, показателей удовлетворенности работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентификации работников

		с предприятием и перспективами его развития
2001	В.А. Спивак	Культура корпорации – очень сложное, многослойное, динамичное явление, включающее и материальное, и духовное в поведении организации по отношению к субъектам внешней среды и к собственным сотрудникам
2001	О.С. Виханский, А.И. Наумов	Организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения
2003	Н.В. Тесакова	Корпоративная культура – это признаваемые в конкретной организации правила поведения (ценности; социальные, коммуникативные и моральные нормы; ритуалы; фирменный стиль) правила управления (организационная структура, коммуникации, кадровая политика)
2012	А.Ю. Мешков	Корпоративная культура – это совокупность базовых представлений, ценностей и норм, присущих только данной организации, формирующихся в ходе совместной деятельности для достижения общих целей, приобретенных при решении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность, задающих ориентиры, проявляющихся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среде, формирующих чувство общей судьбы

Таким образом, существует множество интерпретаций определений корпоративной культуры. Каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки. На основе анализа структуры корпоративной культуры, проделанной А.Ю. Мешковым [9], [10], можно выделить один из повторяющихся уровней – ценностный.

Таким образом, ведущую роль в корпоративной культуре играют ценности [11]. *Ценность* – это то, что имеет значимость (важность) для человека, в ней всегда заложена оценка. Если *ценность* толковать как *социальную реальность*, то *ценность* – это социальная форма бытия, явления, вещи, предмета, так как ценностные свойства предмета являются социальными [12]. Организационные ценности – это социально обусловленное отношение личности к материальным, социальным и духовным ценностям, это нормы поведения. Часто выражаются в виде философии или философских идей и положений, миссии организации.

К материальным ценностям организационной культуры можно отнести товары, продукты, услуги, орудия труда и технологии, все, что создано в процессе производства, а также саму трудовую деятельность, распределение основного дохода и размера прибыли и др.

Социальные – это правила и образцы поведения, уважение, признание, психологический комфорт, желание работать в престижных организациях и др.

Духовные ценности корпоративной культуры включают общественные и эстетические идеалы, моральные и этические нормы, знания, компетенции, способности обучаться и/или обучать других, инициатива и творчество, самоопределение и самоактуализация и др.

Материальные, социальные и духовные ценности корпоративной культуры можно соотнести с пирамидой потребностей А. Маслоу [13].

Пирамида потребностей универсальна, она применима к любым сферам жизнедеятельности человека, в том числе и к профессиональной, частью которой является корпоративная культура. Отмечу, что организации ориентированы на удовлетворение потребностей клиентов.

Табл. 2. Пирамида потребностей в условиях корпоративной культуры [14, с. 16]

Иерархия потребностей	Ступени пирамиды		Способы удовлетворения потребностей в условиях корпоративной культуры
	5.Потребности в раскрытии своего потенциала (потребности самоактуализации)	метанотребности	Участие в значимых проектах, раскрытие своих творческих способностей, возможность обучаться или обучать других
	4.Потребность в признании и уважении (социально-психологические потребности)	потребности дефицита	Участие в долгосрочных проектах, признание, желание работать в престижных организациях
	3.Потребность в принадлежности к группе (социально-психологические потребности)		Наличие друзей, приятных сослуживцев, хорошего коллектива, уважаемых руководителей, порядочных клиентов
	2.Потребность в безопасности (базовые)		Безопасность на рабочем месте, льготы, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение
	1.Физические потребности (материальное положение) (базовые)		Зарплата, удобство рабочего места, физический комфорт на рабочем месте (тепло, освещение), источники и качество пищи

Социальные ценности и нормы поведения сотрудников, составляющие содержание корпоративной культуры организации, имеют свою психологическую основу в виде системы господствующих мотивационных побуждений. Сущностью этих побуждений выступают как индивидуальная, так и социальная психика. На поведение работника в организации оказывают свое влияние родившиеся в атмосфере организации социальные побуждения. Индивидуальные импульсы не пропадают, но окрашиваются социальными ценностями, то есть в организации складываются специфические мотивационные структуры – мотивационный климат.

Потребности дефицита дают о себе знать в случае неудовлетворения. Люди весьма упорны в удовлетворении этих потребностей. Неспособность добиться успеха часто приводит к психологическим срывам.

Метанотребности – это желание людей раскрыть потенциалы своего интеллекта, способностей и творчества.

Динамика потребностей в пирамиде подчиняется двум закономерностям:

1. Потребности человека, развиваясь, идут к вершине в строгой последовательности: человек не будет переживать потребность в самоактуализации пока «не пройдет» все предыдущие стадии;

2. Проявившаяся потребность не регрессирует: человек добившийся признания и уважения, не откатится к потребностям низшего уровня. Он живет по формуле – «есть, чтобы жить», формула – «жить, чтобы есть» – не для него.

Концепция пирамиды может быть использована для диагностирования и корректировки дисбаланса между ценностями компании и ценностями сотрудников, оценки мотивационного климата в организации и др.

Любая организация создается для реализации каких-либо целей, например, для производства товаров, оказания услуг населению, поэтому цели являются ценностями. Постановка целей деятельности организации – процесс сложный, ответственный, индивидуальный, и зависит не только от влияния внешних факторов (например, специфики развития отрасли в данный конкретный промежуток времени, особенностей налогообложения и социально-экономической политики государства и др.), но и от внутренних (таких, как: степени зрелости, ответственности и экономических возможностей конкретной организации, ее руководства, от ценностей, норм корпоративной культуры, которая доминирует в данной компании и др.).

Исследователи выделяют ценности-цели и ценности-средства [15], [16]. Ценности-средства определяют пути достижения целей: общение, независимость, индивидуальность, признание, честность, новаторство, творчество, готовность идти на риск, качество работы.

Ценности-цели выражаются в миссии компании, а ценности-средства – в подходах к определению политики компании, в принятых нормах поведения сотрудников организации при их взаимодействии с заказчиками, партнерами, друг с другом [16].

Цели являются субъективным отражением в психике человека объективно существующих возможностей результата деятельности или поступка. Иерархия ценностей обусловлена иерархией потребностей человека, составляющих основу жизнедеятельности. Цели главные и промежуточные, более и менее насущные в совокупности образуют систему соподчиненных целей, называемую «деревом целей» [16, с. 148].

Ученые отмечают противоречия, несогласованность, нередко и диссонанс между личностными ценностями работников (первостепенное значение для них имеют здоровье, семья, обеспеченность) и требуемым от них поведением, которое определяется ценностями-целями организации, зависимиыми в значительной степени от характера корпоративной культуры [17, с. 74].

Т.О. Соломанидина провела исследование систем ценностей организационной культуры в 12 московских компаниях с различными типами культуры. Полное совпадение отметили незначительное число опрошенных. Эмпирически было доказано, что уже при 50%-м совпадении целей и ценностей сотрудника и компании работник дает 100%-ю производительность, совершенствуя затем качественные параметры создаваемой продукции. Значительное совпадение также означает лояльность персонала по отношению к целям и ценностям компании и свидетельствует о мотивации [16, с. 182].

Согласно исследованию, проведенному американским институтом Бателле в 1984 г., на смену общепризнанным ценностям, таким, как «дисциплина, послушание, иерархия, достижения, карьера, достаточность, власть, централизация», приходят другие – «самоопределение, участие, коллектив, ориентирование на потребности, раскрытие личности, творчество, способность идти на компромиссы, децентрализация» [18].

В результате изменений, которые претерпевают социально-экономическая, производственная, духовная сферы развития общества, трансформируются ценности, что, в свою очередь, должно приводить к разработке соответствующей корпоративной культуры, которая была бы адекватна ее стратегии и обеспечивала успех.

Формирование ценностей организационной культуры необходимо для создания предельного образа компании, или ее имиджа. Эти ценности внедряются через публичные выступления основателей или президентов компаний, через информационные документы, в том числе сайты, порталы, рекламные ролики, фильмы, вывески, слоганы и др. Совокупность таких ценностей часто называют *философией* организации.

Исследуем, как осуществляется целеполагание и сравним ключевые ценности вузов Новосибирска на примере НГУ, НГТУ, НГАУ, СГУПС.

Ценности-цели НГУ сформулированы лаконично и амбициозно:

Подготовка интеллектуальной элиты для науки, образования, наукоемкого производства, бизнеса на основе фундаментального образования, позволяющего выпускникам быстро адаптироваться к меняющимся потребностям общества [19].

Что касается целей, рассчитанных на ближайшую перспективу, то НГУ активно участвует в проекте 5-100 и планомерно улучшает свои позиции. В прошлом году НГУ делил второе-третье место с Карловым университетом. В этом году по рейтингу QS 2015–16 (представленному британской компанией QS Quacquarelli Symonds) среди университетов стран развивающейся Европы и Центральной Азии Новосибирский государственный университет занял абсолютное второе место [20]. При этом НГУ набрал очень высокие баллы по таким критериям, как «академическая репутация» и «репутация среди работодателей». «Несомненно, это результат слаженной и эффективной работы всех

сотрудников университета, в первую очередь признание высочайшего уровня его профессорско-преподавательского состава. ... Успех НГУ был бы невозможен без его тесной интеграции с партнерскими научными институтами Академгородка и новосибирским Технопарком», – прокомментировал результаты рейтинга ректор НГУ Михаил Федорук [19].

Философия бренда НГУ заключена в слогане: «Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать».

НГУ стремится стать мировым лидером в сфере образования, в мае 2011 г. университет получил статус ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», в апреле 2014 г. переименован в федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Миссия НГТУ заключается в подготовке конкурентоспособных кадров для высокотехнологичных отраслей экономики России, в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований мирового уровня, в трансфере результатов интеллектуальной деятельности и интеграции в мировое научно-образовательное пространство [21].

К ценностям-целям НГТУ относятся:

- создание научно-образовательного инновационного комплекса, который в соответствии с приоритетами национального развития обеспечит:
- непрерывную многоуровневую подготовку высококвалифицированных специалистов и кадров высшей квалификации новой формации, конкурентоспособных на мировом уровне;
- формирование инновационных компетенций у выпускников и специалистов;
- развитие и взаимодействие с региональной инновационной средой;
- разработку и коммерциализацию наукоемкой и инновационной продукции.

Для достижения поставленных целей будут решаться следующие задачи:

- совершенствование и развитие комплексной системы многоуровневой непрерывной профессиональной подготовки конкурентоспособных специалистов для инновационной экономики;
- совершенствование и развитие научно-исследовательского процесса;
- совершенствование и развитие инновационной деятельности;
- совершенствование организационной структуры университета и повышение эффективности управления;
- развитие кадрового потенциала университета;
- совершенствование и развитие внутрироссийской и международной мобильности;
- развитие и модернизация учебной, научной и инновационной инфраструктуры;
- **создание благоприятных социальных условий для жизни и деятельности преподавателей, сотрудников и студентов.**

Для решения поставленных задач предусмотрено выполнение 28 мероприятий и 81 проекта. Ценности-цели и задачи сформулированы весьма агрессивно, технократично.

Ближайшей целью НГТУ является улучшение своих позиций в национальных рейтингах. В настоящее время НГТУ занимает преимущественно 16–20 позиции, за единственным исключением в Национальном рейтинге университетов (по данным рейтинг вузов по техническим направлениям подготовки агентства «Эксперт РА» (сентябрь 2014). НГТУ занял 12 место в рейтинге вузов по техническим направлениям подготовки среди 50 вузов.

К ценностям-целям НГАУ относятся:

- **предоставление образовательных услуг;**
- **обеспечение непрерывной уровневой профессиональной подготовки и переподготовки специалистов агропромышленного комплекса, а также научно-**

консультационно-инновационной деятельности в области аграрных технологий, направленной на социально-экономическое и культурное развитие стратегически важного региона Западной Сибири [22].

Миссия университета – удовлетворение потребности личности в углублении и расширении образования, обеспечение общества высококвалифицированными, гармонично развитыми специалистами, содействие через научно-консультационно-инновационную деятельность устойчивому развитию сельских территорий и предприятий агропромышленного комплекса.

К материальным ценностям вуза можно отнести: 1) формирование системы стимулирования профессорско-преподавательского состава и управленческих кадров – создание в университете условий, формирующих из персонала коллектив единомышленников, способный реализовать сложные стратегические и тактические цели, стоящие перед вузом. Разработка принципов и методов мотивации сотрудников университета на основе рейтинговой оценки; 2) обеспечение безопасности жизни и здоровья сотрудников и студентов путем установления видеонаблюдения в корпусах и общежитиях университета, организации пропускного режима для въезда автотранспорта на внутреннюю территорию студенческого городка и установки турникетов в корпусах НГАУ.

Формирование системы стимулирования включена в «приоритетные направления развития университета (видение)», обеспечение безопасности жизни и здоровья сотрудников и студентов взята из целей университета в области повышения качества образовательных услуг на 2013-2014 гг. В вузе определены требования к данной категории целей: они «должны быть конкретными, измеримыми, достижимыми, реалистичными и ориентированными во времени» [20].

К социально-духовным ценностям НГАУ относятся ценности из перечня приоритетных направлений: 1) формирование у студентов гражданских, нравственных и других социально-личностных качеств и компетенций, востребованных обществом и государством; 2) создание для студентов и сотрудников благоприятного морального климата и достойных социальных условий.

Таким образом, в НГАУ ценности представлены в виде целей двух категорий: 1) цели – «приоритетные направления», означающие обобщенность, отсутствие конкретики, трудности в определении параметров их диагностирования, долгосрочную перспективу и 2) цели – «повышения качества образовательных услуг»: конкретные, измеримые, достижимые, реалистичные и ориентированные во времени. Условно их можно определить как долгосрочные и краткосрочные.

Ценности-цели и миссия СГУПС: наша главная цель – подготовка высокообразованных, предприимчивых и конкурентоспособных специалистов в соответствии с существующими и перспективными потребностями личности, отрасли, общества и государства [23].

Для достижения цели мы стремимся:

- **развивать корпоративную культуру**, следовать ценностям творчества и ответственности, доверия и командной работы, инициативы и признания достижений;
- брать за образцы целей лучшие достижения в области профессионального и послевузовского образования, науки и социальной деятельности;
- постоянно вести самооценку возможностей и достигнутых результатов по удовлетворению требований заинтересованных сторон;
- повышать уровень качества сотрудников (образование, квалификация, компетентность, профессионализм, в том числе в области менеджмента качества);
- расширить партнерские отношения с организациями системы образования, поставщиками и потребителями;
- обеспечить плодотворную рабочую обстановку в коллективе Университета, заботиться об улучшении условий обучения и работы, справедливом финансовом и

моральном вознаграждении в интересах совместного успеха.

Следует отметить, что именно руководство СГУПС заинтересовано в развитии корпоративной культуры и ее ценностей, что объясняется его непосредственной связью с работодателем (ОАО РЖД).

Перечисленные примеры выстроены по принципу развернутости: от более сжатых ценностей-целей к ценностям-целям, изложенным достаточно подробно. Сформулированы они достаточно амбициозно: «подготовка интеллектуальной элиты для науки, образования, наукоемкого производства, бизнеса» (НГУ); «подготовка конкурентоспособных кадров для высокотехнологичных отраслей экономики России» (НГТУ); «обеспечение общества высококвалифицированными, гармонично развитыми специалистами» (НГАУ); «подготовка высокообразованных, предприимчивых и конкурентоспособных специалистов» (СГУПС). Это проявляется и в намерениях поддерживать высокий образовательный уровень. В миссиях и ценностях отражены способы, направления, которые вузы выбирают для их реализации.

Другой блок ценностей вузов связан с пониманием необходимости повышения эффективности качества предоставляемых образовательных услуг.

Отмечу, что если про формулировании миссии слово «совершенствование» вполне уместно, то при формулировании целей, задач звучит неконкретно и размыто (например, задачи НГТУ).

Отсутствие простоты изложения целей вузов является основной их слабостью и понимания сотрудниками. Сложные формулировки характерны для НГАУ.

Еще один блок целей связан с решением социально-психологических проблем работников: «создание благоприятных социальных условий для жизни и деятельности преподавателей, сотрудников и студентов» (НГТУ); «создание в университете условий, формирующих из персонала коллектив единомышленников»; «обеспечение безопасности жизни и здоровья сотрудников и студентов»; «создание для студентов и сотрудников благоприятного морального климата и достойных социальных условий» (НГТУ); «развивать корпоративную культуру, следовать ценностям творчества и ответственности, доверия и командной работы, инициативы и признания достижений»; «постоянно вести самооценку возможностей и достигнутых результатов по удовлетворению требований заинтересованных сторон»; «обеспечить плодотворную рабочую обстановку в коллективе Университета, заботиться об улучшении условий обучения и работы, справедливом финансовом и моральном вознаграждении в интересах совместного успеха» (СГУПС). В этом блоке лидирует СГУПС.

Анализ ценностей корпоративной культуры НГУ, НГТУ, НГАУ, СГУПС показал, что вузы начали работу по формированию организационной культуры вузов.

Именно руководство СГУПС заинтересовано в развитии корпоративной культуры и ее ценностей, что объясняется его непосредственной связью с работодателем (РЖД).

Наличие развитой корпоративной культуры вуза означает его успешную представленность на рынке труда и более устойчивое положение на образовательном рынке ВО России.

Список литературы

1. Методы организации производства: японский и американский подходы: сокращ. пер. с англ. / Уильям Оучи; вступ. ст. Б.З. Мильнера. – М.: Экономика, 1984. – 183 с.
2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. СПб.: Питер, 2002. – 336 с.
3. Армстронг М. Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем: пер. с англ. / М. Армстронг. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – С. 134.
4. Роббинз С. Основы организационного поведения. – М.: Вильямс, 2006. – С. 320.

5. Козлов В.В. Корпоративная культура: опыт, проблемы и перспективы развития: монография. – М.: Альфа-пресс, 2001. – С. 9.
6. Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2001. – С. 27.
7. Виханский О.С. Менеджмент / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – М.: Гардарики, 1998. – С. 421.
8. Тесакова Н.В. Миссия и корпоративная культура. – М.: РИП-Холдинг, 2003. – С. 13.
9. А.Ю. Мешков Структура корпоративной культуры / А.Ю. Мешков // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 10 (269). – С. 148-150.
10. Баландина Т. Корпоративная культура // Лаборатория маркетинга и PR. – 2005. – № 3. – С. 77; Виханский О.С., Наумов А. И. Менеджмент: учеб. 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Экономистъ, 2008. – С. 532; Могутнова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 133; Рыбакова М. В. Организационная культура как фактор устойчивого развития / Управление персоналом. – 2004. – № 2. – С. 221; Спивак В.А. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: Питер, 2001. – С. 345; Фролов С.С. Социология организаций: учебник. – М.: Гардарики, 2001. – С. 123; Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – 3-е изд. / пер. с англ. под ред. Т.Ю. Ковалевой. – СПб.: Питер, 2007. – С. 31.
11. Радугин А.А. Организационная культура /А.А. Радугин // Организационное поведение: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2006. – С. 50-57.
12. Назарова М.А. Ценность как социально-философская категория / М.А. Назарова // Проблемы формирования и утверждения в российском обществе ценностей права, свободы и справедливости / Новосиб. гос. аграр. ун-т. – Новосибирск, 2006. – С. 325-329.
13. Maslow Abraham H. Motivation and Personality (2nd ed.) / Abraham H. Maslow – N.Y.: Harper & Row, 1970: [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/masla01/>. – Дата обращения: 15.09.2015.
14. Психология менеджмента: курс лекций / Новосиб. гос. аграр. ун-т; сост. О.Н. Инкина. – Новосибирск, 2011. – 47 с.
15. Скульмовская Л.Г. Корпоративные ценности как фактор развития корпоративной культуры / Л.Г. Скульмовская // Вестник Тюменского гос. ун-та. – 2009. – №4. – С. 101-105.
16. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании: учеб. пособие Т.О. Соломанидина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 624 с.
17. Карташова Л.В. Организационное поведение / Л.В. Карташова, Т.В. Никонова, Т.О. Соломанидина. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 220 с.
18. Родин О.А. Концепция организационной культуры: происхождение и сущность / О.А. Родин // Менеджмент. – № 7. – 1998. – С. 69.
19. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/>. – Дата обращения: 1.09.2015.
20. Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/eeca-university-rankings/qs-university-rankings-eeca-2015-out-now>. – Дата обращения: 25.10.2015.
21. Режим доступа: <http://www.nstu.ru/>. – Дата обращения: 25.10.2015.
22. Режим доступа: <http://nsau.edu.ru/>. – Дата обращения: 1.09.2015.
23. Режим доступа: <http://www.stu.ru/>. – Дата обращения: 25.10.2015.

Колесникова Алина Викторовна

кандидат философских наук, доцент, доцент Новосибирского государственного аграрного университета, Сибирского университета потребительской кооперации
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУКА КАК СТРАТЕГИЯ АНТИГЛОБАЛИЗМА

Глобализационные процессы современности ставят под вопрос уже не просто выживание национальных экономик, но и самих государств. И те, кто полагают, что в безгосударственном обществе всеобщего потребления настанет долгожданная стабильность, могут быть жестоко разочарованы, ведь глобализм создаёт свой «новый мир» отнюдь не для всех. Какова в этом национальном выживании роль науки? – Одна из главных. Но только в том случае, если наука является подлинно национальной, т.е. отвечает интересам нации и укрепления государства.

Сегодня в сознание общественности активно внедряется мысль о том, что академическая наука является пережитком прошлого, и даже идет противопоставление её всему научному сообществу; предлагается реформировать государственные академии наук методом «шоковой терапии», при участии внешних управляющих, так называемых эффективных менеджеров. В качестве альтернативы академической науке предлагается осуществлять фундаментальные исследования в сфере образования, в соответствии с западной моделью организации науки. Но сфера образования (безудержно реформируемая и модернизированная в последние годы) вряд ли не уступает академической науке по квалифицированности кадрового состава и технологической оснащенности. При этом, о должном обеспечении национальной безопасности в условиях глобализма, как бы забыто, а ведь даже просто постоянное заимствование технологий приводит к хроническому технологическому отставанию страны [3].

Как отдельный феномен и социальный институт наука – это квинтэссенция Просвещения, которое став сверхнациональным феноменом, создало представление о науке как о всеобщем достоянии человечества, что коррелировалось с господствующей тогда установкой всеобщего исторического развития и европоцентризма. Объективированные от человека и государства научные открытия становятся достоянием человечества. И это замечательно, если человечество представляет собой некое содружество или хотя бы мирное соседство народов и государств. Но историческая реальность всегда демонстрировала войны и противостояние разведывательных служб. В условиях внешних претензий на мировое господство при стирании всякой личной индивидуальности и национально-культурной идентичности, тем, кто не желает быть стертым с карты мира, придется противостоять, что требует четкой и продуманной стратегии, и роль науки в этом процессе несомненно важна.

Наука не может ни укрепиться, ни разрушиться вне контекста эпохи и реалий страны, и не может из себя самой (вне времени и пространства) обрести цель и смысл. Цель и смысл всегда обретает человек и наделяет ими всё, что сам создаёт и всё, что пытается постичь. И человек всегда (сколько бы не писали об универсальности) является частью национально-культурной традиции, и даже тот, кто от своей традиции отпадает, несет в себе её черты. Россия и русская наука, - по мысли философа И.А. Ильина, волею трагического распада Российской империи оказавшегося в эмиграции, – неразрывны во всём – «и в расцвете, и в разгроме, и в славе, и в унижении» [1].

Русская культура претерпела падение в начале прошлого века, во многом в результате безответственной по отношению к своей стране позиции образованного общества, в котором царили идеи радикальной демократии и большевизма. И философ И.А. Ильин праздник основания Российской Академии наук отмечал на чужбине, в мучительном диалоге со своими мыслями о причинах и следствиях обозначенного падения. Но после, советская наука, питаемая силами советского народа, совершит свой прорыв и обнаружит своё падение, не выдержав предательства радикальной либеральной интеллигенции. «Обезьянами прогресса» [2], наивными и доверчивыми ко «всему западному» назвал К. Леонтьев представителей интеллигенции, посягающих на традиционные основы русской государственности, и подобное сравнение, к сожалению, оказалось точным применительно к советской интеллигенции и вполне современно сейчас. Жизнеспособность науки напрямую зависит от мироощущения ее представителей, от того, являются ли они сами личностями в духовном смысле этого слова. Вопрос И.А. Ильина о сути идеи национальной науки содержит и ответ, в котором говорится об «утверждении власти духа над страстями и над материей, в организации духовного космоса нации» [1].

Наука может быть общечеловечна в своих конечных отвлеченных выводах (таковы, например идеи Аристотеля, Галилея, Ньютона и др.) и во внешней природе испытываемых вещей. Но «в живом источнике, творящем познание и добывающем истину, наука национальна; и в осуществляемом способе познания, в укладе познающей души и в строении познавательного акта наука остается национальной; и в обращении к тому народу, который породил ее, к его материи и к его духу (этнография данного народа, его история, экономика, социология, культура, правоведение, этика, эстетика и вся философия его) наука всегда была и всегда будет национальной по преимуществу», – утверждает И.А. Ильин. И философ детально анализирует составляющие национальной науки, они таковы: личный вклад гения (народа) в общемировую мысль (национальный вклад); способ познания (метод) как особый познавательный акт души; национальная рефлексия (самосознание). Итак, национальный характер науки выявляется по своему творческому источнику; по своему методу и акту познания; по степени глубины саморефлексии (предмет), как орган духовного самосознания и материального самоизучения.

«Культурно немощен и духовно беспомощен тот народ, который не сумел изучить данную ему от Бога природу для того, чтобы творчески овладеть ею, подчинить ее себе и превратить ее в свой благоустроенный дом и в безопасную колыбель для своего потомства; который не создал сам историческую науку о самом себе; который не сумел изучить свое прошлое, увидеть единственный в своем роде (идеографический) закон своего бытия, ритм своей истории, не сумел постигнуть свою судьбу, чтобы овладеть ею», – пишет И.А. Ильин [1].

Каждый народ, по мысли И.А. Ильина, «вынашивает свою национальную Академию и науку», как усилие души и разума. Значит, выразителем этого интеллектуального достояния народа должна служить национальная Академия наук. И.А. Ильин напоминает, что речь идет именно о разуме, а не богопокинотом и деморализованном европейском рассудке, дорогу которому, как известно, открыл И. Кант. Торжество агностицизма в европейской мысли спровоцировало многие болевые моменты современности. И каждый раз, в периоды социально-политических коллизий прозападная часть отечественной интеллектуальной элиты усердно отправляет на этот путь национальную саморефлексию и традицию. Мотивировка всегда одна – апелляция к практицизму и обретению материальной стабильности. И еще ни разу, отправившись по данному пути, не обрели соотечественники ничего, кроме разрушения.

Рассудок добровольно отказывается от Богопознания и метафизической тайны, но апеллирует к разуму и свободе; и как следствие – не чтит традицию, Родину, семью. Современный рассудок ещё и толерантен к тому, что во все века именовалось злом. Но, что есть разум и свобода, как не дар Создателя? Позволю себе напомнить расхожее

представление о разуме эпохи Просвещения, согласно которому, разум человек получил от природы, но сама природа не разумна, а ждет разумных действий от человека. Именно на данном тезисе основывается наука, заводящая человека в тупик саморазрушения. Но где же свобода, во имя которой рассудок отрицает Божественную тайну? Неужели в самоистреблении и торжестве потребительского инстинкта ради обогащения транснациональных корпораций, для которых всё человечество – лишь рынок сбыта?

Наука в России сложилась как явление силы национальной культуры и народного духа – «излучилась из народной души и сосредоточилась в особый очаг – очаг мысли и знания» (И.А. Ильин). То, что складывается как напряженное внутреннее национальное завоевание, как феномен национальной мысли, не имеет права девальвировать в своих целях и смыслах, иначе девальвация и разрушение грозит не только самому сложившемуся феномену, но и всей национально-культурной традиции и жизни. И потому представителям науки никуда не деться от ответственности перед своим народом и своей страной. Наука должна стать школой национальной интеллигентности, а последняя определяется именно «творческой силой души в испытании» (И.А. Ильин) [1].

Нашедшая в себе силы обрести национальный характер, т.е. отвечать интересам нации и предельным вопрошаниям своего народа, наука способна стать ясной стратегией антиглобализма.

Список литературы

1. Ильин И.А. Идея национальной науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/idnac.php. – Загл. с экрана.
2. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Республика, 1996.
3. Миндели Л.Э. Обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.issras.ru/papers/etap01_2012_Mindeli.php. – Загл. с экрана.

Софиенко Мира Борисовна

кандидат философских наук, доцент, доцент Новосибирского государственного аграрного университета, Новосибирского государственного медицинского университета
(г. Новосибирск)

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

В этой небольшой статье автор попытается, во-первых, выяснить причины популярности у российских абитуриентов юридического образования, а, во-вторых, понять, почему государство явно не одобряет такой выбор тысяч молодых граждан, причем не одобряет до такой степени, что всячески пытается уменьшить число будущих юристов, закрывая юридические факультеты и объявляя неэффективными юридические вузы. Это тем более странно, что само государство не несет ни затрат (большинство потенциальных юристов обучаются на платной основе), ни ответственности за судьбу выпускников (ведь, в отличие от СССР, в современной России отсутствует система распределения).

Юридическое образование в России стало общедоступным сравнительно недавно - с начала 90-х годов. До этого, в Советском Союзе, подавляющее большинство граждан не могли на него рассчитывать: юридических вузов было крайне мало, а условия поступления в них носили фактически запретительный характер. Как только препятствия были сняты, выяснилось, что стать юристами мечтают сотни тысяч граждан новой

России. Спрос, как известно, рождает предложение, и вот уже к середине 90-х годов в России существуют 365 государственных муниципальных и негосударственных юридических учебных заведений [1, 58]. Кроме того, многие вузы, вне зависимости от их базового профиля, открывают у себя юридический факультет.

С тех пор прошло больше двадцати лет, и, хотя диплом юриста уже не гарантирует ни качественных знаний, ни престижной работы, ни высокой зарплаты - число желающих его получить с годами не уменьшается. Более того, многие студенты юридических факультетов заведомо не намерены работать по специальности, но старательно учатся и исправно платят за обучение. Не мешает даже то, что, как уже говорилось, нынешнее государство такой выбор своих граждан не одобряет и препятствует ему всеми доступными способами, кроме, разве что, прямого запрета. Тем не менее, желающих учиться не становится меньше. Выяснить причину такой популярности юридического образования - цель данной работы.

Образование представляет собой одну из сфер взаимодействия индивидуальных и социальных интересов. Индивидуальный интерес состоит, прежде всего, в возможности получения желаемой специальности, социальный же заключается, во-первых, в формировании нужного социуму специалиста, а во-вторых, в так называемой «социализации». Сама социализация представляет собой «процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества; включает как целенаправленное воздействие на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на ее формирование» [2]. Очевидно, что образовательный процесс представляет собой именно целенаправленное воздействие общества на индивида.

Если же говорить о юридическом образовании, оно является предметом заочного спора, протекающего в последние годы между человеком и государством. С одной стороны, интерес к юридическому образованию среди потенциальных студентов растет, хотя юридический диплом давно перестал быть уделом избранных, а найти с ним работу гораздо сложнее, чем, например, с дипломом технического специалиста. С другой стороны, государство всячески пытается сократить число обладателей заветных дипломов, хотя юридическое образование уже давно практически повсеместно платное и никаких особых расходов ни на обучение подавляющего большинства будущих юристов, ни на создание для них специальных рабочих мест, государство не несет.

Как уже сказано, образование есть процесс социализации индивида, а одним из аспектов этой социализации является непосредственно процесс обучения, который, в свою очередь, представляет собой передачу систематизированных знаний, умений и навыков. Иными словами, процесс получения образования можно рассматривать как процесс превращения человека из отдельного индивида (разумное животное) в социальное существо (животное социальное). Иначе такой процесс называется «формированием личности». Личность же, заметим, вовсе не является высшей формой индивидуальности, напротив - личность есть синтез индивидуального и социального, причем индивидуального в ней ровно столько, сколько это допускает социальная система. Достаточно вспомнить слово «личина», имеющее явно отрицательную коннотацию.

Стало быть, государство вовсе не пускает процесс образования на самотек. Напротив, оно стремится всячески контролировать «знания, умения и навыки», которые индивид должен усвоить за весь период образования. В нашем случае налицо явное расхождение социальных и индивидуальных интересов - многие индивиды желают стать юристами, в то время как государство в этом не заинтересовано. Не имея возможности влиять на ситуацию напрямую - например, просто запретить юридическое образование как таковое, государство пытается максимально сузить круг возможностей его получить.

Возникает вопрос - что такое изучают студенты юридических вузов, что так не нравится государству? Ответ очевиден - юриспруденцию или науку о праве. Право же представляет собой совокупность установленных или санкционированных государством

общеобязательных правил поведения (норм), несоблюдение которых чревато государственными санкциями [3]. Таким образом, право - одна из форм государственного воздействия на общество в целом и индивидов в частности, с его помощью государство имеет возможность влиять на все сферы и социальной, и индивидуальной жизни и деятельности.

Однако, функции права не исчерпываются запретами. Напротив, обратной стороной правового запрета является свобода. Эта двойственность отражена в известном тезисе «все, что не запрещено - разрешено». Таким образом, право можно определить как «равную меру свободы». Равную - поскольку правовые нормы, как и санкции за их нарушения, в равной мере распространяются на всех граждан государства. Во всяком случае, эта мера должна быть равной, а если это не так - такое государство не является правовым. Иными словами, правовые нормы не только ограничивают свободу, но и защищают ее, поскольку вне правового поля свобода более сильных граждан неминуемо превращается в неограниченный произвол над более слабыми.

Все сказанное означает, что, с одной стороны, характер правовых отношений индивидов и государства определяется степенью возможной индивидуальной свободы, а с другой - именно степень допустимой и гарантированной правовыми нормами свободы определяет отношения индивида и государства.

Нужно заметить, что в России эти отношения складывались достаточно сложно. Русский феодализм больше напоминал азиатскую деспотию, нежели абсолютизм европейских стран: даже дворянство свои «вольности» получило лишь в восемнадцатом веке. Государством управляла бюрократия, явно позаимствованная с Востока в период татаро-монгольского ига. К этому можно добавить роль православной церкви, наглухо отрезавшей нашу страну от Запада и освящавшей самодержавно-бюрократический произвол, а также общинность и «стародедовские» традиции.

Отсюда крайне неуважительное отношение к праву, издавна существующее в России. Примерами такого негативного отношения могут служить и знаменитая история про «Шемякин суд», и уподобление законов пресловутому «дышлу», и, наконец, уже на уровне высокой литературы, знаменитое «по закону или по совести». Заметим, что это противопоставление закона и совести, не изжитое до настоящего времени, с одной стороны, провоцирует современный правовой нигилизм многих российских граждан, с другой - этот нигилизм оправдывает. В результате - нестабильность правового бытия в России и, как следствие, отсутствие четко обозначенного пространства допустимой свободы. Эту ситуацию не смог переломить даже кратковременный, но яркий расцвет правовой культуры, вспыхнувший в России во второй половине девятнадцатого века и продержавшийся до Первой мировой войны 1914 года.

Советский период внес в традиционное российское беззаконие свою лепту, породив, в частности, такое специфическое понятие как «социалистическая законность». Следствием «социалистической законности» стал узаконенный произвол государства над собственными гражданами. Заметим также, что именно в этот период доступ к высшему юридическому образованию строго ограничивается и обуславливается многочисленными требованиями - от наличия «пролетарского происхождения» до обязательного членства в рядах Коммунистической партии. Действительно, распространять социалистическую законность государство могло доверять только идеологически «правильным» кадрам.

События 90-х годов породили надежды на возможность возникновения в России правового государства. Именно это подтолкнуло интерес большинства молодых людей, к изучению права и получению юридического образования. Однако, как показало время, правовая ситуация в стране только ухудшилась - помимо никуда не исчезнувшего государственного произвола, возникла его новая форма - право стали использовать частные лица для достижения собственных целей. Разумеется, для этого следовало вступить в «договорные отношения» с правоохранительными органами, но это никого не останавливало. Все это, с одной стороны, способствовало укреплению пресловутого

«правового нигилизма», а с другой - нашлись индивиды, осознавшие, что, если уж государство превратило право в дубинку, ее можно использовать в своих интересах, защищая таким образом собственную свободу.

Разумеется, эти изменения происходят пока лишь в сознании отдельных людей и поэтому их влияние на правовую ситуацию в целом еще не очень заметно. Однако грядущая всеобщая юридическая грамотность и доступность юридических услуг нынешнее государство явно не устраивает. Оно в лице своих «жрецов от правосудия» насторожилось и пытается что-то предпринять - например, убедить сограждан в бесперспективности получения юридического образования, в переизбытке юристов, низком качестве образования и т.д.

Но вернуться в советскую эпоху невозможно. Правовое образование ныне доступно подавляющему большинству, и с этим придется считаться. Все больше и больше людей не хотят поступаться собственной свободой и готовы ее защищать. Для чего, собственно, и необходимо изучать право.

Список литературы

1. Горбатова М.К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Н. Новгород, 2007.
2. Большой энциклопедический словарь. – Электронное издание, 2007.
3. Там же.

Сергеев Сергей Сергеевич

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Содержание домашних животных подразумевает реакцию хозяина на их поведение. Мы не будем рассматривать сигналы, означающие первичные потребности животных, такие как требование пищи, прогулок, ласки и т.п. Нас интересуют те аспекты поведения животных, которые позволяют хозяину сделать определенные выводы касательно природы животных, выработать свое отношение к животному.

Люди очень часто сравнивают себя с животными, а хозяева очень часто склонные приписывать своим животным человеческие качества. Такое приписывание основывается на интерпретации поведения животных, которые, по мнению хозяев, ведут себя «как люди». Здесь мы останавливаемся на проблеме субъективности и объективности в связи с интерпретацией поведения домашних животных.

В основе поведения животных лежат объективные факторы, связанные с природной спецификой. Однако активное включению животных в жизнь социума резко меняет природно-обусловленное развитие животного, как отдельного, так и в рамках популяции. Под влиянием человека животные меняются и начинают вести себя нестандартно, с точки зрения естественного поведения в дикой среде обитания. В результате у домашних животных возникает некий синтез из природных инстинктов и поведенческих особенностей воспитанных (или выдрессированных) людьми, а часто животные не нуждаются в целенаправленной дрессировке, им достаточно жить рядом с человеком.

В результате данный сложный синтез начинает восприниматься на быденном уровне как нечто человекоподобное и субъективно интерпретироваться хозяевами как осознанное поведение. Нередко такая интерпретация не только ставит животных на один

уровень с человеком, но и возвышает, объявляя животных «лучше», «умнее», «честнее» и т.п. человека.

Подобная уверенность подводит к выводу о наличии у животных сознания. Однако проблема наличия сознания у животных не может решиться просто на основе интерпретаций поведения животных, тем более на бытовом уровне. Тут мы выделим два момента: во-первых, само сознание воспринимается не как нейтральная, присущая организму способность, а некая положительная характеристика, отказ в которой оскорбляет животных. Во-вторых, ни в науке, ни в философии еще не выработано четкого определения сознания.

Вопрос о возможности рассматривать сознание ценностно-нейтрально является важной философской проблемой. Несмотря на то, что современная научная парадигма отказалась от ценностно-нейтрального идеала исследования, беспристрастный анализ отдельных научных проблем по-прежнему актуален.

Наличие сознания у других людей человек воспринимает через призму собственного сознания по принципу: «если у меня есть сознание, то и у других людей оно есть». Также сознание у людей проявляется себя посредством речи. Животные, в свою очередь, не обладают человеческой речью и поэтому общаются с человеком, используя данные им природой способности. Но что стоит за знаками, которые подает животное своему хозяину, или другим людям, это уже интерпретируется субъективно.

Практически любой поступок животного может вызвать самый широкий спектр субъективных интерпретаций и объяснений. Есть объяснения, опирающиеся на инстинктивное поведение, т.е. животными руководят только инстинкты. Другие объяснения пытаются показать сознательное поведение животных. Например, просьба животного о кормлении, может объясняться через инстинкт, но хозяева часто объясняют это посредством осознанного поведения. Ведь животные «осознают», что «пора есть», «их кормит любимая хозяйка» и т.п.

На самом деле очень сложно провести разграничение между инстинктивным и не инстинктивным поведением животного, это достаточно сложная проблема зоопсихологии. На быденном уровне люди просто проецируют человеческие качества на животных. Однако наделение животных способностью руководствоваться аксиологическими категориями, созданным для объяснения человеческого поведения, является очень спорным. Такие категории как «добро», «зло», «справедливость», «дружба», «любовь» и т.д., характеризуют, прежде всего, человеческое отношение к чему-либо. И т.к. животные объективно отличаются от людей, то и для характеристики их поведения нужен несколько другой категориальный аппарат. Однако, в виду очень близкого взаимодействия животных и человека, мы не можем параллельно развести их специфику создав два абсолютно разных категориальных аппарата.

Мы не можем свести все сложное поведение высших видов животных к одним инстинктам, тем более людей при помощи различных дрессировок могут обучить животных преодолевать свои инстинкты. Соответственно, у животных есть некоторые способности, позволяющие им выходить за пределы поведения, ограниченными инстинктами. Животные способны управлять поведением своего организма, но является ли сознанием необходимым атрибутом для такого управления?

Ключевым здесь моментом является наличие у высших животных интеллекта. Именно интеллект позволяет животному принимать решения во время взаимодействия с реальностью. Вступая в отношения с человеком животное в состоянии дифференцированно воспринимать множество знаков подаваемых людьми. Соответственно, благодаря интеллекту, животное может отвечать на поведение человека, при этом отвечать определенным образом.

Поэтому основной проблемой является определение границы между интеллектом и сознанием. И человек и высшие животные обладают интеллектом, но это не значит, что и человек и животные также обладают сознанием. Человек всегда будет отделять себя от

животных, потому что человеку необходима самоидентификация на многих уровнях, например, личностном, национальном и, в том числе, видовом.

В основе этого отделения лежит не желание «принизить» животных, здесь скорее лежат прагматический момент, т.к. люди эксплуатируют животных для удовлетворения различных потребностей, вплоть до пищевых. Поэтому признание наличия у животных сознания приводит к пересмотру веками сложившихся отношений социума с животным миром.

Конечно, распространение единичной интерпретации на всех животных является неверным, но тогда возникает проблема: какие виды животных обладают сознанием, а какие – нет. Но пока не существует четкого определения сознания даже на основе человека. Таким образом, необходимо сначала определить сознание через человека, а потом уже делать выводы о животных. И это сложная научная проблема.

Однако субъективная интерпретация на быденном уровне не работает с терминами и категориями. На данном уровне превалируют эмоции, стереотипы, ассоциации и т.д. Поведение животных характеризуется не терминологически, а словами, которые наполнены произвольным субъективным содержанием.

Таким образом, интерпретация любого поступка животного на быденном уровне может быть очень разнообразным. Что конкретно хочет «сказать» животное (если «хочет») своим поведением за пределами физиологических потребностей, мы не можем точно знать. Субъективно же люди произвольно наделяют животных самыми разнообразными качествами.

В заключении скажем о том, что когда хозяин интерпретирует поведение своего домашнего животного, он может выйти на философскую проблематику. Это и проблема сознания, и проблемы взаимоотношений животных и человека, и проблема столкновения субъективного и объективного и другие проблемы.

Колотыгина Наталья Борисовна

заведующий юридическим центром, старший преподаватель
Сибирского государственного университета путей сообщения
(г. Новосибирск)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ

В ст.3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» одним из основных направлений государственной политики в сфере образования перечислено воспитание правовой и политической культуры личности. Цель образования - развитие способностей каждого человека, формирование его личности в соответствии с принятыми в обществе уровнем правовой культуры.

Среди людей существует довольно распространенное желание обойти закон, воспользоваться «связями с нужными людьми» и т. д. Правовой нигилизм как осознанное игнорирование норм права, пренебрежение правами граждан губительно сказываются и на уровне культуры в целом.

У студентов, поступивших в вуз, ещё мало жизненного опыта и знания действующего законодательства, человек полноценно не может ориентироваться в правовой действительности.

За время обучения в институте студенту должны быть привиты представления о чести и достоинстве, о чувстве долга, об ответственности за доверенное дело, о нетерпимости к любому правонарушению.

Для роста уровня правовой культуры необходимы правовое воспитание личности, т.е. правовое обучение и просвещение. При правовом воспитании формируются знания о праве, прививается внутреннее уважение и позитивное отношение к праву, умение

применять правовые знания на практике, устойчивая привычка действовать в соответствии с законом, у студента формируются чувство уверенности и самостоятельности в правовой сфере.

Наука, которая изучает вопросы, связанные с основами правовой грамотности человека – это **«Правоведение»**. При изучении правоведения значительное внимание уделяется основным юридическим понятиям и терминам (норма права, юридический факт, правонарушение, юридическая ответственность и т.д.), формируются исходные понятия о государстве и праве. Эти знания служат базой для знакомства с основными отраслями права, которые не изолированы друг от друга. Каждая отрасль права находится в устойчивой связи с другими отраслями.

При изучении конституционного права необходимо уяснить сущность Конституции РФ и ее связь с законами и подзаконными актами в России. Научиться различать вопросы федерального и совместного ведения, разграниченные в Конституции РФ. Ознакомиться с особенностями федеративного устройства России. Разобраться в принципах разделения властей и уяснить, какие федеральные органы находятся во главе каждой из ветвей власти.

Административное право регулирует общественные отношения в сфере государственного управления. Государство устанавливает многообразные нормы и правила поведения людей. К ним относятся правила поведения в общественных местах, правила дорожного движения и пользования транспортом, правила торговли, техники безопасности и охраны труда, правила охоты, рыбной ловли и охраны природных ресурсов, таможенные правила и многие другие. Знакомство студентов с этими правилами поможет им определить свое поведение в рамках установленных государством норм и правил, в соответствии с теми санкциями, которые предусмотрены за административные правонарушения.

При изучении гражданского права, одной из важнейших отраслей российского права, необходимо понять специфику гражданских правоотношений, отличия правоспособности от дееспособности, изучить классификации вещей и юридических лиц, уяснить критерии этих классификаций. В данной отрасли права изучаются основания приобретения и прекращения права собственности, обязанности собственника по содержанию своего имущества. Студенты знакомятся с понятиями: исключительные права на результаты творческой деятельности, защита жизни, здоровья, чести, достоинства граждан и деловой репутации юридического лица. Очень интересно проходят занятия, посвященные наследственным правоотношениям.

Семейное право изучает порядок и условия заключения и расторжения брака, препятствия к заключению брака и условия признания брака недействительным. Учащиеся знакомятся с взаимными правами и обязанностями супругов, с существованием алиментных обязательств.

При изучении трудового права студенты разбирают порядок заключения трудового договора, существенные и дополнительные условия при его заключении, основания расторжения трудового договора по инициативе работника или работодателя. Изучают понятия трудовой дисциплины и виды ответственности за ее нарушение, виды дисциплинарных взысканий, порядок их применения, ответственность за нарушение трудовой дисциплины, порядок применения и обжалования дисциплинарных взысканий.

В процессе знакомства с уголовным правом студенты усваивают понятие и основания возникновения уголовной ответственности, понятие преступления и такую категорию как состав преступления, обстоятельства, исключающие преступность деяния, виды уголовной ответственности, и основания освобождения от нее.

При изучении дисциплины «Правоведение» студентам предлагаются конкретные ситуации, которые требуется оценить с точки зрения закона, найти способы ее решения с использованием юридических документов. Для развития умения логически мыслить, правильно оценивать правовую сторону конкретной ситуации, студенты изучают

различные нормативно-правовые акты. Для приобретения навыков владения правилами письменной речи с учетом особенностей юридического языка, обучающимся предлагается составить исковое заявление, написать доверенность, соглашение о задатке и т.д. Эти методы преподавания не только привлекательны, но и очень демократичны по характеру, позволяют лучше понимать право и законы.

В связи с принятием Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования третьего поколения по направлениям бакалавриата, опубликован перечень общекультурных компетенций, рекомендуемый разработчиками ФГОС. В этот перечень входит компетенция «способность использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности», но так как этот перечень носит рекомендательный характер, не во все ООП включена дисциплина «Правоведение» (Право).

Таким образом, изучение дисциплины «Правоведение» необходимо для формирования в каждом обучающемся уважения к закону и бережного отношению к ценностям правового, демократического государства. Все это позволяет говорить об особой роли и важном значении дисциплины «Правоведение» для изучения не только блока гуманитарных и социально-экономических наук, но и общепрофессиональных дисциплин.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. – 2012. – 31 дек.
2. Ласкина Н.В., Новикова Н.А., Лежнева Н.С., Тимофеева Н.Ю., Слесарев С.А., Вахрушева Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.
3. Долинская В.В. Новый Закон об образовании: вопросы взаимодействия государства, вузов и профессорско-преподавательского состава в обеспечении ФГОС ВПО // Цивилист. – 2013. – № 3. – С. 23 - 34.
4. Ахметов А.С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 3. – С. 25 - 27.
5. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – 488 с.

Кравченко Оксана Борисовна

доцент Новосибирского государственного аграрного
университета (г. Новосибирск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВА: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Актуализация проблем, связанных с формированием интегрированных субъектов, определяется рядом факторов. Ведущими среди них являются:

- кризисные явления в таких субъектообразующих сферах человеческой жизнедеятельности как образование и право;
- отсутствие «работающих» методологических моделей развития государства, гражданского общества, семьи и личности (человека, индивида) как субъектов образования, одновременно являющихся юридическими и физическими лицами, то есть субъектами права;

- необходимость (в условиях формирования VI технологического уклада) интегрированных субъектов, объединяющих в себе различные виды социальной активности не только формальным, но и содержательным образом;

- формирование интерсубъективности (термин В. Хесли) как детерминанты перспективного развития самого «сложного» субъекта образования и права – личности.

Уже в IV и V технологическом укладе проблематика единства субъекта социальной деятельности была актуализирована в достаточно большом количестве работ. Но в отношении субъектов образования и права, как показывает анализ литературы, подобные работы не полностью реализовали междисциплинарный подход и отдавали приоритет в исследованиях либо субъектам образования, либо субъектам права. Тем самым проблема взаимодействия субъектов образования, одновременно являющихся субъектами права, уходила на второй план, сужая объекты исследования и ограничивая возможности философской рефлексии в создании модели интегрированного субъекта. Очевидно, что модели «пайдеи» или «гармонически развитой личности» в современных условиях требуют коррекции, которая более соответствует современным реалиям, а в более общем виде всей совокупности присущих процессам интеграции образования и права, как систем социальной деятельности, обеспечивающих стабильность общества в целом.

Взаимодействие этих систем осуществляется в трех плоскостях: образовательное право, право на образование и правовое образование. Расширение возможностей исследования предлагает неонституциональный подход, позволяющий выявить специфику функционирования институтов образования и права, институциональных усложнений и искажений в условиях современного трансформационного процесса взаимодействия субъектов образования и права. Основанием их трансформаций является наступление VI технологического уклада, предполагающее в качестве определяющей для развития личности (человека, индивида) такую характеристику как интегрированность ранее разобренных (элементно) ее свойств и качеств. Важнейшей из таких интеграционных линий, «возвращающей» личности ее «универсальный», «неразделенный» характер, предполагающий целостность как социальную данность, является взаимодействие личности как субъекта образования и как субъекта права. Это же относится к семье, гражданскому обществу и государству. Несмотря на различную формальную функциональность этих субъектов, разделяющих образование и право по содержанию, их активность направлена именно на личность, процессы ее функционирования и формирования. Именно это декларируется как цель общественного интереса, как ценность и как определенный идеал. Темпорально-пространственным полем, на основе которого взаимодействие образования и права приобретает оптимальный характер в реализации этой цели, является правовая культура, которая по сути есть формализация образовательно-правового потенциала государства, гражданского общества, семьи и личности (человека, индивида).

Рассмотрение взаимодействия образования и права в рамках своей коэволюции исторически изменялось: от воспитания, через воспитание/обучение в период догосударственности и государственности к полисубъектности современного этапа, основной характеристикой которого является признание человека (индивида, личности) основным субъектом как права, так и образования. Глобализация и интернетизация усиливают меристско-индивидуалистическую образовательную и правовую ориентацию личности и требуют сегодня соответствующей по форме и содержанию философской рефлексии, во-первых, и, новых технологий сборки субъектов образования и права, во-вторых. Традиционная методологическая база рассмотрения субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий уже не в полной мере отвечает решению этих задач.

Критический анализ традиционных (системный, деятельностный, структурно-функциональный, социокультурный) подходов показал, что каждый из них вносит свой вклад в рассмотрение таких социальных институтов как образование и право, а категориальные ряды, разработанные в рамках этих подходов с высокой степенью

адекватности концептуированы образовательно-правовым взаимодействием эпохи модерна. Однако универсализм образования и права, особенно актуализировавшийся в современную эпоху и проявляющийся в том, что именно через них в самой большой мере «опосредуются во взаимодействии» все частичные институты (человек, семья, гражданское общество, само государство) потребовал нового уровня философской рефлексии, отвечающей новому уровню интегрированности образования и права, а также их субъектов.

В рамках изучения современного этапа процесса взаимодействия образования и права и изменения их субъектов, было установлено, что основные противоречия субъектов образования и права в их взаимодействии возникают как результат разновекторности в развитии самих образования и права (как формальных и неформальных институтов). В качестве перспективы их взаимодействия можно рассматривать «гибридный» вариант, который актуализируется как стадия постепенных изменений образования и права: частичное восприятие нового (на основе «импорта» образовательных и правовых практик) и частичное неприятие старого (на основе образовательных и правовых практик, специфицированных российскими условиями). Выраженная как историческая экспликация специфика образования и права в их взаимодействии состоит в том, что если право на образование носит исторически более адекватный характер (несмотря на развивающееся сегодня неравенство индивидов в его реализации), то правовое образование, как уровень взаимодействия образования и права эволюционирует в сторону правовой неграмотности, а образовательное право не всегда ассоциировано как правообеспечивающее начало с темпами и содержанием образовательных трансформаций. Это инициирует появление новых характеристик для субъектов образования и права - пока в основном для государства и гражданского общества. Прототипом новой модели интеграции образования и права, согласно сформулированной гипотезе, может являться в большей мере не государство, а гражданское общество, неформальный социальный институт по созданию нового образовательно-правового пространства, деятельной реализации развития правовой культуры и образовательно-правового потенциала индивидов.

VI технологический уклад, определяемый глобализацией, интеграцией и мультикультурализмом, инициирует полисубъектность как новую парадигму онтологии субъекта в новом образовательно-правовом пространстве. Формирование интегрированного субъекта, специфицируемого как «человек когнитивный» становится «действительной», а не возможной социальной задачей, с одной стороны, а с другой, интегрированный субъект становится точкой отсчета реформирования образования и права как универсумов, обладающих признаками всеобщности. Определяющим для формирования российского образовательного пространства становятся (среди прочих) три фактора:

- объединяющей функцией (относительно индивида как субъекта) образования и права является признание их самобытности и независимости;
- бытие человека (индивида) как никогда определяется (в его прогрессивном и регрессивном развитии) объемом его культурного (в нашем случае правового и образовательного) потенциала;
- спецификой российского правового менталитета (это утверждение разделяется рядом российских исследователей) является то, что индивиды в повседневной практике готовы руководствоваться нормами морали и лишь после этого нормами материального права. Ряд факторов, определяющим среди которых является российский правовой менталитет, заставляет предположить, что правовое образование является той отраслью взаимодействия образования и права, в которой «сборка» единого субъекта образования и права возможна с наибольшей оптимальностью. Правовое образование рассматривается нами как составляющая часть в объемах «правовая культура» и «образовательно-правовой потенциал».

Новый технологический уклад как технологический уклад «общества знания» требует новой интерпретации понятия «правовая культура» на основе изменения образовательных и правовых практик. Современный анализ этих практик позволяет сформулировать несколько принципов их перспективного развития. Первый принцип состоит в том, что сама правовая культура индивида вырастает как характеристика субъекта, противопоставляемая познаваемым или преобразуемым объектам (в нашем случае образованию и праву), приобретая тем самым свойства субстрата их развития. Второй - культура, представленная как «образование человека» эксплицирует «право на образование» как «право бороться за свое счастье». Третий - такие плоскости взаимодействия образования и права как «образовательное право» и «правовое образование», выступая в системном единстве с «правом на образование» как «правом бороться за свое счастье» (то есть естественным правом), в новом технологическом укладе являются основой нового модуса развития индивида, который можно определить как «образовательно-правовой потенциал».

Образовательно-правовой потенциал в самом общем виде может быть определен как личностные качества (модус личностного образовательно-правового пространства), отражающие направленность деятельности личности (индивида, человека) и ее преобладающие социальные характеристики, определяющей среди которых является способность к принятию решений в сфере собственной социализации. Образование и право могут выступать как средства деятельности индивидов, а также как основа и условие его социальных практик только тогда, когда они субъективированы в достаточной мере. В пределах субъективации и образование, и право необходимо рассматривать дифференцированно: как ресурс формирования развития личности, и как ресурс развития индивидуальности. Результатом подобного различения (в рамках их теоретического анализа) является утверждение того, что право не будет изначальным в единстве этих потенциалов, а образование будет изначальным только как право на образование. До известного периода потенциал личности может и будет включать в себя образование как ресурс. Право же (как нормативы) замещается морально (воспитанием). В потенциале индивидуальности образование реализуется как обязанность, диктуемая государством, но тоже до известного предела. Затем индивидуальность может (как в случае правового нигилизма) выбирать: продолжать или не продолжать процесс. Исследование показало, что образование и право как социальные практики по-разному реализуются в потенциалах личности и индивидуальности. Основанием для сохранения единства (в его изменчивости) как непрерывности переходов личности в индивидуальность и обратно является процесс идентификации человека как целостного феномена. Реальность «движения» идентичности есть не что иное как динамическое взаимодействие, взаимопереход и взаимодополнение потенциала личности и индивидуальности. Онтологическим основанием перехода является интеграция социальных практик. Результирующей интеграцией образовательного и правового потенциала является правовое образование, а его результирующими являются образовательная идентичность и правовая цивилизованность, которые в своей взаимной конвертированности и могут быть рассмотрены как субстанциальные условия формирования образовательно-правового потенциала (индивида, человека, личности).

Перспективы дальнейшего исследования могут быть определены именно в этих направлениях взаимодействия субъектов образования и права. Социальные практики развития этого взаимодействия должны развиваться в объемах оптимизации правового образования и развития правовой культуры в векторе формирования условий для правовой цивилизованности. Последнее предполагает другую (отличную от сегодняшней) архитектуру правового образования, связанную с преодолением (в содержательном плане) правового неравенства. Это, в свою очередь, требует развития личностного образовательно-правового потенциала, повышающего взаимную ответственность государства, гражданского общества, семьи и личности друг перед другом.

Эрлих Виктор Альбертович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политологии и культурологи Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПИРАТСТВА В ДРЕВНОСТИ

Реки и внутренние моря с древнейших времен являлись основными транспортными артериями, связывавшими различные районы Европы, Передней Азии и Северной Африки. В то же время развитие морского и речного судоходства постоянно сопровождало такое явление, как пиратство. Многие государства были связаны с пиратами, часто страдали от них. Поэтому не случайно, что этим вопросам были посвящены не только произведения приключенческого жанра (например, «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, «Наследник из Калькутты» Роберта Штильмарка «Одиссея капитана Блада» Рафаэля Сабатини и др.), но и многие солидные научные труды. Подобные работы, повествующие об истории пиратства, издаются и в постсоветский период [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Данные труды выходят в разных городах, но обычно - в Москве и Санкт-Петербурге. Тираж данных монографий колеблется от 1000 до 10000, но чаще всего в районе 3000 экземпляров.

Очень часто интерес авторов обращен к истории пиратства эпохи древнего мира. О чем же в этих работах идет речь? Прежде всего, даются определения терминов «пират» и «пиратство». Так, по мнению Фрерса Эрнесто термин «пират» появился в Древней Греции в I тысячелетии до н. э., а пиратством считалось любое преступление, совершенное на море, или «с моря» на поселения на суше [9, с. 6, 11]. Существует также мнение, что греки и римляне не делали различий между пиратами и каперами (приватирами), а многие государства древности (Македония, Сирия, Египет, Понтийское царство) пользовались услугами пиратов [6, с. 211-212].

Прежде всего, интерес авторов был сосредоточен на вопросах возникновения и ранних этапов развития пиратства в древности. Так, сюжеты того же Фрерса Эрнесто уводят нас во времена эпохи верхнего палеолита (порядка 13 тысяч лет назад). Автор приводит теорию о том, что уже тогда было передвижение по морям с континента на континент. Специальный раздел посвящен мореплавателям эпохи мегалитов (IV-II тыс. до н. э.). В разделе «Древнейшие представители профессии» отмечено, что одновременно с первыми морскими торговцами и мореплавателями появились и пираты, которые первоначально грабили портовые города [9, с. 14].

В работе В. Л. Григоряна «Пиратство, разбой и терроризм на море» имеется раздел «Доисторические» времена», где также приводятся краткие сведения о зарождении и ранних этапах развития пиратства [2, с. 5-7].

Ранние этапы развития пиратства нашли освещение в монографиях В. Ф. Сидорченко. В работе «Морское пиратство» этому посвящен первый раздел «Доисторическая эпоха», состоящий из четырех параграфов: «Из мглы времен», «Доисторическое судостроение», «Доисторическое мореплавание», «Правовой статус пиратов доисторической эпохи» [8, с. 7-33]. В другой его работе «Морские пираты Древнего мира» этой эпохе посвящены глава 1 «Пираты доисторической эпохи», состоящая из разделов: «Мифы о доисторических пиратах», «Пиратские корабли доисторического периода», «Быт и нравы пиратов доисторической эпохи» и глава 2. «На этапе перехода от доисторической к рабовладельческой эпохе» имеющая разделы: «Древние родоплеменные и клановые поселения как первичные места появления пиратов», «Психологический портрет пирата древней эпохи», «Древние пираты исчезнувших Атлантид» [7, с. 7-176].

Упоминание о пиратском объединении в Красном море и пиратском государстве царя Миноса имеются в работе В. Л. Григоряна [2, с. 8], а о набегах «народов моря» на Египет – в работе Констама Энгуса [4, с. 12]. М. И. Ципоруха в своей работе «Под черным флагом» упоминает о финикийских купцах-пиратах [10, с. 11].

Основное внимание в работах, касающихся развития пиратства в древности, уделено странам античного мира. Наиболее разнообразные сведения об этой эпохе, о существовании пиратства в I тыс. до н. э. – V в. н. э. дает «Энциклопедия пиратов» Ж. Рогожинского [6]. Прежде всего, здесь имеются статьи о военных, пиратских и антипиратских кораблях в древности: Биреме, Галере, Гемииоле, Камаре, Келесе, Лембосе, Либушне, Миопаро, Пентеконтера, Полирема, Тримеоля, Трирема [6, с. 98-101, 108-109, 206, 235, 259-260, 300, 302-303, 352, 421, 441, 560-561, 562].

В статье «Каперы (приватеры) древние» имеются данные о том, что услугами пиратов в эпоху эллинизма пользовались правители Египта, Македонии, Понта, Сирии [6, с. 211-212].

В данной энциклопедии рассматриваются и такие вопросы, как: «вооружение пиратов» («оружие», «пика») [6, с. 405-406, 423-424.], «пираты и женщины» («женщины, обращение с ними», «проститутки», «Тевта») [6, с. 175-176, 461-462, 550-551].

Значительное количество статей посвящено деятелям античного мира – Андрону, Гентию Иллирийскому, Деметрию Фаросскому, Менелаю, Менофану, Митридату VI Великому, Миносу, Никандру, Поликрату, Помпею Сексту, Страбону, Хераклу, Цезарю Юлию и др. [6, с. 31, 109, 141-142, 345-346, 351-352, 353-354, 386, 440-441, 444-445, 543, 621-622, 637.]

Серия статей посвящалась развитию пиратства в странах Средиземноморья в эпоху античности вообще, а также у отдельных государств – Греции, Иллирии, Киликии, Крита, Рима. Это в основном о конкретных людях, а также о городах, местностях, кораблях и т. п.

Среди многочисленных сюжетов по истории пиратства в древности отметим некоторые, которые привлекают наибольшее внимание автор книг. Прежде всего, это сюжет о пленении киликийскими пиратами Юлия Цезаря и его ответные действия. Так, в первой части работы В. Л. Григоряна [2] этому посвящен раздел «Пленение Цезаря». Этот же сюжет освещается в книге Я. Маховского [5] в первой главе «Пираты античного моря» в разделе «Необычайное приключение Юлия Цезаря», в работе Р. К. Баландина [1] в разделе «Секст Помпей», в труде М. И. Ципорухи [10, с. 5] и в разделе «Пираты древнего мира» книги Констама Энгуса [4].

Другим ярким сюжетом является деятельность отца (Гнея) и сына (Секста) Помпеев, который исследователи называют «парадоксом Помпеев», когда отец успешно боролся с пиратами, а его сын позднее создал пиратское государство на Сицилии, Сардинии, Корсике и Пелопонесском острове, сам руководил пиратскими армадами и лишь благодаря римскому полководцу Агриппе был разгромлен. Этот сюжет с различной степенью полноты зафиксирован в работах Р. К. Баландина, В. Л. Григоряна (раздел «Пленение Юлия Цезаря»), Констама Энгуса, М. И. Ципорухи [1, с. 15-19; 2; 4; 10, с. 67-70, 73-79].

Еще несколько ярких сюжетов связано с античным пиратством. В. Л. Григорян и Фрерс Эрнесто сообщают о деятельности пиратской республики на о. Самос, созданной Поликратом [2, с. 7-8; 9, с. 14-17].

М. И. Ципоруха приводит сведения о разбоях этрусских пиратов в Западном Средиземноморье, о борьбе и тирренскими и иллирийскими пиратами [10, с. 34-48].

Таким образом, можно отметить неослабевающий интерес к истории пиратства в древности.

Список литературы

1. Баландин Р. К. Знаменитые морские разбойники. От викингов до пиратов / Р. К. Баландин. – М. : Вече, 2012. – 350 с. ил.
2. Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море : монография / В. Л. Григорян, В. И. Дмитриев. – М. : ИКЦ «Академкнига» : Наука/Интерпериодика, 2004. – 223, [1] с. : ил.
3. Губарев В. К. Сто великих пиратов / В. К. Губарев. – Москва: Вече, 2011. – 430 с. : ил.
4. Констам Энгус. Пираты : всеобщ. история от античности до наших дней: [пер. с англ. О. Серебровской] / Энгус Констам. – М. : Эксмо, 2009. – 461, [1] с., [8] л. ил. : ил. ; 22 см. - (Колесо истории).
5. Маховский Я. История морского пиратства: [пер. с пол.] / Яцек Маховский. – Москва : РИМИС, 2011. – 397, [2] с.
6. Рогожинский Жан. Энциклопедия пиратов. Пер. с англ. – М.: Вече, А. Корженевский, 1998. – 688 с.. (Энциклопедии. Справочники. Неумираемые книги).
7. Сидорченко В. Ф. Морские пираты Древнего мира / В. Ф. Сидорченко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. – 235, [2] с.
8. Сидорченко В. Ф. Морское пиратство: монография / Сидорченко В. Ф. – СПб. : СПбГУ : Изд-во юрид. фак. СПбГУ, печ. печ. 2004. – 398, [1] с. ; 22 см. - Библиогр. в примеч.: с. 394-399.
9. Фрерс Эрнесто Пираты и тамплиеры: [пер. с исп.] / Эрнесто Фрерс. – СПб. : Евразия, 2007. – 230 с. : ил.
10. Ципоруха М. И. Под черным флагом: хроники пиратства и корсарства / Михаил Ципоруха. – М. : ЭНАС, 2009. – 381 с. : ил. - (Другая история) и др.

Добровольский Анатолий Владимирович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории и политологии Сибирского государственного
университета путей сообщения
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПАРТИИ ЭСЕРОВ (ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД)

Многие десятилетия в отечественной историографии истории партии социалистов-революционеров основное внимание уделялось, главным образом, изучению аграрной части их программы. Национальный вопрос в программных документах партии эсеров был освещен недостаточно. Данная статья представляет попытку восполнить этот пробел.

В программе партии социалистов-революционеров, принятой на I съезде ПСР (декабрь 1905 – январь 1906 г.) указано, что эсеры «будут отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой» неотъемлемые права человека и гражданина, в том числе в сфере государственного устройства и национальных отношений: установление демократической республики с широкой автономией областей и общин, как городских так и сельских; «возможно большее применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение» [2, с. 136]. Анализ протоколов I съезда позволяет предположить, что тезис о праве наций на самоопределение вызвал среди делегатов некоторые разногласия. Сторонники права на самоопределение апеллировали к этическим и правовым идеалам социализма, их оппоненты указывали на экономическую и политическую пагубность этого принципа для революции и национальной безопасности России. Ряд партийцев

заявляли о праве революционной диктатуры ограничивать и даже нарушать права наций, если это потребуется [3, с. 166, 169].

Изучение официальных партийных документов и публицистики межреволюционного периода (1907–1917 гг.) позволяет сделать вывод, что вплоть до 1917 г. партия социалистов-революционеров особо не акцентировала внимание на национальной проблеме. Среди книг и брошюр этих лет, написанных социалистами-революционерами, можно отметить лишь немногие, которые посвящены национальному вопросу. Практически отсутствуют работы по данной проблематике у признанного теоретика и лидера партии В.М. Чернова [5]. В тоже время политические оппоненты эсеров – социал-демократы в этот же период основательно проработали свою стратегию и тактику по национальному вопросу. Около 30 работ было написано В.И. Лениным; национальным вопросом занимались также И.В. Сталин, С.Г. Шаумян, П.И. Стучка, К. Залевский, Н.Н. Жордания и др. Сравнительный анализ явно не в пользу партии эсеров, хотя лидеры партии уверяли, что в межреволюционный период социалисты-революционеры придавали большое значение освобождению наций в деле победы над самодержавием, победе социализма. Они мотивировали это тем, что за эти годы в эсеровской печати были опубликованы ряд статей с критикой политики самодержавия в Польше, Финляндии, Закавказье и других национальных регионах, а также были многочисленные публикации по еврейскому вопросу.

В годы Первой мировой войны данная проблематика также была не столь актуальной для эсеров – в партии активно обсуждались другие вопросы, например, отношение к террору. По национальному вопросу они отстаивали свои взгляды в соответствии с принятой партийной программой – восстановление конституции Финляндии, признание автономии Польши, обеспечение равного доступа к образованию для представителей всех наций.

После Февральской революции 1917 г. партия социалистов-революционеров вошла в коалицию политических сил во Временном правительстве. В 1917-м году численность партии превысила миллион человек. Социалисты-революционеры получили большинство мест в Советах, видные члены партии заняли министерские посты (А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, С.Л. Маслов) [1, с. 441]. Революционные перемены требовали осмысления и корректировки программных документов, выработки новой стратегии деятельности партии.

На III съезде ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.) вопрос о политике партии в национальном вопросе и отношении к национальным социалистическим партиям был включен в повестку дня. На пленарном заседании съезда 31 мая 1917 г. с докладом от подсекции по национальному вопросу выступила Н.В. Брюллова-Шаскольская, которая считалась специалистом по национальному вопросу. В докладе были обозначены ряд теоретических проблем, которые партия должна учитывать для успешного решения национального вопроса: сущность понятий государство и нация, унитарное и федеративное устройство государства, территориальная и национальная автономия, право наций на самоопределение [4, с. 422–429]. В заключение доклада был оглашен проект резолюции по национальному вопросу, выработанный соответствующей подсекцией съезда.

В программе государственного устройства России делегатам съезда предлагалось рассмотреть и поддержать форму «федеративной демократической республики, с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России» [4, с. 428]. Для «заведывания всеми своими культурными и национальными делами как нации без территории, так и национальные меньшинства областей со смешанным населением могут быть соединены в экстерриториальные персонально-автономные союзы, со своими

местными и общегосударственными представительными органами» [4, с.428]. Эту программу государственного устройства, подчеркивалось в отдельном пункте резолюции, партия эсеров должна провести через Учредительное собрание, опираясь на соглашение с национальными социалистическими партиями. Правда, про дату проведения этого высшего Собрания, которое бы легитимизировало трансформацию России в федеративное государство на национально-территориальной основе, в материалах съезда ничего не говорилось. В области муниципальной и областной политики партия эсеров намеревалась отстаивать равноправие языков и принцип пропорциональных отчислений из общего бюджета для нужд персонально-автономных общин и национальных меньшинств.

В прениях по докладу и обсуждении проекта резолюции выступили делегаты М.С. Раскин, М.В. Вишняк, В.М. Чернов, Л.М. Арманд, И.Л. Скловский, А.Е. Кулаковский, Н.К. Алексеев, М.А. Левин. Резолюция была принята 115 голосами «за» при 8 «воздержавшихся» [4, с. 550].

Резолюция III съезда ПСР по национальному вопросу почти не отличалась от вышеназванного проекта [4, с. 603–604]. Эсеры видели будущее России в федеративной демократической республике с территориально-национальной автономией, с обеспечением прав национальных меньшинств, публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы России. Помимо территориальных предлагалось создание экстерриториальных персонально-автономных союзов в районах, где имеются национальные меньшинства, или для национальностей, не имеющих определенных территорий, например, для евреев. Все изменения в национально-государственном устройстве России должны быть утверждены Учредительным собранием, кроме того, каждая национальность имеет право созывать свое Учредительное собрание. ЦК партии поручалось создать комиссию по разработке «детального законопроекта конституции федеративной Российской республики».

Однако революционные события 1917 г. пошли по пути, который не способствовал реализации национальной программы партии эсеров. В процессе дальнейшего развития революции от Февраля к Октябрю национальный вопрос оказался в тени, а на первый план вышли социально-экономические и политические проблемы: проблемы войны, аграрно-крестьянский вопрос, межпартийная и внутривнутрипартийная борьба, борьба с контрреволюционными выступлениями. На практике сотрудничество с национальными партиями, возможность совместной работы с ними определялись в зависимости от их позиции по тем или иным общеполитическим вопросам. Отношения с национальными партиями, даже народнического типа, не налаживались, так как многие из них стремились к возможно большей независимости своих народов. В итоге эсерам так и не удалось реализовать свои программные решения – объединить все национальные партии, создать единую платформу социалистических партий по национальному вопросу.

Список литературы

1. Партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX века. Энциклопедия. – М., 1996. – 872 с.
2. Программы и уставы политических партий России 1905 – 1906 гг. – Новосибирск, 1991. – 187 с.
3. Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров. – Спб., 1906. – 292 с.
4. Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г. Стенографический отчет // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / – Т.3 – Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. – М., 2000. – С. 140 – 627.
5. Чернов В.М. 1) Национальный вопрос и революция // Революционная Россия. – 1903. – № 35; 2) Национальное порабощение и революционный социализм //

Революционная Россия. – 1903. – № 18; 3) [Гарденин Ю.] Национальное порабощение и революционный социализм // Сб. ст. Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. – М., 1908. – С. 297-307.

Акопьянц Анаит Суреновна

доктор исторических наук, профессор Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РЕКЛАМЫ

В 1703 г. в Санкт-Петербурге вышла первая российская печатная газета «Ведомости». Это было правительственное издание, предназначенное в основном для публикации правительственных указов. Единственным видом рекламных объявлений, представленных в «Ведомостях», была реклама выходящих в печати новых книг. В 1710 г., например, в ней был напечатан «Реестр книгам гражданским», содержавший библиографическую рекламу [2, с. 51]. В XVIII в. стали выходить и «Санкт-Петербургские ведомости», в которых в разделе объявлений значительное место занимали списки книг, издаваемых Академией наук. Со временем в них появляются также коммерческие объявления под соответствующими рубриками. С увеличением количества объявлений они были выделены в специальное приложение, объем которого был почти равен основной части газеты. В нем публиковались извещения о продаже имущества, распродаже имений с торгов, подрядах на работу, банкротстве и другие объявления, отражавшие экономическую жизнь того времени. В том же веке в Москве стали выходить «Московские ведомости». В них вначале появился библиографический отдел, в котором рекламировались книги, вышедшие в типографии Московского университета, а затем реклама книг была дополнена коммерческими рекламными объявлениями. В XIX в. половину площадей московских и Санкт-Петербургских «Ведомостей» занимали объявления, которые представляли главным образом совокупность официальной (императорские приказы, сообщения о назначениях, отставках и пр., а также губернская и внешняя информация) и деловой информации. Тематика частных объявлений была ограниченной и представляла в основном рекламу книг.

В середине XIX в. появляются газеты, издаваемые частными лицами («Московский телеграф», «Северная пчела» и др.). Однако в них запрещалось помещать не только государственную, но и частную рекламу. Тем не менее, хотя прямые рекламные объявления в них не публиковались, в рубриках – «Моды», «Зрелища», «Новые книги» и др. – печатались комментарии на книги, журналы, театральные рецензии, имевшие характер скрытой рекламы. Скрытая реклама содержалась и в специализированных газетах и журналах («Купец», «Журнал для акционеров», «Посредник промышленности и торговли» и др.).

Право на публикацию государственных и частных рекламных объявлений имела только «Коммерческая газета» – орган департамента внешней торговли. Только в 1865 г. выходит указ, который дал свободу для развития частного газетного предпринимательства. «Временные правила о печати» отменяли государственную монополию на публикацию частных рекламных объявлений. Таким образом, раздел «Объявления» в газетах и журналах становится легальным. Упорядочиваются правила приема и публикации рекламных объявлений, условия публикации, вопросы скидок, гарантий, стоимости и т.д. Появляются рубрики рекламных объявлений по характеру предлагаемых услуг. Часть объявлений выносятся на первую полосу. Выходят и бесплатные листки объявлений. Объем рекламы в прессе резко увеличивается к концу XIX в. Как

правило, реклама занимает от 1/3 до полной полосы [2, с. 55]. На рубеже XIX – XX вв. книги, газеты и журналы были универсальным рекламным носителем для массового читателя, в них рекламировалось все, от парфюмерии и лекарств – до промышленного оборудования.

Эти тенденции получили дальнейшее развитие в начале XX в., затем в годы Первой мировой войны. Особенности рекламы в это период можно проследить на примере издававшегося во время войны в Петрограде еженедельного научно-художественного иллюстрированного журнала «Летопись войны». В 1914 – 1917 гг. вышло 132 номера этого журнала [1]. «Летопись» является ценным информативным источником по истории Первой мировой войны; она содержит огромное количество документов, правительственных распоряжений, официальных донесений с театров боевых действий, статей, разъяснений оперативной обстановки, корреспонденцию с фронтов, отклики на боевые действия, заметки о военных событиях, воспоминания, фотографии, рисунки, картины, портреты, планы, схемы, карты, наброски.

Хотя первый номер журнал вышел уже в самом начале войны в августе 1914 г., рекламные объявления появились только в 1916 г. Они печатались на 2-ой, 3-ей и 4-ой сторонах обложки журнала. По тематике объявления носили как «военный», так и «мирный» характер. Часто их размещали на одной и той же стороне. Военную тему отражали, например, объявления о наличии памяток для раздачи новобранцам (№№ 75, 98), о наградах для георгиевских кавалеров (№№ 82, 98); о правилах гарнизонной службы (№№ 74, 76), об инструкциях по предоставлению должностей (№ 74); объявления с просьбой присылать в редакцию фотографии, портреты, снимки, статьи, письма с передовых позиций (№ 74, 75, 97); объявления о выпусках изданий портретов и фотографий императора Николая II (№№ 73, 98) и т.д.

«Мирные» объявления были не менее разнообразными. Наиболее представительной была реклама книг («Хаджи-Мурат» Л. Толстого (№ 73), «Год войны» П. Краснова (№№ 75, 98), «История России в картинках» (№№ 75, 98), военных романов (№ 98), биографий героев русской армии и флота (№№ 74, 97); приложений на подписку к журналам (среди них – сочинения В.И. Немировича-Данченко (№ 77, 117), полное собрание сочинений М. Горького, сочинения поэта С.Я. Надсона, полное собрание сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка, «Дон-Кихот» М. Сервантеса (№ 120), поэзия Сафо (№№ 85, 86, 97, 98), и т.д.). Наряду с этим печатались каталоги изданий книг (№№ 94, 98); объявления о подписке на газеты и журналы, в том числе и на «Летопись войны» (№№ 74, 75, 76, 77, 93, 98); библиографические списки художественной литературы (№ 97), учебников для ведения занятий в учебных заведениях (№ 81); объявления об издании изобразительной продукции (например, «Истории русского солдата от Петра Великого до наших дней», включавшей 200 картин и портретов (№№ 79, 98), альбома портретов героев Отечественной войны 1812 г. (№ 74), альбома «Российская императорская гвардия и армия» с портретами Николая II, Марии Федоровны, Александры Федоровны и наследника Алексея (№ 81) и т.д.

Еще одной популярной темой рекламы была реклама лекарств (от головной боли (№№ 76, 83, 98), невралгии (№ 76), простуды (№ 81), истощения (№ 96, 98), кашля (№ 87), дряхлости (№№ 78, 83, 98), сердечных заболеваний (№ 80, 98); хирургических изделий из резины, эбонита, прорезиненного материала для нужд больниц (№№ 91, 92, 98); корсетов (№№ 80, 97) и протезов (№ 117); объявления врачей о приеме больных, главным образом, по лечению неврастении (№№ 77, 78, 81, 86, 89, 93, 94, 97, 98) и сердечных заболеваний (№№ 73, 80, 88, 98), без указания гонорара. В период войны это было не удивительно, поскольку, как писал в своих воспоминаниях писатель К. Паустовский, «неустойчивая и пестрая жизнь тех лет вызывала бурный рост нервных болезней, но ни у кого не было денег, чтобы лечиться» [3, с. 766]. Следует отметить, что на долю рекламы лекарственных средств приходилось много некорректной и псевдонаучной информации, основанной на «эффекте чуда».

Важной темой рекламных объявлений в «Летописях войны» была реклама банков и банковских услуг. Так, Сибирский торговый банк помещал объявления об открытии своих отделений в Петрограде, о собрании акционеров банка, о текущих банковских операциях и т.д. (№№ 76, 78, 83, 84, 88, 89, 91, 93, 98). Особенно актуальными в условиях войны были объявления о государственных военных займах (№№ 83, 85, 86, 88, 98, 120). Некоторые из них носили характер социальной рекламы. Так, в № 120 журнала был напечатан патриотический призыв к подписчикам: «Подпишитесь на военный заем! Этим вы ускорите Победу Вашей Родины над врагом, прекращение тягостей и жертв, вызванных войной, возвращение домой ваших мужей, братьев и сыновей. Не медлите!»[1].

Несмотря на развитие кризисных явлений в тылу в «Летописи» печатались также коммерческие объявления вполне прозаической направленности: реклама отелей (№№ 73, 97), автошин (№ 73), папирос производства знаменитой фабрики Лаферм марки Дарлингъ (10 штук – 20 коп.) (№№ 74, 98), зеркальных камер (№ 96), и даже персидских ковров (№ 74, 75).

Отличительными чертами рекламных объявлений в «Летописи» были лаконизм текста и иллюстраций, выразительность изображения, призывные и запоминающиеся заголовки. Эти черты были характерными для рекламы в прессе в годы Первой мировой войны и отражали определенный этап ее развития в дореволюционный период.

Список литературы

1. Летопись войны. 1914-17 гг. Вып.1-132. Редактор-издатель генерал - майор Дм. Дубенский. – СПб.-Петроград: «Т-во Р. Голике и А. Вильборг», 1914-1917.
2. Основы рекламы /под ред. Л.М. Дмитриевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 351 с.
3. Паустовский К. Повесть о жизни. Собр. соч. в 6 т. Т.3. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – 656 с.

Дергачев Андрей Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент Сибирского
государственного университета путей сообщения
(г. Новосибирск)

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ (конец XIX – начало XX в.)

Колонизация – одна из главных черт исторического развития Сибири в составе России. В ходе переселенческого движения формировалось население региона и совершалось его хозяйственное освоение; переселения существенно влияли на динамику социально-экономических отношений и характер классовой борьбы в Сибири, на общественное сознание различных слоев деревни, их материальную и духовную культуру [1]. Изучение колонизационных возможностей Сибири, официальной переселенческой политики, обследования переселенческих хозяйств, такого рода проблемы наши отражение в деятельности научных обществ.

Усиление переселенческого движения в Сибири с неизбежностью ставило вопрос о землях свободных и пригодных для заселения. Почвенно-ботанические исследования в Западной Сибири, Енисейской губернии, Забайкалье и Приамурье, предпринятые Переселенческим управлением и местными агрономическими организациями развернулись только в 1908-1917 гг. Гораздо раньше вопрос о свободных колонизационных землях стал изучаться научными обществами, в первую очередь - отделами и подотделами Русского географического общества.

По данным Ф.В. Семенова, с 1878 по 1927 гг. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (ЗСОРО) опубликовал научной продукция около 7240 п.л. Из этого числа 900 п.л. приходилось на изучение хозяйственной жизни региона, что составляло 12,5% от общего объема работ. Удельный вес всех исследований по вопросам колонизации и переселений составил 8% от всего объема работ (500 п.л.) или более половины всех работ по изучению хозяйственных вопросов края [2].

Основными формами исследований являлись доклады и сообщения, сделанные в заседаниях обществ; экспедиции и экскурсии; обследования.

14 декабря 1892 г. член ЗСОРО экономист В.А. Остафьев, по собственной инициативе, в заседании Отдела сделал доклад «Возможно ли при существующих знаниях и данных о Западной Сибири, определить количество свободных, годных и удобных для колонизации земель». Он подверг критике данные о количестве свободных земель в Западной Сибири, собранных в 1885 г. в регионе Управлением государственными имуществами. По данным Управления, количество свободных и годных земель для колонизации Тобольской и Томской губерний составляло 8570222 дес., на которых, по заключению Управления, можно было поселить 572000 душ мужского пола и 1144000 душ обоего пола. На конкретных примерах В. Остафьев показал, что эти цифры являются чрезвычайно завышенными и не соответствовали действительному состоянию дела и должны были быть значительно сокращены. По мнению автора, запас свободных для колонизации земель в Тобольской и Томской губерниях едва ли превышал 1077000 дес., на которых можно поселить 70-72 тыс. душ. В. Остафьев призвал к более осторожному отношению с цифровыми данными, собранными правительственными учреждениями ввиду их противоречивости. С его точки зрения, прежде чем решать вопрос о колонизации необходимо детально ознакомиться с территорией, предполагаемой к заселению. Практика переселенческого отряда, указывал В. Остафьев, ясно показала, что выбор места для заселения в водворения переселенцев «очень сложная вещь» и требует со стороны человека, который ведет это дело, громадных знаний, навыка, серьезного знакомства не только с топографическими и климатическими особенностями природы, но и со всеми экономическими, а также точного знания уклада жизни населения [3]. 23 декабря 1892 г. в общем собрании ЗСОРО состоялось обсуждение доклада В. Остафьева. В ходе обсуждения выявились 2 точки зрения. По мнению Г.Е. Катанаева, администрация весьма добросовестно относилась к вопросу о колонизации и предприняла энергичные меры для исследования степей. Тех детальных исследований, о которых говорил В. Остафьев, конечно, не было, но это детали - не суть необходимы, по крайней мере, подчеркивал Г.Е. Катанаев, в случае нужды можно было бы обойтись и без них, хотя признавал их желательность. Но, по убеждению Г.Е. Катанаева, отсутствие полного и всестороннего исследования степи не должно останавливать дело колонизации [3, С.16-18]. Г.Е. Катанаева поддержал В.А. Розанов, который оспорил вывод В.А. Остафьева о полной неверности имеющихся данных о количества удобных для колонизации земель, как специалист, принимавший личное участие во многих межевых работах в Тобольской и Томской губерниях. В.А. Розанов утверждал, что вопрос о количестве удобных для колонизации земель в Курганском, Ишимском, Тюкалинском, Ялуторовском и Тобольском округах Тобольской губернии и, отчасти, Томской губернии, а также вопрос о том - сколько возможно водворить на этих землях переселенцев окончательно выяснен и не может подлежать никакому сомнению. Что касается случаев неудачного устройства переселенцев, когда они через несколько лет после их водворения, бросают свои участки, то, по мнению В.А. Розанова, такие случаи не так часты, как утверждал В.А. Остафьев. Сами эти случаи В.А. Розанов объяснял ошибками чиновников переселенческого ведомства [3, С.18-19]. Иной точки зрения придерживались другие члены общества - Е.И. Жуковский и К.А. Вернер.

По мысли Е.И. Жуковского, случаи, когда переселенцы, уже устроенные, снимались с мест, на которых они были поселены и уходили, объяснялись тем, что при водворении

их селили на те участки, которые совершенно не соответствовали их характеру и привычкам.

По мнению К.А. Вернера, В.А. Остафьев показал, что мы ничего не знаем даже по самым общим вопросам, касающимся края, что он до сего времени не изучен, и что необходимо изучать его. Дело не в существующих или бывших межевых съемках, а в общей совокупности наших знаний по этому вопросу. Та или иная канцелярия, заявил он далее, имеет у себя те или иные, может быть, весьма обстоятельные сведения. Возможно и то, что Переселенческий отряд и обладает самым подробными и точными планами некоторых участков, но все это - частности. Главное, по убеждению К.А. Вернера, в том, что Западная Сибирь почти совершенно не исследована; неизвестно не только общее количество удобных к заселению в ней земель, но даже многие места не сняты на план; до сих пор нет карт Семиреченской области. По мысли К.А. Вернера, имелось немало брошенных поселений, число которых доходит до 19 в Акмолинской и до 5 в Семипалатинской областях. Все эти брошенные селения находились в различных условиях и были населены выходцами из различных губерний.

Единственная черта, присущая всем и составляющая главную причину неудачи колонизации - в том, что выбор места под поселения был сделан по соображениям не хозяйственным, а административным. Администрация, устраивая население, преследовала стратегические, дорожные и иные цели, забывая только, что при этом нужно, прежде всего, руководствоваться интересам самих поселенцев. Для такого рода колонизации местной администрации вовсе не нужны были какие бы то ни были исследования, она и не имела их. Между тем, для рационального решения вопроса о колонизации эти исследования, безусловно, необходимы. Климатические, почвенные и другие особенности Западной Сибири настолько разнообразны, что колонизовать страну и насаждать чуждую ей культуру по заранее предвзятому плану, как это было в степных областях, по убеждению К.А. Вернера, нельзя или же все эти попытки будут всегда приводить к самым плачевным результатам [3, С.20-22]. В ходе обсуждения отчетливо обозначились два резких взгляда на проблему колонизации и переселенческого вопроса. Сторонники первого (Г.Е. Катанаев, В.А. Розанов) обосновывали и доказывали правильность официальной переселенческой политики и достоверность сведений о количестве свободных и годных земель для заселения, собранными правительственными органами. Неудачное устройство переселенцев они объясняли ошибками чиновников переселенческого ведомства, а не просчетами правительственной политики в целом. Второй подход основывался на критике официальной переселенческой политики и акцентировал внимание на необходимости научного исследования условий для колонизации и переселения в Сибирь.

Список литературы

1. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XIX - начало XX вв). – Новосибирск, 1984. – С.100.
2. Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. – Омск, 1927.
3. Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Омск, 1895. – Кн.18. – Вып.2. – С. 1-32.

Подзюбан Елена Викторовна

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского
государственного аграрного университета
(г. Новосибирск)

ЕЩЁ РАЗ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Общепризнан тот факт, что существует множество определений понятия «культура». Некоторые варианты понимания культуры были предложены антропологами антиэволюционных направлений, например, культура – это способ адаптации человека к природно-географическому окружению или это групповые привычки (паттерны поведения), выработанные определённым этносом [Мёрдок, с. 50–53]. Отталкиваясь от этих представлений о культуре и в большей степени рефлексирывая на тему культурогенеза, ещё раз остановимся на поворотных моментах культурно-цивилизационного развития, что и будет являться целью этой статьи.

Придерживаясь гердеровского суждения о том, что человеческий способ жизнедеятельности и есть культура, следует определиться с его началом. Большинство современных исследователей согласны с тем, что культурное начало связано с выделением человека из животного мира, когда *Homo habilis* (человек умелый) стал осознанно и систематически изготавливать и применять орудия труда. Появление искусственно обработанных предметов из камня у *Homo habilis* около 2,5 млн. л. н. в научном мире имеет своё гипотетическое объяснение. Дело в том, что в процессе эволюции представители семейства гоминид в сравнении с животными потеряли важные биологические способности (у *Hominidae* изменились клыки, резцы, когти, способ и скорость передвижения и т.д.), которые позволяли добывать всё необходимое для жизни. В результате компенсацией за утрату этих биологических способностей стала орудийная деятельность. Человек умелый благодаря изготовлению орудий приобрёл возможность воздействовать на мир природы и творить своё ежедневное существование. Таким образом, наличие орудий – это доказательство того, что человек нашёл для себя способ адаптации к окружающему миру, тем самым охраняя свой род от гибели. Орудия становятся постоянным спутником человека с момента появления первого представителя рода *Homo*. Следовательно, начало культурогенеза было положено орудийной деятельностью человека умелого, и это был первый поворотный момент в культурно-цивилизационном процессе.

Продолжавшийся длительное время период становления человека современного облика и одновременно общества следует расценивать как подготовительный. В ходе этого периода формирующийся человек, адаптируясь к природно-географическим условиям, в особенности, когда *Homo erectus* расселялся по территории Евразии, приобретал собственно человеческие стереотипы поведения, отличающие его от животных. К ним можно отнести: систематическую и постепенно усложняющуюся орудийно-трудовую деятельность, целенаправленный поиск источников каменного сырья, использование огня, благоустройство жилого пространства, изготовление одежды, собирательство и загонную охоту. Судя по археологическому материалу, на этом длительном этапе становления человека и общества многие элементы материальной культуры схожи, что объясняется однообразным природным окружением, к которому адаптировался человек, и указывает на принцип конвергентности.

В эпоху верхнего палеолита у сформировавшегося человека современного облика возникла членораздельная речь, появилось человеческое общество в форме общинно-родовой организации и, судя по археологическому материалу, можно говорить о сложившемся культурном полицентризме. Без этих ключевых элементов культура не

получила бы дальнейшего развития, поэтому второй поворотный момент в культурно-цивилизационном развитии мы связываем с верхнепалеолитическим временем.

С наступлением мощного потепления климата 10 тыс. л. н. произошли глобальные климатические изменения на планете Земля. С началом голоцена щиты ледников отступили к Северному и Южному полюсам, складывалась современная ландшафтная структура (лесная зона на севере, степная зона на юге), образовывались новые реки и озёра, изменялись очертания морей. Начал формироваться современный фаунистический комплекс, в который входили преимущественно животные средние и мелкие такие, как лось, благородный олень, кабан, косуля, бизон, тур и др. Все эти климатические изменения кардинально повлияли на перестройку образа жизни человека современного облика. Дело в том, что с появлением природно-климатической зональности и новых географических районов в начале голоцена у человека в процессе адаптации к тому или иному региону начинают формироваться специфические особенности в образе жизни, которые прослеживаются на протяжении последующей истории человечества. В процессе решения вопросов жизнеобеспечения на той или иной территории складываются различные формы хозяйства. Например, в северной зоне (лес, тундра) длительное время продолжало сохраняться традиционное присваивающее хозяйство охотников, рыболовов, собирателей, а в южной зоне (лесостепей и степей) с начала голоцена преобладало интенсивное собирательство, что очень скоро привело к переходу к производящим формам хозяйства. В результате адаптации человека к различным климатическим зонам формируются специфические навыки в строительстве жилищ, изготовлении одежды, предметов быта, погребальном обряде, верованиях и т. д., а это значит, складывается особенный ритм жизни, вырабатываются специфические стереотипы поведения у тех или иных племён или этносов.

Новый способ жизни в условиях производящего хозяйства раньше всего был выработан племенами, расселившимися на территории земель «плодородного полумесяца» – это регион Передний Азии. Именно здесь впервые произошла «неолитическая революция» и на несколько тысячелетий этот регион превратился в источник новых идей, откуда мигрировавшее население приносило культурные традиции на соседние территории. В процессе «неолитической революции» человек обезопасил себя благодаря земледелию и скотоводству от фактора природной внезапности, научился обеспечивать большинство коллектива стабильным продуктом пропитания. У человека появились альтернативные пути: он мог производить желаемые вещи и торговать ими, увеличивать благосостояние и творить свою судьбу. Вкусив прелести стабильной жизни, оседлое население неуклонно росло. Маленькие поселения стали городами, города – крупными мегаполисами, которые постепенно превратились в города-государства, а со временем объединились в державы. Так создавалась основа известной нам сегодня цивилизации. Решив проблему с регулярным удовлетворением пищевого инстинкта, человек встаёт на путь отдаления от природы, а позднее, с момента появления городов и государств, и обособления от неё, сохраняя за собой устойчивое право использовать в любой момент природные богатства. Таким образом, «неолитическую революцию» следует расценивать не только как третий поворотный момент в культурно-цивилизационном развитии, но и как ключевой, поскольку неолитизация обеспечила переход к современной модели человеческой жизнедеятельности – цивилизации.

Под цивилизацией мы понимаем постепенное втягивание в ходе неолитизации человечества в более усложнённый способ жизнедеятельности, в ходе которого изменяется вектор во взаимоотношениях между человеком и природой. В эпоху цивилизации человек постепенно отходит от сотрудничества с природой и, нарушая великое равновесие, изменяет привычные стереотипы поведения. Человека цивилизации интересуют не взаимоотношения природа↔человек, а человек↔общество, человек↔человек, человек↔его Я. Двигаясь по этому пути, человечество с эпохи неолита вступило в необратимый процесс технического совершенствования, монументального и

городского строительства, складывания социальной иерархии, формирования институтов власти, администрирования и других сложных социальных процессов.

Пожалуй, окончательный переход к цивилизации произошёл не в 4 тыс. до н. э., а на рубеже XVI–XVII вв., когда основой западноевропейской цивилизации становится научно-технический прогресс, что приводит к глубоким архитектурным изменениям самой культуры. Если раньше Природа воспринималась как живое органическое целое, как предмет эстетического созерцания или как творение Бога, то в научной картине мира Природа снимает с себя ценностные одеяния и становится объектом практического использования. Начало процесса развёртывания современного цивилизационного универсума с устоявшимся набором паттернов поведения человека рыночного характера следует увязывать с зарождением и развитием капиталистических отношений. Буржуазия, заинтересованная в свободном движении капиталов, ломающих все социально-иерархические и ценностные барьеры, кроме того, заинтересована и в свободном научном исследовании, обеспечивающим неограниченный экономический рост, поэтому единственным критерием оценки уровня культуры отныне становится научно-технический прогресс, формирующий рациональное мышление. Рационализм существенно связан с эгоцентризмом человека-атома и эгоцентризмом частноэгоистической цивилизации. Последняя лишена объёмности, многомерности и смысловой глубины. Свобода индивида-атома не ограничена ни традицией, ни ценностными императивами или табу. Вся культурно-историческая традиция подлежит исправлению с точки зрения идеалов личностной свободы и неограниченного научно-технического прогресса [Абсалямова, с. 12]. Таким образом, четвёртый поворотный момент в культурно-цивилизационном развитии, который привёл к современной цивилизации, мы связываем с эпохой Возрождения и научно-технической революцией в западноевропейской цивилизации.

Уже мыслители XX в. в своих трудах делают выводы о тупиковом характере прогрессистской модели развития цивилизации и обозначившемся культурно-цивилизационном кризисе в обществе. Идеал неограниченного экономического и технического роста в современный момент рассматривается как угроза для самой человеческой природы. Наиболее ярко и последовательно психологическую природу современного человека проиллюстрировал Э. Фромм, назвав её рыночным (отчуждённым) характером. У людей с рыночным характером нет «самости», стержня, чувства идентичности, они отчуждены от своего труда, от самих себя, от других людей вещей и от природы. Самым поразительным, по мнению Фромма, является то, что человек с рыночным характером превратил себя в бога, потому что он обрёл техническую возможность создать второй мир вместо того мира, который был впервые создан богом. Превратив машину в бога и служа машине, люди, находясь в состоянии наивысшего реального бессилия, воображают, будто стали благодаря науке и технике поистине всемогущими [Фромм, с. 347–350]. Исходя из сказанного, вытекает необходимость коренного изменения ценностных ориентиров в культурно-цивилизационном развитии, что крайне необходимо для сохранения природы самого человека.

Список литературы

1. Абсалямова И. А. Европоцентризм и проблема самобытности русской культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – С-Пб, 2001. – 24 с.
2. Мёрдок Д. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – С-Пб., 1997. – Т. 1. – С. 49–57.
3. Фромм Э. Иметь или быть? – Мн.: Изд-во В.П. Ильин, 1997. – С. 208–412.

Гаврилов Николай Константинович

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского
государственного аграрного университета
(г. Новосибирск)

Коновалов Александр Владимирович

кандидат философских наук, доцент Новосибирского
государственного аграрного университета
(г. Новосибирск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Складывание российской системы образования растянулось практически на целый век. Первым высшим учебным заведением стала в 1687 году Славяно-греко-латинская академия. В XVIII веке были созданы первые российские университеты- Академический университет при Петербургской Академии наук (1724 г.) и Московский университет (1755 г.) с правления Петра Великого начинается активное создание технических учебных заведений, направленных на подготовку инженеров. [1]

В эти же годы создаются первые российские гимназии: в 1747 г. – Академическая гимназия при Академии наук в Санкт-Петербурге, в 1755 г. – Академическая гимназия при Московском университете, в 1758 г. – гимназия в Казани, устроенная по образцу гимназии, действовавшей при Московском университете [2].

Первой учебной книгой по истории является Синописис-обозрение. Автор священник И. Гизель. Это увлекательная справочная книжка по истории, но её нельзя назвать учебником. Первые учебники были переводные, и они были по всемирной истории. Преподавание было весьма примитивным и строилось на вопросно-ответной форме. Первым школьным учебником по русской истории считается произведение Ломоносова «Краткий летописец с родословием (1760 г.) в 1769 г. появился новый учебник «Изображение Российской истории», автором которого стал Август Людвиг Шлецер. (один из теоретиков создания «норманской теории»).

В 1799 г. вместо устаревшего летописца появилась «Краткая Российская история» Тимофея Териака. Методика преподавания оставляли желать лучшего. Уроки строились по принципу заучивания наизусть материала и повторения его на следующем уроке. [3]

В начале XIX в. система образования в России претерпела изменения. По уставу 1804 г. образование можно было получать последовательно в приходских училищах, уездных училищах, губернских гимназиях и университетах. Школы двух первых типов были бесплатными и бессловными.

Согласно Уставу гимназий от 19 ноября 1864 г., они «имеют целью доставить воспитующемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат подготовительным заведением для поступления в университет и другие высшие специальные училища». [4]

Во всех гимназиях предусматривалось преподавание истории: в классических – всеобщая, российская и мифология; в реальных – история, на изучение которых отводилось в различных гимназиях до 18 учебных часов в неделю. Во второй половине XIX в. на смену монархической концепции Карамзина, считавшего, что история должна служить наставлению и нравованию подрастающего поколения перед престолом. Пришли идеи Белинского, Добролюбова, Чернышевского, считавших, что изложение фактов не может быть бесстрастным, что необходимо показывать процесс в его закономерности и преподавать историю в школах следует так, чтобы пробуждать мысль в учащихся. Очень популярны были учебники Д.И. Иловайского, который предлагал подходить к истории как к искусству, и группировать факты с описанием частной жизни,

чтобы было интересно читать. Он считал, что вместо заучивания текста наизусть можно практиковать репетиции, т.е. выступления учеников, как актеров. В развитии методики большую роль сыграл М.М. Стасюлевич, профессор СПбГУ, сторонник реального метода, сущность которого заключалась в работе гимназиста непосредственно с документами без использования учебника, что позволяло сформировать познавательные способности учащегося. [5].

Заслуживают особого внимания методики Гуревича, Хрипца, Ломовицкого не потерявшие своей актуальности и в наше время.

Во всех классических и реальных гимназиях, а в последующем в университетах были разработаны основополагающие методические приемы образования (принципы проведения диспутов, чтения лекций, система занятий) [6].

Привычная в настоящее время университетская лекционно-семинарская система возникла не сразу и складывалась не просто.

Несмотря на то, что первым университетом все-таки принято считать Московский университет, созданный 12(25) января 1755 года курировавшими этот проект И.И. Шуваловым и М.В. Ломоносовым, ранее Московского появился Академический университет, образованный в 1724 году вкупе и при Петербургской Академии наук. Другое дело, что крайне скудное число подготовленных Академическим университетом выпускников за 30 лет, вынуждает общественность не вспоминать, что Академический университет был раньше и пальму первенства отдавать Московскому университету.

Вообще, и последующие университеты второй половины XVIII и первой половины XIX вв. – Московский с 1755 года и в первой половине XIX века Виленский, Харьковский, Казанский, Санкт-Петербургский – не могли похвастаться наличием широкого круга профессуры, отличающейся глубиной научной мысли, деловой обстоятельностью и высоким педагогическим мастерством. Хотя в отличие от Академического университета выше перечисленные учебные заведения уже выпускали подготовленные научные и педагогические кадры. В данном обстоятельстве сыграло неопределимую роль изменение стратегии при подборе профессорско-преподавательского состава. Все более делается ставка не на приглашение иностранных профессоров, между которыми и учащимися была значительная языковая и ментальная пропасть, а на подготовку отечественной профессуры в том числе и посредством зарубежных стажировок и командировок.

Однако, до второй половины XIX века общий научный и культурный уровень профессорско-преподавательского состава был не высок. В основной массе профессора не следили за ходом современной науки, особенно зарубежной, давали лекции по старым записям, не добивались понимания или даже внимания иначе, чем полицейским мерами.

Николай Иванович Костомаров в 1830-е годы отмечал упадок университетов, высказываясь о низком мастерстве преподавателей, поверхностности их знаний, пустоте риторики лекционных выступлений, отсутствии новизны и актуальности в подходе к подбору научного материала и дефицита глубокого анализа [7].

Сетования студентов на низкий уровень преподавания дисциплин можно встретить в воспоминаниях студентов конца XVIII – начала XX века. По их словам, большинство преподавателей плохо разбиралось в своем предмете, более того они могли просто не явиться на лекции, и это было обыденностью. Один из учащихся в Санкт-Петербургском университете вспоминал: «Надо сказать, что профессура не блистала дисциплиной. Как правило, осенью некоторые преподаватели начинали читать с большим запозданием. Да и на лекции приходили минут на 15 позже, а то и вовсе пропускали свои занятия. Бывало такое: первокурсник, еще несмышлениш, стоит у запертой двери аудитории, дожидается, когда отопрут. Проходит сторож, студентик спрашивает, почему закрыта дверь. Сторож осведомляется: «Кто должен читать лекцию?» – «По расписанию – профессор Н.Н. Бывалый». Сторож отвечает: «Н.Н. раньше декабря лекций не начинает».

Нередко преподаватели назначали лекции в удобное для себя время – одни предпочитали читать едва ли не на рассвете, другие исполняли свои обязанности лишь после плотного обеда, когда день подходил к концу» [8].

Вполне привычно было полное отсутствие преподавателей по какому-нибудь предмету. Так, в одном, вероятно, Одесском университете со времени его основания отсутствовал профессор по кафедре географии, и никто не пытался подыскать кого-нибудь на эту должность.

Пробелы в знаниях студенты восполняли участием в литературных кружках, очень популярных во второй четверти XIX века. Собирались в доме их состоятельного товарища и с вечера до утра обсуждали различные темы, находя время и для развлечений – хором пели песни под аккомпанемент фортепиано.

Таким образом, к самостоятельной работе студенты приучались автономно, без внимания наставников. Так что во многом мы обязаны студенчеству тех лет появлением семинарской формы занятий в университетах. Особенно тому обстоятельству, когда во второй половине XIX века студенческие литературные кружки стали превращаться в политические, в связи с чем у правительства возникла нужда контролировать студенчество хотя бы посредством преподавателей. В результате не без вмешательства правительственных кругов самостоятельная работа студентов от «внеклассной» формы переходит в университеты под профессорско-преподавательский контроль. Так, лекции дополняются семинарами в университетах.

Но, справедливости ради надо сказать, что и в первой половине XIX века не все преподаватели обладали не важным мастерством преподавания. В российских университетах складывалась плеяда талантливых профессоров, являвшихся глубокими исследователями и одаренными лекторами. Десятилетиями они оттачивали всесторонне методику чтения лекций, способствующих глубокому восприятию их студентами. К таковым можно было относить С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, Т.Н. Грановского, Ф.И. Буслаева.

Талантливость профессоров, как отмечал Н.И. Костомаров, заключалась в основательности их знаний, сформированности мировоззренческой позиции, ученой усердности, умении точно изложить материал, владении основой преподавательского мастерства – языковым богатством и образным воображением.

Успехом педагогического мастерства лектора Н.И. Костомаров считал его возможность улавливать влияние изложенного лекционного материала на «душу, ум и сердце слушателей».

Н.И. Костомаров полагал, что важные задачи стояли перед преподавателем – самостоятельный подбор источников, объяснение их, анализ и оценка.

По мнению историка, необходимо было изучать и обучать предмету истории во всей полноте ее состояний: «учета воздействия местности и климата на «организм» народа, его этнографические особенности, состояние здоровья народа и телесного склада, наружный вид и телесные особенности народа; государственное строение, отношение к соседям, средства защиты, относительное могущество или слабость державы; общественный быт, духовные и формальные связи, объединяющие между собой людей: церковь, гражданство, промысел и хозяйство; «внутреннее настроение народного духа, которое выражается понятиями и чувствами в отношении к человеку и природе, религию, народные понятия и суеверия, воспитание, просвещение, народную и письменную литературу» [7].

Н.И. Костомаров подчеркивал значимость не столько приумножения, обновления знаний и полноту курса, сколько осмысление знаний, полученных ранее, решение спорных или нерешенных вопросов. Такой критический подход, по убеждению Костомарова, позволял преподавателю способствовать своими лекциями дальнейшему развитию наук, а не повторять полученные результаты других ученых.

Основным способом передачи знаний в университетах, согласно точке зрения Н.И. Костомарова, должны были быть лекции, исследования, различные чтения.

Исследователь свято верил в полезную для развития общества доступность университетского образования для всех желающих [8].

Помимо Н.И. Костомарова к талантливым профессорам можно причислить и Ф.И. Буслаева.

По воспоминаниям В.О. Ключевского, академик Петербургской академии наук с 1860 года Федор Иванович Буслаев, преподававший в Московском университете русское языкознание, литературу и фольклор, обучая студентов «строению языка и его связи с народным бытом, учил читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке известного времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими одновременными и посредством этого разбора и сопоставления приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени».

Несомненно, наиболее глубоких и талантливых ученых и преподавателей дала система высшего образования второй половины XIX века, складывавшаяся во время Великих реформ Александра II. Этот факт говорит в пользу того, что высшее образование и наука в России были тесно связаны с политикой и были зависимы от государства.

Процессы либерализации политического курса правительства в отношении образования и науки давали колоссальный толчок развитию педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава и появлению большого количества научных достижений. Это свидетельствует о сильной зависимости университетов от государства в Российской империи, в отличие от европейских государств, где преобладала непоколебимость университетского уклада, его отстраненность и обособленность от изменяющейся политической жизни.

Так, именно в пореформенный период в России лекционная форма занятий перестает быть единственной в образовательном процессе высшей школы и дополняется семинарскими, практическими формами. Семинарские занятия давали возможность создавать научные лаборатории в рамках университетов, что позволяло преодолевать оторванность преподавательской деятельности от научных изысканий и достижений, обеспечивало сотрудничество преподавателей и учащихся и приучало студентов к самостоятельной работе, что положительно сказывалось на развитии их критического мышления. Бесспорно, появление методов активизации студентов в образовании влияло на укоренение в преподавании критического подхода к предмету, чего так не хватало профессорам в XVIII и первой половине XIX веков.

Особое место в повышении качества подготовки будущих специалистов стали занимать летние практики. Так на заседании конференции Восточного института, проведенной в апреле 1910 г. был зачитан список представленных студентами и слушателями института работ, подготовленных по результатам летних командировок 1909 г. в страны АТР. Среди них особо отмечали перевод с французского студентом Н.П. Мацокиным работы «Пекинские нищие», перевод с японского Б. Воблым сочинения «Пятидесятилетняя история реформированной Японии» и др.

Еще одной особенностью преподавания в высшей школе дореволюционной России было то, что курсы российских профессоров отличались большей систематизированностью, нежели курсы даже их немецких коллег, отличающихся от других европейцев холодной расчетливостью, размеренностью, спокойствием, педантизмом скрупулезностью, рациональностью и склонностью к упорядочиванию. Это качество открывало возможности для качественного ускорения и прорыва в развитии отечественной высшей школы и быстрого индивидуального научного и педагогического роста преподавателей и ученых. Высокий уровень европейских университетов достигался медленно и постепенно на протяжении многих веков. Ускоренное развитие российских университетов обеспечивалось перениманием уже сложившегося европейского опыта и непревзойденным универсализмом русского характера, которому отечественная профессура и обязана умением наиболее систематизированно излагать собственные учебные курсы.

На качественный скачок в мастерстве преподавания в высших учебных заведениях императорской России в пореформенный период сказалось и изменение системы предоставления зарубежных командировок и стажировок. Если в дореформенный период доминировало либо безразборное предоставление таковых, либо существенное ограничение их во время смены либерализма на реакцию со стороны царского правительства, то в пореформенный период, начиная с 1960-х гг., можно наблюдать появляющуюся позитивную избирательность в отношении соискателей на зарубежные стажировки и командировки. Выбор получателей теперь осуществлялся Советом университета и в угоду научной и педагогической даровитости профессоров, внесших несомненный вклад в развитие университетов.

Так непросто и своеобразно складывалась в России система классического преподавания в высшей школе, лучшие традиции которой были унаследованы в советское время, и от которой в настоящее время мы пытаемся избавиться, взирая на западные стандарты Болонской системы, уже давшие далеко не первые плоды дегенерации всеобщего образования.

Список литературы

1. История образования в России от Древней Руси до конца XX века. [ateismy.net>index.php?...459&option=com...view=article](http://ateismy.net/index.php?...459&option=com...view=article)
2. Пивоваров Б. Гимназия в Российской системе образования. – Науки в Сибири. №24. – 21 июня 2002 г.
3. Корзинин А.Л. Методики преподавания истории - [kursak.net>metodika-prepodavaniya-istorii/](http://kursak.net/metodika-prepodavaniya-istorii/)
4. Логинова О.А. , Логинов О.Н. Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России. – Пенза, ПГУ, 2009. – 135 с.
5. Корзинин А.Л. Методики преподавания истории - [kursak.net>metodika-prepodavaniya-istorii/kursak.net](http://kursak.net/metodika-prepodavaniya-istorii/kursak.net)
6. Дутко Е. Н. Идея развития русских университетов XIX века в научном наследии Н.И. Костомарова [Электронный ресурс] / Е. Н. Дутко // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Т. I. — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 34 — 38. — Режим доступа: <http://dis.podelise.ru/text/index-84741.html?page=29>. — Дата обращения: 26.10.2015.
7. Кузнецова С. Между сессией и депрессией [Электронный ресурс] / С. Кузнецова // Деньги. — № 2 (657) от 21.01.2008. — С. 69. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/842994>. — Дата обращения: 26.10.2015.
8. Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX века: дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Электронный ресурс] / Г.А. Перковская. – Ставрополь, 2005. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-istoricheskogo-obrazovaniya-v-universitetakh-rossii-vo-vtoroi-polovine-xviii-nachal>. — Дата обращения : 26.10.2015.
9. Эрлих В.А. Развитие исторической науки и образования в Сибири и на Дальнем Востоке в конце X – XX веков. Очерк истории: учеб. пособие / Новосиб. гос. аграр. ун-т. – Новосибирск: 2014. с. 176-177.

Михайлова Надежда Дмитриевна
доцент Новосибирского государственного аграрного
университета (г. Новосибирск)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

19 ноября 2015 г. исполняется 130 лет со дня смерти Н.Я. Данилевского – русского социолога, естествоиспытателя, геополитика, основателя русской культурологии.

Выдающийся мыслитель, философ, горячий патриот России, Н. Я. Данилевский всегда вызывал неоднозначное отношение к себе и своему творчеству. Уже при жизни его взгляды стали объектом и горячей поддержки сторонников и резкой критики противников. Но в любом случае при жизни Данилевский был в эпицентре ярких споров между западниками и славянофилами, чьи взгляды он разделял и развивал. В XX веке имя Данилевского было почти забыто и вышло на периферию научных интересов российских ученых, казалось, навсегда.

Но XXI век с его острыми политическими событиями последних лет неожиданно заставляет вновь обратиться к творчеству Н.Я. Данилевского, к его главной работе, фундаментальному труду «Россия и Европа».

Вся жизнь ученого готовила его к созданию работы, которая анализирует место и перспективы развития России и русской культуры и выявляет проблемы её отношений с Европой и европейской культурой. Уроженец орловской губернии, сын генерала, Данилевский учился в Царскосельском лицее, чьи выпускники прославлены своим патриотизмом и вкладом в развитие Отечества, и стал достойным выпускником пушкинской Alma Mater. Потом факультет естественных наук Петербургского университета, арест по делу Петрашевского, ссылка в Вологду, потом в Самару. Но даже эти сложные обстоятельства жизни не помешали Данилевскому много сил отдать исследованию народного хозяйства, природных условий родной земли.

В основу книги «Россия и Европа» Данилевский заложил теорию культурно-исторических типов, положив начало цивилизационного подхода к историческому процессу. Он отрицает представление об истории как об эволюционно-стадиальном движении единого человечества, для него история – это совокупность жизней самобытных, самостоятельных культурно-исторических типов или цивилизаций. Каждый тип – это племя или семейство народов, имеющее отдельный язык или группу языков, близких друг к другу. Данилевский выделяет 10 культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассииро-вавилонно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий. Римский, новосемитический или арабийский и германо-романский или европейский. Особое место у России и славянства, по мысли Данилевского. Они образуют новый культурно-исторический тип. Совершенно отдельный и отличный от Европы.

Н.Я. Данилевский выделяет 5 законов культурно-исторического развития: 1) языковое родство; 2) политическая независимость; 3) начала цивилизации не передаются от одного исторического типа другому, хотя возможно влияние цивилизаций друг на друга; 4) культурно-исторический тип достигает максимума развития, когда его этнографические элементы пользуются независимостью, составляют федерацию или союз государств; 5) период развития культурно-исторического типа может быть достаточно продолжительным, но период «цветения и плодоношения» относительно короток и истощает их жизненную силу.

По представлению Данилевского, культурно-исторические типы развивают различные стороны культурной и общественной жизни. Древнегреческая культура развивала эстетическую идею, европейская – научные знания, семитические племена создавали высшие религиозные идеи. Таким образом, всё поле исторической деятельности человечества должно быть отработано и засеяно.

Н.Я. Данилевский выделял четыре ряда культурной деятельности: религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую. В каждом культурно-историческом типе развивается своё количество основ или разрядов культурной деятельности, в связи с чем они могут быть одно, двух, трех или четырехосновными. В истории большинство культурно-исторических типов были одноосновными. Двухосновным является германо-романский (европейский) тип культуры. Особое место в истории культуры принадлежит русско-славянскому типу, который единственный развивает все четыре разряда культурной деятельности, что делает его наиболее перспективным.

Н.Я. Данилевский сравнивает германо-романский (европейский) и русско-славянский культурно-исторические типы. Главная черта романо-германских народов – «насильственность», под которой Данилевский понимает чрезмерно развитый индивидуализм, отвергающий всякий иной образ мыслей или интерес.

В политике и общественной жизни «насильственность» проявляется в аристократизме, в угнетении народностей и стремлении к безграничной свободе, к политической раздробленности; в религии – в религиозной нетерпимости, либо в отрицании всяких авторитетов. Принцип «народного верховенства», выходящий из индивидуальной свободы, предполагает установление демократической конституции государства. Но Н.Я. Данилевский сомневается в возможностях демократии, во власти всех. Скорее это владычество некоторых, обуславливающее кризисную нестабильность общества, чреватого революцией и военной диктатурой.

В противовес европейской «насильственности» как главной черты психического склада германо-романских народов главная особенность славяно-русского характера – терпимость, прирожденная гуманность.

Как следствие этого различия в странах Западной Европы каждый интерес представлен партией, и жизнь Европы – это борьба партий. В России главная двигательная сила русского народа – внутреннее нравственное сознание. Принцип партийного деления чужд русскому обществу, он привнесен извне и плохо работает.

Отрицательной чертой русской жизни Данилевский считает «европейничание». Которое он оценивает как болезнь русской жизни, как искажение народного быта иностранными формами, заимствование иностранных учреждений и стремление смотреть на политику сквозь «европейские очки». Причина этого – в расколе русского народа на два слоя. «Низкий слой остался русским, высший сделался европейским до неотличимости». Он породил недоверие народа к верхушке общества. Нигилизм, аристократизм, демократизм и конституционализм Н.Я. Данилевский считал частными проявлениями «европейничания», а в общем оно проявлялось в признании европейского общественного мнения судьей России. Это болезнь высших образованных слоёв русского общества, которая ослабляла внутренние творческие силы русского народа и угрожала историческому существованию русской нации. По мысли Данилевского, европейское общественное мнение враждебно России, а сама Европа боится России, её огромности, силы, непредсказуемости. Несмотря на деятельное и положительное участие России в судьбах Европы только в XX веке, Европа не только не испытывает благодарности, но и обвиняет Россию в колоссальных завоевательских притязаниях. Н.Я. Данилевский блестяще анализирует многочисленные политические события в Европе и Азии, доказывая наличие у европейцев политики двойных стандартов в отношении России. Ну, как тут не вспомнить события последнего времени? Ничего не изменилось за последние 150 лет!

Чем же можно излечить столь опасную для существования русской нации болезнь «европейничания»? Н.Я. Данилевский считает, что главное средство – решение восточного вопроса, который является продолжением древневосточного вопроса, состоявшего в борьбе римского с греческим. И преобразившемся в борьбу европейского и славянского типа культур. Результатом этого должно стать образование всеславянской

федерации с центром в Константинополе. В наше время идея панславизма совершенно не актуальна, более того, она давно мертва, и отношения между славянскими народами весьма далеки от братской любви. Достаточно вспомнить, например, недружественные шаги со стороны Болгарии по отношению к России. Данилевский не мог этого предвидеть, но его горячее уважение к славянской культуре, его патриотизм не может не вызывать уважения.

Книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» содержит немало мыслей, ценность которых значительно возросла в наше время. Прежде всего – это предостережение об опасности денационализации культуры. Установление всемирного господства одного культурного-исторического типа, по мнению Данилевского, было бы губительным для человечества, т.к. оно лишилось бы главного условия совершенствования – элемента разнообразия.

Лебедев Сергей Вениаминович

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМИЗАЦИИ ХРИСТИАН В VII-XXI В.В.

Религиозная принадлежность является одним из наиболее значимых элементов социально-культурной идентичности. Изменения религиозной принадлежности ведет к изменению этой идентичности.

Процесс перехода христиан в ислам начинается с момента их завоевания арабами с VII века. Это можно считать первой волной исламизации.

Распространение христианства в восточных провинциях в начале Римской империи, а затем и Византии происходило с первых веков н.э. и к VII веку позиции этой религии были весьма сильны. Особенностью христианства в Египте, Палестине, Сирии, Верхней Месопотамии было то, что были распространены многочисленные ереси: несторианство, монофизитство, монофелитство и др. Первоначально это носило характер политического сепаратизма. После арабского завоевания приверженцы православия как официальной религии Византии и последователи еретических течений по разному выстраивали свои отношения с господствующей религией Арабского халифата. Последователи ересей оказались более стойкими к своей приверженности христианству. Так в современном Ливане маронитов больше чем православных. Общины несториан, яковитов и др. последователей ересей сохраняются в Сирии, Ираке, Иране. В Египте большинство христиан последователи коптской церкви, а не православные. Объяснить это можно тем, что последователи ересей не очень опасались репрессий в Византии со стороны светских и духовных властей и были более стойки в своих воззрениях. Последователи официальной церкви были настроены более конформистски войдя в состав халифата. Конформизм православных позволял им легче делать выбор в пользу новой господствующей религии. Однако это коснулось далеко не всех. Показателен пример Иоанна Дамаскина. Он занимал высокое положение при дворе халифа, но это не способствовало его переходу в ислам, а наоборот он стал первым систематизатором христианского вероучения.

Есть предположение, что арабы переживая демографический взрыв, чему способствовала и официально разрешенное многожнство, и отсутствие института монашества просто замещали христианское население на новых для себя территориях. Для Египта это не показательно. В этой стране, где мусульмане составляют около 90% населения слабо ощущается присутствие антропологического типа характерного для Аравии. В большинстве своем египтяне сохраняют антропологические особенности еще со времен фараонов. Достаточно посмотреть на современных египтян и на изображения их предков с дошедших до нас древних рисунков. Таким образом, смена религии это

сознательный выбор жителей этой страны. Хотя многие русские средневековые паломники отмечали, что в то время значительная часть египтян были христианами. Жителям Сирии, Палестины и Верхней Месопотамии говорящих на семитских языках к которым относится и арабский было проще воспринимать богослужения на понятном им языке.

В меньшей степени были подвержены исламизации народы проживающие в диаспорах - греки и армяне. Проживание среди других народов вырабатывало стремление к сохранению социально-культурной идентичности. Так понтийские греки проживавшие среди турок утрачивали родной греческий язык и становились турецкоязычными, но сохраняли верность православию. На тех территориях, где арабское господство было непродолжительным (Сицилия, Мальта и др.) переход в ислам местных христиан почти не заметен. Особое положение сложилось в Испании, где длительная реконкиста замедляла смену веры. Хотя такие случаи были нередки, так как именно в Испании получил распространение термин «ренегадос», т.е. «сменивший веру».

Второй крупной волной распространения ислама среди христиан стали турецкие завоевания вначале в Малой Азии, а затем и на Балканах и в Центральной Европе. Народы Малой Азии утрачивали этническую идентичность и растворялись в формирующемся турецком этносе. Так среди современных турок почти не прослеживаются антропологические черты Средней Азии откуда пришли турки в XI веке. Ранее христианские народы – капподокйцы и др. утратили и родной язык, и религию. Хотя этот процесс был не быстрым. Так отмечается, что в турецких войсках были нередки крупные землевладельцы-христиане с отрядами своих воинов. В отличие от исламизации арабской волны в ходе османских завоеваний исламизация редко охватывала целые этносы (исключение боснийцы и албанцы). Обычно это ограничивалось складыванием этноконфессиональных групп среди покоренных народов. Это помаки- болгаро-мусульмане, сербы-мусульмане области Санджак, хемшины – армяне-мусульмане, лазы и аджарцы среди грузин. Между лазами и аджарцами принявшими ислам наблюдаются различия. Если лазы, сохранившие грузинский язык идентифицируют себя как турки, то аджарцы воспринимают себя как особую общность. Следование религиозным нормам ислама у аджарцев не столь сильно. Они, в частности, позволяют себе употребление вина.

Боснийцы и албанцы активно проявляли себя в военной и управленческой деятельности в Османской империи. Так в XVIII веке особо проявил себя паша одной из областей в Палестине босниец Ахмед Джаззар. Свое прозвище «Джаззар», т.е. «Мясник» он получил за излишнюю жестокость.

Предводитель отряда албанцев Мухаммед Али в первой половине XIX века стал фактически независимым правителем Египта. Если учесть, что среди албанцев 70% мусульмане, а остальные христиане, то вопрос о том, сохранить религию предков или принять господствующую в государстве мог определяться и соображениями успешности карьеры и престижа.

Немаловажным фактором смены религии было давление со стороны мусульман на христиан, принимавшим иногда крайние формы. Причем это была не столько политика государства, сколько «самодеятельность масс». Так в ответ на военные действия со стороны европейских государств против Египта в 1840 году по Сирии и Палестине прокатились погромы христиан. В Палестине целые деревни в целях самосохранения принимали ислам. Если в Сирии османским властям удалось выявить и казнить зачинщиков погромов, то в Палестине это было невозможно; настолько массовыми были выступления мусульман.

Подобные же процессы происходили и в ходе первой мировой войны в Османской империи. После пятничной проповеди толпы мусульман отправлялись громить армянские, греческие и ассирийские кварталы и селения. Отмечены факты перехода отдельных армянских селений в ислам. Наиболее это заметно было в столице - Стамбуле.

В большинстве случаев этноконфессиональные группы в Анатолии и на Балканах приняв ислам сохраняли этническое своеобразие. Так армяне-хемшины, принявшие ислам в XVII-XVIII веках до нашего времени сохраняют родной язык.

Переход христиан в ислам носил как групповой, так и индивидуальный характер. Для XX-XXI вв. более характерен последний вариант.

Мотивы индивидуального перехода в ислам у христиан были самыми разными. Так немецкий ученый Иоганн Людвиг Бургхард в начале XIX века принимает ислам в исследовательских целях для того, чтобы попасть в Мекку. Для немусульман посещение Мекки в то время каралось смертной казнью. Бургхард до конца жизни сохранял приверженность новой для себя религии. Христианка Сауха из Палестины приняла ислам чтобы стать женой Ясира Арафата. (Среди арабов – палестинцев в наше время только 25% христиан.).

Ливанский христианин Мишель Шальхуб стал мусульманином, чтобы жениться на египетской киноактрисе. Ныне мы его знаем как известного голливудского киноактера Омара Шарифа.

Известны случаи перехода в ислам христианских священнослужителей. Так российский журналист и православный священник Вячеслав Полосин становится мусульманским священнослужителем Али Вячеславом.

Среди участников экстремистской организации ИГИЛ довольно много выходцев из стран Европы и Америки, принявших ислам. Причем это не дети мигрантов-мусульман, а коренные европейцы и американцы. Учитывая, что у жителей западных стран невысокий уровень конфессиональной идентификации, то в этих случаях сложно говорить о перемене веры, скорее о ее обретении. Действия экстремистских организаций ИГИЛ и Бoko Харам, проводящих террористическую деятельность в отношении местных христиан, может привести к их переходу в ислам, особенно в Африке, где местное население сравнительно недавно стало исповедовать христианство.

Во многих случаях о переходе христиан в ислам приходится судить по косвенным признакам, особенно в период Средневековья. Так в средневековых источниках есть упоминания о многочисленных общинах несториан от Месопотамии до Китая. В данный момент во многих регионах эти общины отсутствуют. На территории российских республик Северного Кавказа при археологических раскопках находят остатки христианских храмов. Можно предполагать, что часть населения этого региона в свое время исповедовало христианство.

В современной России лица, принадлежащие к христианской социо-культурной традиции редко принимают ислам. Преимущественно это женщины, вышедшие замуж за верующих мусульман.

Полунин Сергей Викторович

полковник юстиции, начальник кафедры конституционного и административного права Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России (г. Новосибирск)

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Современная цивилизация направлена на ускоренное преобразование среды обитания человека. Для нее характерно формирование искусственного материального мира (техно сферы). Основной ценностью техногенного общества являются новизна, внутренним резервом развития которого выступает технологический прогресс. Наука порождена потребностями человека. Она, как социокультурный феномен, направлена на рост благосостояния и благополучия общества, способствует преумножению социальных

благ, укреплению могущества человека. Российская наука и ее научный потенциал сегодня рассматриваются Россией как национальное достояние, определяющее будущее нашей страны. «Наука - важнейший ресурс обновляющейся России» [1]. Усилия ученых и инженеров направлены на поиск и использование новых (альтернативных) источников энергии, на освоение космического пространства, на создание открытой информационной среды. Однако, техногенная цивилизация весьма агрессивна. Современный мир превратился в арену активной деятельности человека, который в этом мире занимает центральное место.

Сложно не согласиться со Степиным В.С., который полагает, что «деятельность человека обеспечивает ему господство над Природой, и условием этого господства являются объективные знания, которые должен получить человеческий разум, беспристрастно исследующий вещи» [5]. Для науки нет запретных тем. Научные исследования направлены на выявление общих законов и полученные результаты не могут быть оценены по ценностной шкале «хорошо – плохо». Первыми, кто столкнулся с подобными проблемами были физики-ядерщики. Риски и угрозы сегодня затрагивают области генетики, медицины, психологии, молекулярной биологии и прочих. Так, этические проблемы в медицине, возникшие в связи с появлением принципиально новых медицинских препаратов и технологий, расширяющих возможности воздействия на организм человека. Современные технологии биомедицины расширяют возможности вмешательства в естественные процессы зарождения, протекания и завершения человеческой жизни. Зачастую возникают ситуации, когда применение новейших достижений научно-технического прогресса, в долгосрочной перспективе, влечет непрогнозируемые последствия. Генная инженерия своими достижениями обеспечивает возможность вмешательства в генетический код человека и изменения его. Результаты такого вмешательства могут привести к неконтролируемым мутациям генетических качеств. Сегодня актуален вопрос о пределах манипуляции над человеческой психикой. Требуется осмысление последствий клонирования человеческого существа. Как чрезвычайно острые, требующие своего неотлагательного решения и реакции общества сегодня обозначились этические проблемы в области биоэтики. Стрессовые перегрузки, канцерогены, загрязнение среды обитания и другие «плоды» техногенного мира серьезно трансформируют человека и разрушают его здоровье, ухудшают генофонд [4].

Наука, долгое время позиционирующая себя, как реальное основание общественного прогресса, способствующее благосостоянию человечества, в то же время, привела к последствиям, являющимся угрозой самому его существованию [3, С. 112]. В этом противоречии состоит парадокс современной науки. Игнорирование указанного противоречия, пренебрежение духовными ценностями во имя материальных благ угнетающе воздействует на развитие личности. Этические проблемы обусловлены стремлением современной техники к водворению человека в условия техногенного пространства (далекие от нормального функционирования); формированию необходимости новых форм приспособления человека к окружающей действительности. Следует признать факт, что в расцвет человеческой цивилизации человечество ощутило проблему осознания своей беспомощности в контроле над всевозрастающей технической мощью современной цивилизации. Экспансия техногенного развития оказывается патогенным фактором для жизни человечества.

Реалии сегодняшнего дня актуализируют вопрос: наука «для человека» или «против него»? Коллизии XX века привели к необходимости глубокого осмысления роли и значимости этоса науки в процветании общества и в судьбе человечества. Этические проблемы современной науки не могут более оставаться на периферии научных исследований. Ценностная проблематика науки и научной деятельности приобретает особую значимость в условиях дегуманизации современной науки. Актуальность обусловлена расширением спектра направлений познания; переориентацией современного научного знания на изучение феномена человека; внедрением современных научных

открытий, требующих прогнозирования последствий результатов такой реализации и их социальной оценки. Мы разделяем точку зрения нашего великого соотечественника В. И. Вернадского, который в работе «О науке» подчеркивал, что «ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества» [2, С. 58].

Возвращаясь к ранее обозначенной мысли о том, что российская наука и ее научный потенциал являются одним из важнейших факторов определяющих будущее нашей страны, следует остановиться на проблеме взаимоотношений власти (государства) и науки. Исследуя проблему свободы научной мысли и научного изыскания, В. И. Вернадский высказывал мысль о том, что власть не может (явно или скрыто) ограничивать научную мысль, а должна всемерно способствовать ее плодотворному и беспрепятственному развитию. На наш взгляд, данная точка зрения, безусловно, оптимистична, но излишне идеализирована. «В сущности, — подчеркивал Вернадский, — научная мысль при правильном ходе государственной работы не должна сталкиваться с государственной силой, ибо она является главным, основным источником народного богатства, основой силы государства» [2, С. 58]. В настоящее время стратегия развития российской науки отдает приоритет тем исследованиям, которые являются жизненно-значимыми для самой перспективы существования мирового сообщества, для его устойчивого и безопасного развития [1]. На фоне обостряющихся противоречий развития техногенной цивилизации, новыми тенденциями в развитии мирового сообщества стали расширение сотрудничества и кооперации государства в решении глобальных проблем, связанных с сохранением среды обитания, обеспечение достойного духовного и физического уровня жизни людей, поддержание здоровья человека.

Таким образом, этическое регулирование науки и проявление высокого уровня этической культуры сегодня должны оцениваться как жизненная необходимость и выступать важной предпосылкой развития науки.

Список литературы

1. О доктрине развития российской науки: Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 // Рос. газ. 1996. – 20 июня.
2. Кохановский В. П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. – 576 с.
3. Курочкина Л.Я. Особенности современной науки: учеб. пособие / Л.Я. Курочкина – Воронеж: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2012. – 143 с.
4. Расширение этоса науки. Этические проблемы современной науки / Философия науки. – URL: <http://filnauk.ru/index.php> (дата обращения 15.10.2015).
5. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопр. философии. – 1989. – №10. – С. 3–18.

Бахмацкая Галина Владимировна
доцент Новосибирского государственного аграрного
университета (г. Новосибирск)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

События последних 20 лет существенно изменили облик российского общества, пережившего глобальную по своим масштабам трансформацию. Произошло качественное изменение социально-экономического и политического пространства, началось формирование новых элит, политических институтов, изменилась социальная структура общества. Это сложные для государства и тяжелые для российского общества процессы и все же наше общество выдержало эти испытания.

Сегодня перед страной новые вызовы внешние и внутренние. Объективно это требует институциональной модернизации и вызывает интерес к власти, демократии и гражданскому обществу. Безусловно, чтобы идти путем прогресса обществу нужно сильное правовое, демократическое государство, но не только, надо отметить и особую роль гражданского общества.

Гражданское общество представляет собой сферу частных лиц в отношениях друг с другом и выступает в виде социального, экономического и культурного пространства в котором взаимодействуют индивиды и реализуют различные интересы и влияют на государство. В развитых странах демократические государства выступали инициаторами и гарантами поступательного процесса формирования гражданского общества создавая условия для самореализации индивидов и социальных групп. Что касается нашей страны, то надо отметить реформы 80-х годов XX в. создавали предпосылки для гражданского общества. Процесс формирования гражданского – это длительный процесс, его нельзя ускорить, но государство может создавать условия для становления зрелого гражданина с развитым политическим и правовым сознанием, с повышением роли граждан во всех сферах общественной жизни. Достоин внимания точка зрения П.И. Новгородцева, который считал, что государство – это социальный институт, призванный не просто обеспечивать существование личностей и общества, но и создавать такие условия, в которых это существование будет иметь достойный характер. Для российского общества весьма характерна проблема достойного существования большинства населения, т.к. меньшинство (элиты) всегда живут достойно.

На Западе гражданское общество формировалось на протяжении веков, что позволяло корректировать негативные явления этого процесса. В США потребовалось более 100 лет, чтобы общество «обработанное» культурой, устранило мафиозные структуры в экономике.

В России не были созданы прочные основы гражданского общества, она как раз показала иной вариант социального развития. Основой дореволюционного российского общества была жесткая властная иерархия с авторитарным политическим режимом, ограничивающая развитие индивидуальной частной собственности на землю, ресурсы и средства производства. Правящий слой обладал монополией на власть и был собственником почти всех средств производства в стране. Он управлял бесправным полунимом и нищим большинством населения. В обществе было 2 полюса и это обрекало общество на постоянные конфликты. В крестьянской стране среднего класса почти не было, а именно он мог бы выступать стабилизирующим фактором в российском обществе.

Октябрьская революция 1917 г. не затронула принципов организации общества, т.к. вместо сословной структуры была введена статусная. Правящий класс составила партноменклатура, ставшая одновременно собственником средств производства, а остальное население стало государственно зависимыми работниками. В силу

неразвитости гражданского общества государство оставалось единственной силой способной решать социальные проблемы.

В 90-е годы XX века в России начался процесс формирования гражданского общества, появилась осознанная потребность в свободе, равноправии, личностном развитии, общественной значимости своих интересов. Конституция РФ (1993 г) закрепила основные права и свободы граждан, в стране возникла многопартийная система, новый парламент, независимые СМИ, профсоюзы, общественные организации, наблюдался подъем в общественном движении. По сравнению с 90-годами сегодня идет некоторый спад в общественной активности граждан, хотя есть гражданские протесты – против монетизации социальных льгот (2005 г.) , против реформ ЖКХ, роста цен на горючее. На некоторые протесты государственная власть реагирует так созданы Общественные палаты в центре и на местах. Современное российское общество опять расколото на 2 полюса – богатых и бедных (по последним данным у нас 20 млн. бедных), на центр и регионы, элиту и народ. К тому же в российском обществе отсутствуют объединяющие ценности – доверие, солидарность, согласие по базовым ценностям общества, уважение к личности и достоинству человека при этом немногочисленный средний класс и ещё очень важный факт – мощная бюрократия с сопутствующими ей отношениями – клиентизма и коррупции. Невысокий уровень доверия к власти показали выборы 14 сентября 2014 в некоторых регионах России. Средняя явка в 30 субъектах РФ по данным ЦИК – 46 %, но вот в отдельных регионах – Новосибирская и Волгоградская области – явка избирателей составила – 30%, Мурманской области и Красноярском крае – 31%, В Алтайском крае – 34%, в Кировской области – 36 %. По закону это допустимый процент явки избирателей, на выборы, но по сути это очень важный сигнал от граждан к власти по оценке её эффективности. Гражданское общество призвано не только утверждать индивидуальные интересы но и открывать способы достижения их баланса и в этом смысле оно есть процедура открытия коллективных интересов общества как единого социального организма. Возникает вопрос как раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, вовлечь их в общественно-политическую жизнь? Путь один – через эффективную государственную власть, правовое государство и реальную борьбу с коррупцией. Какие бы не были трудности в стране, но адаптация населения к новым условиям жизни идет. Самодеятельное население, судя по опросам, показывает высокий уровень жизненных притязаний и готовность к достижению, опираясь на собственные силы и возможности, формируется запрос на новое высокое качество жизни. Но у большей части россиян сегодня совсем другие приоритеты – это поддержание более или менее достойного уровня жизни, профессиональная реализация. Специфика российского капитализма – элитарность, специфика российской демократии – неразвитость. Это подтверждается и оценками экспертов полагающих, что «сложившаяся в России социально-экономическая система в состоянии обеспечить современный уровень жизни примерно 25% населения страны, при этом 75% граждан России в условиях господства этой системы не имеют даже в перспективе шансов на современный уровень доходов, а также качественного образования и медицинского обслуживания. Отсюда у людей стремление жить – одним днём. И все же в городах формируется база для протестных настроений, появилась частная жизнь, граждане получили свободу выбора между участием и неучастием: выборы представителей власти, движение защитников «химкинского леса», экологические организации, многочисленные субкультуры (особенно молодежные) религиозные организации... Радикальные организации хоть и немногочисленны, но они есть (скинхеды, молодежь этнических диаспор, спортивные фанаты, незаконные вооруженные формирования) и они агрегируют нарастающую агрессию в обществе, что крайне опасно. В этих условиях задача развития гражданского общества становится необходимостью, поскольку оно представляет ценность как самонастраивающаяся система. Устойчивое развитие социальной системы обеспечивается тогда, когда все наличные в нем макроструктуры – власть, бизнес и собственно общество

взаимодействуют между собой на основе правовых и этических правил и равнообязательны для всех. Именно такой тип отношений древние мыслители называли гражданскими, а людей их соблюдавших гражданами. В основе гражданского общества лежат гражданские отношения, которые возникают при определенных условиях: наличие общей цели, совместная деятельность, добровольность, равенство прав участников. Как пример этого в России можно привести – Благотворительные фонды, фонд «Подари жизнь», волонтерское движение, организации обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид, общество защиты прав потребителей, органы общественного самоуправления, национальные землячества (общины), союзы предпринимателей, ассоциации фермеров, гильдии актеров кино и театра.

Гражданские отношения выступают как источник социальной интеграции, порождают общественные блага и это требует от государства определенной поддержки, в частности в укреплении гражданских прав и свобод и их защите. В нашем обществе сложился институт обращений по инстанциям, действуют общественные палаты, с 2001 г. проводятся Гражданские форумы, где организуются общенациональные дискуссии, круглые столы, переговорные площадки общественных лидеров с представителями власти.

В современной России есть условие для развития гражданского общества:

- рыночная экономика и плюрализм форм собственности;
- строительство правового государства;
- наличие хоть и немногочисленного среднего класса;
- гласность и информированность граждан, свободные СМИ;
- функционирование общественных организаций и движений.

Развитое гражданское общество способно влиять на государство через гражданские инициативы и вполне возможно в отдаленной перспективе оно может стать в России полноправным участником государственного управления, содействовать защите не только групповых, но и общих интересов и содействовать интеграции общества.

Список литературы

1. Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла. // Социол. исследования. – 2012. – №2.
2. Гаджиев К.С. Политология. – М.: Юрайт, 2013.
3. Гуськов Ю.В. Гражданское общество в России: теория и реальность // Социально-гуман. знания. – 2005. – №3
4. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социол. исследования. – 2012. – №2.
5. Клеман К. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России / к. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов. – М.: Три квадрата, 2010.
6. Мухаев Р.Т. Политология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
7. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социол. исследования. – 2012. – №1.

Прошин Владимир Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета, Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирского государственного аграрного университета, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Новосибирск)

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Принуждение является одной из характерных черт (но не доминирующей) механизма ответственности в международном праве. Следует отметить, что и в механизме действия внутригосударственного права принуждению не принадлежит главная роль. В основном право соблюдается добровольно в силу убежденности в его необходимости и целесообразности. Важным условием обеспечения нормального существования мирового сообщества на современном этапе является неукоснительное соблюдение норм и общепризнанных принципов международного права. В связи с этим возрастает роль международного сотрудничества в построении и обеспечении многополярного мира, и наоборот, снижается роль прямого принуждения, усиливается значение мер, принимаемых международными организациями.

Основной универсальный метод воздействия на правонарушителя состоит в лишении его возможности пользоваться правами и преимуществами, вытекающими из нарушенной системы правоотношений, например, из международного договора или устава международной организации. Так, в Консультативном заключении Международного суда ООН о Юго-Западной Африке зафиксировано: «Одним из основных принципов, регулирующих международные отношения, является тот, согласно которому сторона, отказывающаяся от своих обязательств или не выполняющая их, не может признаваться как сохраняющая права, которые, по ее мнению, вытекают из этих правоотношений» [1].

Принуждение должно быть правомерным как по основаниям, так и по методам и объему. Правомерность определяется в первую очередь основными целями и принципами международного права.

В прошлом меры принуждения носили различные наименования: «самопомощь», «ответная реакция», «репрессалии», «реторсии». Термин «самопомощь» отпал как несоответствующий юридическому характеру международного права, а термин «репрессалии» стал применяться в узком значении для обозначения военных репрессалий в условиях вооруженного конфликта. Термин «реторсии» сохранил свое значение как не выходящие за рамки международного права меры воздействия одного государства на другое, преследующие цель побудить последнее прекратить недружелюбные, дискриминационные, но тем не менее правомерные действия. Чаще всего реторсии применяются государством в случае дискриминации его граждан, при неоправданных ограничениях экономических, культурных отношений. Возможность применения реторсий в таких случаях нередко предусматривается и внутренним законодательством. Так, Гражданский Кодекс Российской Федерации содержит специальную статью «Реторсии» (ст. 1194). В соответствии с ней, Правительством РФ «могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются

специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц» [2].

Обычно реторсии представляют собой меры тождественные или аналогичные тем, против которых они направлены. Реторсии применяются в случае нарушения политических норм, норм морали, вежливости. Вместе с тем, они могут использоваться и как средство побуждения государства к соблюдению международных обязательств. В отличие от контрмер, применимых лишь в случае правонарушения, реторсии могут быть использованы в качестве превентивного средства при наличии угрозы международного правонарушения.

Контрмеры представляют собой действия, которые потерпевшее государство вправе применить к государству, ответственному за международно-противоправное деяние, в целях побудить его выполнить возлагаемые на него правоотношения ответственности. Несмотря на то, что контрмеры являются мерами принуждения государства-правонарушителя, они не носят карательного характера и являются инструментом имплементации ответственности.

Современная международная практика, включая судебную, признает контрмеры как средство имплементации правоотношений ответственности государствами. В решении международного арбитража по спору между Францией и США (1976 г.), касавшемся нарушения соглашения о воздушном сообщении, отмечено: «Если возникает ситуация, которая, по мнению одного государства, представляет нарушение международного обязательства другим государством, то первое государство вправе в пределах, установленных общими нормами международного права относительно применения вооруженной силы, отстаивать свои права при помощи контрмер»[3]. При этом арбитраж подчеркнул, что применение контрмер должно отвечать определенным условиям.

Однако контрмеры часто сопровождаются значительными злоупотреблениями из-за неравных возможностей их применения различными государствами. Именно поэтому международное право основное внимание уделяет определению условий и ограничений, которые бы свели к минимуму возможности таких злоупотреблений. Решение о принятии контрмер принимается государством на собственный риск, и поэтому возможна ситуация, когда это решение окажется недостаточно обоснованным. В таком случае наступает ответственность государства за неправомерное принятие контрмер. Контрмеры должны быть направлены только против несущего ответственность государства и только тогда, когда последнее не выполняет своих обязанностей из правоотношений ответственности. Тем не менее, в силу взаимосвязанности государств контрмеры косвенным образом могут затронуть и третьи государства. Например, ограничение импорта из государства-правонарушителя может затронуть интересы третьего государства, компании которого участвуют в производстве предметов этого импорта. Однако третьим государствам право использования контрмер прямо не предоставлено, однако существует возможность применения ими «правомерных мер» с целью принуждения к ответственности государства-правонарушителя.

Международное право определило ряд обязательств, нарушение которых не может вызвать применение контрмер. К ним относятся обязательства, вытекающие из императивных норм. В первую очередь это относится к принципу неприменения силы, который запрещает применение силы или угрозу силой во всех случаях, связанных с применением контрмер. Исключение составляет лишь случай самообороны. В Декларации о принципах международного права 1970 г. записано: «Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы» [4]. Неприменимы контрмеры и в случае нарушения обязательств о защите основных прав человека, а также обязательства гуманитарного характера, запрещающего военные репрессалии. Положения, запрещающие нарушения таких прав даже в условиях военного и чрезвычайного положения, закреплены в договорах о правах человека и о гуманитарном праве [5].

Принимающее контрмеры государство не освобождается от выполнения обязательств относительно мирного урегулирования спора, а также дипломатического иммунитета. В решении по делу о дипломатическом и консульском персонале в Тегеране Международный суд ООН определил: «В любом случае любое предполагаемое нарушение договора той или другой стороной не может воспрепятствовать этой стороне ссылаться на положения Договора, касающиеся мирного урегулирования споров»[6]. Положение о дипломатическом иммунитете имеет целью гарантировать физическую неприкосновенность дипломатов и помещений. Оно не означает недопустимости таких мер как объявление представителя нежелательным лицом, прекращение или приостановление дипломатических отношений и т.п.

Контрмеры должны быть пропорциональными, то есть соразмерными причиненному ущербу с учетом тяжести противоправного деяния и значения затронутых прав. Пропорциональность имеет первостепенное значение для определения правомерности контрмер. Непропорциональные контрмеры влекут за собой ответственность применившего их государства. Эти положения важны для ограничения возможностей злоупотребления контрмерами. Так, в решении по делу «Габчиково-Надьмарош» Международный Суд ООН отметил, что «последствия контрмер должны быть соизмеримы с причиненным вредом, с учетом соответствующих прав», а также признал, что «отвод вод Дуная, совершенного Чехословакией, не является законной контрмерой, поскольку он не был соразмерным» [7].

Контрмеры не могут применяться, если противоправное деяние прекращено или спор передан на рассмотрение суда или арбитража. Они должны быть прекращены, как только несущее ответственность государство выполнит свои обязательства, вытекающие из правоотношения ответственности.

Принудительные меры, предпринимаемые международной организацией к правонарушителю в целях побуждения его к выполнению обязательств, получили наименование «санкции». Вместе с тем, в прошлом понятием «санкции» охватывались все меры принуждения в отношении правонарушителя. Общеизвестны печальные последствия одностороннего применения «санкций» крупными державами, не останавливавшихся перед применением силы. Известный юрист-международник И.И. Лукашук справедливо утверждал, что в результате злоупотреблений применением силы под предлогом санкций государствами, в частности США, «был нанесен существенный урон мировому правопорядку. Такая практика оказалась не очень эффективной и с точки зрения американских интересов» [8]. По этому поводу высказывался и американский профессор Б. Ференц: «одностороннее применение силы для достижения национальных целей доказало свою разрушительную силу и тщетность» [9].

На сегодняшний день, как заключила Комиссия международного права ООН, термин «санкция» используется для обозначения мер, принимаемых международными организациями. Так, выступая в Совете Безопасности ООН 7 сентября 2000 г. В.В. Путин особо отметил, что «только Совет Безопасности вправе давать санкцию на такую крайнюю меру, как применение силы в кризисной ситуации. Делает это он от имени и в интересах всего международного сообщества»[10].

ООН вправе применить такие санкции, как перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, почтовых, телеграфных, радио и других средств сообщения, разрыв дипломатических отношений, а также военные меры (ст.ст. 41, 42 Устава ООН). Все эти меры могут быть обязательными для применения государствами по решению Совета Безопасности в случае угрозы миру или акта агрессии.

Список литературы

1. ICJ. Reports, 1971. P. 46.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Последняя редакция // Сайт. – URL: <http://ozpp.ru/zknd/grazh3/> (дата обращения: 12.10.15).

3. UN Reports of International Arbitral Awards. Vol. XVIII. P. 443.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. – Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 65-73.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. Ст. 4.; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. Ст. 15.; Гаагская конвенция. «О режиме военнопленных» 1929 г., Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными» 1949 г. // Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2002. – С. 117-134, 170-187, 675, 724-745.
6. ICJ. Reports, 1980. P. 28.
7. Gabchkovo-Nagymaros project (Hungary v. Slovakia), International Court of Justice, Judgment of 25 September 1997 // Сайт- URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7375.pdf>. P. 56/ (дата обращения: 20.06.12).
8. Лукашук, И. И. Вопросы ответственности в праве договоров/ И. И. Лукашук. // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 1. – С. 38.
9. Ferencz, B. Enforcing International Law. Vol. I. London, 1983. – P. XVIII.
10. Выступление В.В. Путина на заседании Совета Безопасности ООН 7 сентября 2000 г. //Дипломатический вестник. – 2000. – № 10. – С. 13.

Дяденко Михаил Юрьевич

старший преподаватель Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ И НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Структурно-функциональной основой правового регулирования образовательных отношений является Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации». Основные нормы и положения данного закона вступили в юридическую силу два года назад. Прошедшего срока еще недостаточно для анализа сложившегося механизма правового регулирования, но уже возможно определить тенденцию целенаправленного воздействия на образовательные отношения юридическими средствами и методами в рамках неолиберальной модели.

Термин «неолиберальная модель» правового регулирования используется в качестве противопоставления «либеральной модели», основанной на формальном равенстве субъектов, свободе и справедливости.

Признаки «неолиберальной модели» правового регулирования образовательных отношений:

1. Нарушение фундаментального принципа формального равенства субъектов образовательных отношений. Ст. 24 ФЗ-273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает привилегии двум классическим университетам РФ (МГУ и СПбГУ). На основании ст. 99 данного закона, Правительство РФ выстраивает систему финансового обеспечения в зависимости от привилегированного положения образовательных учреждений в системе рейтингования.

2. Финансовая ответственность государства как учредителя образовательных учреждений и ответственность государства как основного субъекта публично-правовых услуг в сфере образования законодательно не определена.

3. Предоставление образовательным учреждениям хозяйственных свобод ограничивается возрастанием административного контроля. Затраты на обеспечение государственной регламентации образовательной составляют немалую долю расходных средств, выделяемых на регулирование образовательных отношений, и имеют тенденцию к увеличению.

4. Отчуждение образовательной услуги от педагогического работника. Образовательную услугу оказывает не учитель, а образовательная организация. Труд педагогического работника несвободен, а оплата его труда несправедлива.

5. Принцип «недопустимости ограничения или устранения конкуренции в сфере образования» (п.11 ст. 3) в сочетании с порядком финансового обеспечения выполнения государственного (муниципального) задания в объеме выделяемых средств, ограниченном бюджетными возможностями субъектов РФ и муниципальных образований, устанавливает такой механизм реорганизации образовательных учреждений, который приводит к ликвидации количества образовательных организаций и создает условия для ограничения реализации конституционного права на образование.

В статьях 1, 2, 7, 16, 17, 18 и 43 Конституции Российской Федерации закреплены положения о правилах по установлению всех остальных правил по созданию условий для реализации права на образования в рамках социального и правового государства. Государство берет на себя обязанности не только по созданию условий, но и по обеспечению реализации каждого права на образование на территории Российской Федерации.

Противоречия действующего образовательного законодательства с конституционно-правовыми гарантиями «правового и социального» государства.

1. Конституция РФ в ст. 43 устанавливает административные правила организации механизма правового регулирования, в котором субъектом образовательных отношений является «образовательное учреждение», а не «образовательная организация».

2. Конституция РФ (ст. 43) гарантирует возможность получения высшего образования в муниципальном образовательном учреждении, а по закону (ч.3 ст. 9 ФЗ-273) город не может осуществлять функции учредителя образовательных организаций высшего образования с 1 января 2009 г.

3. Социальные гарантии субъектов образовательных отношений поставлены в прямую зависимость от возможностей бюджетов субъектов РФ.

4. Специальные (коррекционные) школы для обучающихся воспитанников с отклонениями в развитии не зафиксированы как тип образовательных учреждений (противоречие с п. 2 ст. 2 «Модельного закона об образовании» СНГ 1999 г. и ч. 4 ст. 15 конституции РФ).

5. Действующая система оплаты труда педагогических работников противоречит с конституцией и ТК РФ. Гарантированная часть заработной платы не учитывает такие параметры, как интенсивность, объем и качество педагогического труда.

6. Отсутствует механизм правовой защиты прав и свобод педагогического работника по ч. 2 ст. 55 Конституции РФ (оспаривая незаконность упразднения нормы ст. 54 Закона РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10.07.1992 г.

Неолиберальная модель в качестве модели правового регулирования образовательных отношений создает условия для возникновения трудностей и проблем при реализации конституционного права на образование. Это не издержки реализации самой модели, а внутренне присущие этой модели недостатки.

Безрядин Дмитрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

доцент Новосибирского государственного аграрного
университета (г. Новосибирск)

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В последнее время обострились проблемы, связанные с пониманием правового государства в связи с концепцией гражданского общества в контексте национальной идеи России во всемирно-историческом аспекте. Эти проблемы обозначаются в плане разработки концепции построения правового и социального государства, а также выработки идеи формирования свободных граждан и свободных собственников, настоящих экономических и правовых отношений, независимо от политической обстановки в стране. Президент России Владимир Путин участвуя в пленарном заседании Общественной палаты РФ, которое стало центральным событием форума «Государство и гражданское общество» обратил внимание на это [1].

Однако, что такое правовое государство и гражданское общество, а тем более их соотношение, не каждый человек может объяснить. Поэтому рассмотрение данных понятий, по-прежнему, привлекает внимание.

Характеризуя соотношение государства и общества, следует отметить, что в историческом плане с появлением государства общество как бы раскалывается на две части – на государство и остальную, негосударственную, часть, которую, по мнению некоторых ученых, как раз и следует называть гражданским обществом. Когда в обществе четко выделяются, с одной стороны, государство, а с другой – гражданское общество, то вопрос о соотношении государства и общества, по существу, превращается в проблему соотношения гражданского общества и его политической власти. Поэтому необходимо более подробно остановиться на понятии и сущности гражданского общества.

1. Гражданское общество и общество вообще – это не одно и то же. Общество составляет вся общность людей, включая и государство со всеми его атрибутами. Гражданское же общество – часть общества, за исключением государства как организации его политической власти.

Это утверждение противоречит взглядам некоторых ученых. Например, в пособии «Гражданское общество, государство и право» отмечено, что «...общество, отличное от государства, существовало всегда, но не всегда оно было «гражданским обществом». Последнее возникает лишь в процессе отделения государства и социальных структур, обособления его как относительно самостоятельной сферы общественной жизни и одновременно «разгосударствления» ряда общественных отношений» [2]. Далее следует, что «...категория гражданское общество, отличная от понятия государства, семьи, племени, нации, религиозной и других общностей стала предметом изучения в новое время и первоначально разработана в философии права Гегеля» [3]. С этими убеждениями можно поспорить.

Во-первых, если общество, отличное от государства, существовало всегда, но не всегда было гражданским, то, как же все-таки оно называлось? Какое еще общество, отличное от государства, может существовать в государствообразующем обществе? Думается, что это общество может быть, по существу, только гражданским, хотя, возможно, оно не всегда так называлось. Гражданское общество – это государствообразующее общество. Как та часть общества, которая занималась его воспроизводством, созданием материальной основы жизни, оно существовало всегда и выделялось по отношению к государству, которое в отличие от него специализировалось на управленческой сфере.

Во-вторых, в связи с этим нельзя признать правильным утверждение о том, что гражданское общество появилось лишь в новое время и теоретические истоки его относятся к произведениям Гегеля. Хотя Гегель, действительно, гражданское общество представлял, как объединение частных лиц, но он не говорил, что его раньше не было. Между тем довольно развитое гражданское общество наблюдалось еще в Древней Греции – в государствах-полисах. В Древнем Риме сильное развитие получили торговля, ремесло, а отсюда и гражданское право, как юридическая основа функционирования гражданского общества. Достаточно вспомнить выражение: «Закон есть то, что народ римский одобрил и постановил», чтобы убедиться в силе гражданского общества в древнеримском государстве. По существу, на идее гражданского общества построена теория общественного договора происхождения государства. Конечно, в прошлом в их соотношении были периоды, когда государство полностью преобладало в организации общественной жизни, и дееспособность гражданского общества сводилась к нулю.

2. Гражданское общество возникает и оформляется позже общества как такового, но оно появляется непременно с появлением государства, функционирует во взаимодействии с ним. Нет государства – нет и гражданского общества. Это утверждение справедливо и с точностью до наоборот: без гражданского общества нет и государства. Гражданское общество выступает учредителем государства как организации политической власти общества. Только в связке «учредитель» и учреждаемая «политическая власть» приобретает значение проблема соотношения гражданского общества и государства.

3. Несмотря на то, что понятие «гражданское общество» соотносится с понятием «государство», оно остается естественным продолжением общества, условием его жизнедеятельности, включая и государство. Это понятие необходимо для того, чтобы различать и показывать ту часть всего общества, которая формирует государство для обслуживания интересов общества.

4. Гражданское общество и государство объективно «обречены» на постоянное взаимодействие. В их взаимоотношениях при правильном общественном и государственном устройстве (т. е. при светском, цивилизованном, демократическом правовом обществе и государстве) преимущество принадлежит гражданскому обществу. Оно формирует государство для реализации своих интересов, определяет направления его деятельности, контролирует деятельность его органов.

5. Гражданское общество эффективно функционирует лишь тогда, когда в деятельности государственной власти общечеловеческие ценности и интересы общества находятся на первом плане. Если государство отступает от интересов гражданского общества, то оно деградирует, теряет свое естественноисторическое, социальное назначение. Такое государство исторически обречено, и рано или поздно гражданское общество должно сформировать контролируемое им государство.

Следовательно, гражданское общество – это форма жизни и деятельности свободных, равноправных, творчески активных людей, создающих для управления общими делами организацию политической власти (государство). Гражданское общество идет на смену не только кровно-племенной организации людей, но и соборности, общинности и т.д. Гражданское общество – это общество «незнакомых» людей, имеющих свои интересы и желающих их удовлетворить, в том числе и возможностями деятельности государства.

В соотношении гражданского общества и государства примат, как уже говорилось, принадлежит первому. Однако всегда необходимо иметь в виду активную роль государства по отношению к обществу (гражданскому обществу). Хотя государство им формируется и контролируется, но по большому счету для управления общественным развитием. Оно управляет обществом, но эта функция передается ему самим обществом и им же контролируется. Здесь можно провести аналогию с акционерным обществом, которое само учреждает органы своего управления.

Таким образом, гражданское общество – это дееспособная система политических, экономических, социальных и иных отношений, складывающихся в процессе самоорганизации жизнедеятельности общества, включая отношения по формированию государства. Именно для оптимального управления делами гражданского общества, организации защиты прав и свобод его членов учреждается государство – политическая власть этого общества. Реализует эти задачи государство, выполняя свои *функции*, т. е. то, ради чего оно создается, возникает.

Всё больше наших граждан стремятся быть сопричастными общественным инициативам. Такой активный рост гражданского самосознания важно и его нужно поддерживать [4].

Список литературы

1. См. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47480> (дата обращения: 18.10.2015).
2. Лейст О. Э. Гражданское общество, государство и право. – М., 1994.
3. Там же. – С. 6.
4. См. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50411> (дата обращения: 18.10.2015).

Цыренжапов Чингис Дымбрылович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин ТСХИ – филиала Новосибирского государственного аграрного университета (г. Томск)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Управление многоквартирными жилыми домами представляет собой сравнительно новую сферу общественных отношений в жилищно-коммунальном хозяйстве России.

Социальная значимость данной сферы отношений выражается в том, что сегодня техническое состояние жилищного фонда всей страны во многом определяется качеством настройки управленческих механизмов и процедур как на уровне публичной власти так и на уровне конкретного многоквартирного дома. И это качество создается совершенством системы государственного регулирования управления многоквартирными домами, развитием предпринимательских подходов в предоставлении жилищно-коммунальных услуг, наконец, самими собственниками жилья в многоквартирных домах, их активностью, способностью к взаимодействию и объединению усилий.

Жилищный кодекс России сформировал устойчивую нормативно-правовую среду для развития новых управленческих инструментов в жилищной сфере. Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме, управляющая организация, товарищество собственников жилья, договор управления многоквартирным домом – эти и другие юридические конструкции в настоящий момент бесповоротно и окончательно вошли в практику организации жилищного хозяйства в нашей стране.

Однако стало общеизвестным, что управление многоквартирными домами как массив разноплановых общественных отношений с момента своего появления вызывает много споров и дискуссий, т.к. на практике реализация указанных юридических конструкций идет очень болезненно, вызывая справедливое недовольство со стороны населения на имеющееся качество услуг отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Президент РФ 31 мая 2013 года на заседании Государственного совета РФ по теме «О мерах по повышению качества предоставления жилищно-коммунальных услуг» указал на

то, что людей очень часто не устраивает низкое качество жилищно-коммунальных услуг, недобросовестное управление и постоянный рост соответствующих тарифов.

Российское государство в такой ситуации было вынуждено искать новые пути регулирования рынка жилищно-коммунальных услуг. И лицензирование деятельности управляющих организаций было обозначено в качестве одного из таких путей.

Правовой формой внедрения лицензирования деятельности управляющих организаций стал ФЗ от 21.07.2014 № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [1]. Этим законом в Жилищный кодекс России был введен целый раздел с наименованием «Лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами». Как результат в тексте основного жилищного закона страны, в ч. 1 ст. 192, установлено, что деятельность по управлению многоквартирными домами осуществляется управляющими организациями на основании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, выданной органом государственного жилищного надзора на основании решения лицензионной комиссии субъекта РФ.

Внедрение лицензирования управления многоквартирными домами в настоящее время идет в режиме бурного обсуждения всех аспектов этого процесса, в т.ч. «главного» вопроса - о целесообразности и эффективности лицензирования. Обсуждение продолжается даже несмотря на тот факт, что внесены соответствующие изменения в Жилищный кодекс РФ, приняты Правительством РФ и Минстроем России в развитии этих изменений необходимые подзаконные акты, да и сам процесс лицензирования завершил «активную» фазу.

В нашем представлении, отрицательные стороны лицензирования управляющих организаций лежат на поверхности. Конечно, к ним относятся ограничение конкуренции между управляющими организациями, сомнительность такого административного регулирования частного жилищного бизнеса, а также высокая вероятность роста коррупционного поведения в сфере управления многоквартирными домами.

Между тем думается, что лицензирование управляющих компаний (если этот механизм правильно применить) будет иметь в среднесрочной перспективе ряд положительных моментов для дальнейшего совершенствования жилищно-коммунальной отрасли. В первую очередь постепенно будет наблюдаться повышение уровня общей дисциплины на рынке жилищных услуг, что может повлечь за собой развитие культуры ведения жилищного бизнеса в РФ. Обязательно пройдет укрупнение и перераспределение «активов» среди управляющих организаций как субъектов предпринимательской деятельности. «Слабые» управляющие организации постепенно будут вынуждены уйти с рынка, их место займут субъекты, более подготовленные и профессиональные. Это в свое очередь означает рост профессионализма деятельности по управлению многоквартирными домами. Наиболее ответственные сотрудники управляющих организаций придут к пониманию необходимости постоянно повышать уровень профессиональных знаний и навыков. И, без сомнения, увеличится степень открытости управляющих компаний.

Управление многоквартирными домами как предпринимательская деятельность имеет большое значение. Масштаб и социальная значимость этой деятельности не требует доказательств. До внедрения лицензирования в жилищно-коммунальном хозяйстве работало около 16 000 управляющих компаний, которые обслуживали 2,4 млн. многоквартирных домов. В настоящее время лицензии получили около 14 000 управляющих компаний.

Все управляющие организации сегодня должны соответствовать лицензионным требованиям, установленным основным жилищным законом. На наш взгляд,

достаточность лицензионных требований к предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами уже вызывает вопросы.

Статьей 193 Жилищного кодекса РФ закреплены по существу следующие требования к соискателю лицензии: соискатель лицензии должен быть надлежащим образом зарегистрирован в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя на территории Российской Федерации; должностное лицо соискателя лицензии должно обладать квалификационным аттестатом; у должностного лица соискателя лицензии не должно быть неснятой или непогашенной судимости; единоличный исполнитель органа лицензиата должен отсутствовать в реестре дисквалифицированных лиц; лицензиат должен соблюсти требования к раскрытию информации.

Даже предварительная оценка лицензионных требований показывает, что лицензирование управляющих организаций носит «формальный» характер и не нацелено пока на тщательный отбор профессиональных участников рынка. Вместе с тем полагаем, что управление многоквартирными домами как профессиональная деятельность все же обусловлена наличием специфической материальной основы и особого кадрового наполнения. В этой связи проблемой можно считать отсутствие лицензионных требований, имеющих прямое отношение к технической, технологической и кадровой оснащенности управляющих организаций.

В сегодняшней же ситуации прозрачность в работе управляющих организаций остается основным и действенным требованием при их лицензировании. Управляющие организации должны размещать сведения о себе в телекоммуникационной сети «Интернет» и другим способом. В выдаче лицензии в целом по стране отказывали преимущественно по причине именно нарушения лицензионного требования о раскрытии информации. Как следствие «первичный» отбор управляющих организаций произошел по данному основанию.

Стоит помнить, что управляющая организация это бизнес, нацеленный на извлечение прибыли. В лучшем виде это цивилизованный, честный и социально ответственный бизнес, необходимый обществу и государству [2]. В своем же худшем проявлении этот бизнес будет стремиться к максимизации прибыли в ущерб интересам и общества и государства. Вряд ли можно рассчитывать на серьезное улучшение качества жилищно-коммунальных услуг без наличия действенных административно-правовых механизмов, способствующих повышению уровня профессионализма управляющих организаций.

Прежде всего, целесообразно начать процесс совершенствования квалификационного экзамена, предусмотренного ст. 202 Жилищного кодекса РФ. В нынешнем состоянии квалификационный экзамен практически не решает проблемы повышения квалификации кадрового состава управляющих организаций. Связано это с тем, что резко ограничен круг должностных лиц, обязанных сдать квалификационный экзамен, а также с тем, что нет юридических гарантий соблюдения правил приема данного экзамена. Более того, сами правила приема квалификационного экзамена далеки от совершенства, т.к. делают экзамен скорее «легким», чем «сложным».

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение лицензирования управления многоквартирными домами нуждается в совершенствовании, в т.ч. за счет административно-правовых механизмов, т.к. существующие проблемы указывают на то, что имеющиеся лицензионные требования не способствуют в достаточной степени развитию этого вида предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений

- законодательных актов РФ [Электронный ресурс]: Федеральный закон Рос. Федерации от 21.07.2014 № 255-ФЗ // Гарант: информационно-правовой портал. – Электрон. дан. – М., 2015. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.04.2015);
2. Основы управления многоквартирными домами: учебное пособие /. Цыренжапов Ч.Д., Шенбергер Д.С., Елисеев Д.В. – Томск. – ТГАСУ, 2013. – 81 с.

Бочанова Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
Новосибирского военного института внутренних
войск имени генерала армии И.К.Яковлева МВД России,
Новосибирского государственного аграрного университета (г.
Новосибирск)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛ):
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СТАТУС**

В современном мире процессы интернационализации преступности, представляющей угрозу международной и национальной безопасности, объективно обуславливают необходимость расширения и углубления международного сотрудничества в правоохранительной сфере. В связи с этим все большее значение приобретает развитие институционального механизма межгосударственного взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью, в частности, сотрудничества в рамках Международной организации уголовной полиции (Интерпол), которая по своей уникальной структуре, правовой базе и техническому оснащению способна эффективно и рационально координировать деятельность правоохранительных органов разных стран в борьбе с общеуголовной преступностью, в том числе, с одним из наиболее опасных её видов – международным терроризмом.

Обсуждение вопроса о правовой природе Интерпола в отечественной юридической литературе до сих пор носит дискуссионный характер. Сомнения, которые время от времени высказывались относительно того, является ли Интерпол межправительственной организацией, проистекают из того факта, что, во-первых, Интерпол не был основан в результате торжественного заключения многостороннего, должным образом подписанного и ратифицированного соглашения. Учредительный документ Организации - «Уставные положения» 1923г. - принимался в рабочем порядке и не представлял собой международного договора. Во-вторых, становление современного правового статуса Интерпола происходило необычным для международно-правовой практики образом – длительно, поэтапно и одновременно двумя путями: путем заключения с правительством Франции соглашений о правовом положении штаб-квартиры Интерпола на территории этого государства, а также путем постепенного признания его правовой природы и статуса Организацией Объединённых Наций.

Первоначально 16 февраля 1949 г. ООН зарегистрировала Интерпол как неправительственную организацию. Однако 20 мая 1971 г. между ЭКОСОС и Интерполом было подписано Специальное соглашение о сотрудничестве, одобренное участниками 40-й сессии Генеральной Ассамблеи МОУП и закрепившее межправительственный статус Интерпола. Этот статус был официально подтвержден в 1996г. на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также в Соглашении о сотрудничестве ООН и МОУП, в соответствии с которым Интерпол стал наблюдателем при Организации Объединённых Наций.

На двустороннем уровне отношений между МОУП и Францией межправительственный статус Организации, соответствующие ему иммунитеты и

привилегии были официально признаны лишь в Соглашении 1982г. о правовом положении штаб – квартиры Интерпола [3,с.64-66].

В соответствии со ст. 2 ныне действующего Устава Международной организации уголовной полиции от 13 июня 1956г. [1] основные цели Интерпола:

1.Обеспечивать широкое взаимное сотрудничество всех органов уголовной полиции в пределах действующего в странах законодательства и в духе Декларации прав человека;

2.Создавать и развивать учреждения, которые могут способствовать успешному предупреждению и борьбе с общей уголовной преступностью.

Указанные цели определили и две сферы, в которых Интерпол прилагает свои усилия: назовем их условно – внешняя и внутренняя. Внешняя – содействие взаимным прямым контактам уголовной полиции разных стран, контактам, которые могут устанавливаться и поддерживаться вне Интерпола; внутренняя – создание различных технических служб, предназначенных всячески облегчать установление и поддержание прямых контактов стран и сотрудничество в целом.

Сотрудничество полиции в системе Интерпола развивается при соблюдении общих принципов международного права, специальных принципов, действующих в области борьбы с уголовной преступностью, а также специфических принципов, закрепленных в Уставе Организации, в частности, таких как отказ от участия в делах политического, военного, религиозного и расового характера (ст.3).

В основе разделения международных организаций на межправительственные и неправительственные лежит критерий членства. Устав 1956 г. не оставляет никаких сомнений по этому вопросу. Хотя в соответствии со ст. 4 членами Организации являются официальные полицейские органы, а не государства, этой же статьей определяется, что заявка на членство должна подаваться соответствующими правительственными органами. Кроме того, ст. 7 предусматривает, что каждая страна может иметь только одного главу делегации, который должен назначаться компетентным правительственным ведомством. Таким образом, в Интерполе представлены только административные органы центрального уровня. Поэтому Интерпол нельзя относить к категории неправительственных.

Вступление стран в Интерпол и последующее пребывание в нем влечет для них ряд обязательств, исполнение которых может быть обеспечено только принятием специального правительственного или ведомственного акта. Назовем лишь два таких обязательства: а) создание в каждой стране – члене Интерпола Национального центрального бюро (ст. 32); б) внесение членских взносов странами-членами из государственного бюджета. Все это также свидетельствует о межправительственном характере МОУП.

В отечественной международно-правовой науке получило право на существование новое понятие - международная межведомственная организация, под которыми принято подразумевать международные организации, сотрудничество в которых осуществляется на уровне министерств и ведомств на основе международных соглашений. Анализ положений Устава Интерпола позволяет сделать вывод о том, что эту организацию следует относить именно к упомянутой категории международных межведомственных организаций. Об этом свидетельствует и уровень представительства государств в системе Интерпола, и наличие у него правосубъектности. Сотрудничество стран в Интерполе ведется на ведомственном уровне и касается ограниченного круга вопросов, связанных с участием полицейских органов стран-членов в международных усилиях государств по борьбе с общеуголовной преступностью. Поручая или разрешая этим органам представительство в международной организации, государство делегирует им часть своих полномочий. Субъектом всех действий, предпринимаемых этими органами в международном плане, признается государство. Дискуссионным является и вопрос о специфике международной правосубъектности Интерпола. Международная организация владеет качеством правосубъектности, если этим качеством она была наделена

государствами. С Интерполом при его создании этого не случилось. Однако, во-первых, говорить о правосубъектности международной организации можно только, если она пользуется правами и обременена обязанностями в сфере международного права и не может выполнять свои задачи, если лишена правосубъектности. Во-вторых, в соответствии со ст. 41 Устава «во всех случаях, где это будет целесообразно, и с учетом целей и задач, поставленных в настоящем уставе, организация будет устанавливать отношения и сотрудничать с другими международными межправительственными и неправительственными организациями». Причем соглашения, регулирующие это сотрудничество, становятся действительными только после их утверждения Генеральной Ассамблеей МОУП. Положения этой статьи дают право сделать вывод о наличии у Интерпола собственной воли, о принципиальной возможности создавать для себя права и обязанности при установлении подобных отношений с другими международными организациями, признавать действительными вытекающие из них международно-правовые обязательства. Интерпол, таким образом, обладает международной правоспособностью, хотя последняя в его Уставе отражена недостаточно определенно.

В силу своего межправительственного статуса Интерпол не подчиняется (кроме как с собственного согласия) законам государств-членов и может пользоваться привилегиями и иммунитетами, которые необходимы Организации для деятельности ее самой и ее сотрудников (например, иммунитет от судебного преследования, неприкосновенность документации и помещений).

В мировой практике стало правилом, что почти все международные организации являются юридическим лицом по национальному праву страны – местопребывания, поскольку они имеют способность пользоваться собственным имуществом и распоряжаться им, а также выступать в суде. Соответственно, и Интерпол в международных отношениях гражданского характера выступает как особого рода юридическое лицо. Причем это качество у него, как и у других международных межправительственных организаций возникло только на основе международного права.

Для достижения уставных целей МОУП сотрудничает с рядом универсальных международных межправительственных и неправительственных организаций. В частности, в 1997г. Президент МОУП и Генеральный Секретарь ООН подписали соглашение, которое определило области взаимодействия этих организаций и условия обмена информацией, открыло путь для технического сотрудничества и совместных действий, обеспечило взаимное присутствие на мероприятиях, проводимых каждой из организаций.

Интерпол поддерживает контакты не только с главными, но и со вспомогательными органами ООН, с её специализированными учреждениями (ИКАО, ЮНЕСКО, ВОИС и др.). Он активно взаимодействует региональными организациями, в том числе, Советом Европы, Европейским Союзом в лице его центрального полицейского органа – Европола, и другими международными учреждениями [2, с.41-46].

Таким образом, анализ положений Устава Международной организации уголовной полиции и её практической деятельности позволяет сделать вывод о том, что эту организацию следует относить к категории универсальных международных межправительственных (межведомственных) организаций специальной компетенции. Об этом свидетельствует уровень представительства государств в системе Интерпола, сфера его деятельности и наличие у него международной правосубъектности, хотя последняя в его Уставе отражена недостаточно определенно и ограничена целями создания.

Интерпол не вмешивается в дела политического, военного, религиозного и расового характера. Целью создания Интерпола является обеспечение наиболее широкого сотрудничества между заинтересованными органами криминальной полиции в борьбе с уголовной преступностью международного характера.

1. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпола) от 3 июня 1956г. // Действующее международное право. В 3 т. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – Т.3. – С.99-108.
2. Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). – М.: ИНФРА-М, 2008. – 320с.
3. Родионов К.С. Интерпол и Европол // Государство и право. – 2009. – №6. – С.62-71.

Герасимов Юрий Евгеньевич

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ, ПАССАЖИРОВ И БАГАЖА

Вполне естественно, что процесс развития международных перевозок соответствует процессу развития правового регулирования международной торговли. Традиционно ученые выделяют три этапа в развитии правового регулирования этой группы общественных отношений. Основой такой периодизации являются три периода развития так называемого «торгового» права. Первый этап охватывает развитие международных транспортных отношений в период средневековья, второй связан с промышленной революцией в новое время, а начало третьего датируется второй половиной XIX века.

Генезис (возникновение) правового регулирования международных перевозок с участием русских купцов по праву следует отнести к периоду формирования древнерусского права. Дело в том, что Киевская Русь активно торговала с иностранными государствами. Для осуществления такого рода торговли было необходимо, прежде всего доставить грузы и купцов (гостей) из одной страны в другую, что требовало определённой правовой регламентации соответствующих отношений на двустороннем уровне. Первые нормативные предписания, касающиеся международных перевозок, содержатся уже в договоре между Русью и Византией 944 г. Первым пунктом этого договора устанавливалось право со стороны русских, в частности со стороны великого князя и его бояр, отправлять в Грецию корабли в желаемом ими количестве с послами и гостями. О посылке кораблей следовало извещать греков особой грамотой. Если русские прибывали без грамоты, то они задерживались и об их прибытии сообщалось великому князю. Прибывшие в Византию получали продовольствие и лодьи на возвратный путь.

Нельзя не отметить наличие в период средневековья устоявшихся торговых маршрутов, обслуживаемых определённой инфраструктурой. Среди наиболее известных торговых путей следует назвать «великий шёлковый путь» и «путь из варяг в греки». Всё это даёт основание констатировать, что период средневековья характеризуется фактическим существованием международных перевозок, а также функционированием прообразов международных транспортных коридоров.

Правовое регулирование международных перевозок в этот период было представлено очень слабо. Функции основного регулятора выполняли положения международных договоров и обычаев международной торговли, объединённые термином «купеческое право». Они были кодифицированы в различных сборниках, издававшихся в основном в крупных купеческих городах – республиках (например, «Олеронские свитки» 1160г., Висбийское морское право 13-14 вв. и так далее). Данные сборники исполняли функции международного регулятора прямого действия. Они обеспечивали единое регулирование вопросов международной торговли и перевозок, противостоя множественности правовых систем феодальной Европы. Статус обычаев делового оборота был подкреплён наличием специальных арбитражей, действовавших в крупных торговых городах. Эти арбитражи рассматривали споры из сделок по международной торговле, в том числе и по международным перевозкам, применяя указанные сборники.

В средние века договоры в торговом мореплавании заключались только собственниками судна. Купля-продажа товара совершалась главным образом через ярмарки в приморских городах. Третьи лица (посредники) отсутствовали. Так как одному лицу приходилось доверять другому лицу перевозку товара, то, естественно, должны были выработаться начальные формы сделки, имевшей в виду двустороннее обязательство. Сделка этих лиц должна была прежде всего облечься в письменную форму самостоятельного договора.

Второй же этап развития правового регулирования международных перевозок опосредован не только развитием промышленного производства, но и созданием централизованных европейских государств. Соответственно появилось и национальное право, которое на основе принципа «верховенства закона», стремилось подчинить своему регулированию все общественные отношения на территории данного государства, даже если эти отношения были тесно связаны с правом другого государства. Международный торговый оборот в этот период регулировался с помощью гражданских и торговых кодексов разных государств. Первые подобные акты были созданы во Франции (Торговый кодекс 1673 г. и Морской кодекс 1681 г.). В этот период стало очевидно, что у договора перевозки разные исторические корни в странах англосаксонской и континентальной системы права. В первой группе стран договор перевозки стал результатом развития, применительно к транспорту, института зависимого держания. Он регулировался нормами общего права, которое определяло, что все перевозчики должны квалифицироваться как особый класс зависимых держателей. Договоры перевозки различаются между собой в силу особенностей статутного регулирования. Перевозчики были разделены на две большие группы - общественные перевозчики и частные перевозчики. Классификация осуществлялась в зависимости от правовых отношений перевозчиков с клиентурой и степени ответственности перевозчиков.

В странах континентальной системы права на правовое регулирование договора перевозки значительное влияние оказало римское право. Оно не выделяло договор перевозки в качестве самостоятельного вида договора. Отношения по перевозке чаще всего квалифицировались как отношения из договоров найма вещей или найма работы. В странах континентальной Европы договор перевозки не считался особой категорией договора вплоть до принятия кодексов Наполеона. Они положили начало утверждению самостоятельности договора перевозки как во французском праве, так и в праве других стран континента. Однако до сих пор в странах континентальной системы, в противоположность странам англосаксонской системы права, идея признания договора перевозки самостоятельным видом договора не получила всеобщего распространения. Кодексы Наполеона, оперирующие термином «договор перевозки», определили его как одну из разновидностей договора подряда (ст. 1779 Гражданского кодекса и ст. 107 Торгового кодекса). Аналогично был решен вопрос законодательством Бельгии, Люксембурга, Норвегии. В праве Германии и Швейцарии наблюдался разный подход к трактовке договора перевозки грузов и договора перевозки пассажиров. Первый признавался самостоятельным видом договора, второй - разновидностью договора подряда (Германия) или отношений представительства (Швейцария).

В XVI - XVII вв. произошло отделение мореплавания от торговли. Появились две самостоятельные фигуры - собственник судна и собственник товара (купец). Случаи непосредственного сопровождения «плывущего» товара его собственником стали редкими.

Начало третьего периода традиционно связывается с открытием в Европе международного железнодорожного сообщения в середине 19 века. Появившаяся в Европе, а затем в России и Северной Америке сеть железных дорог была увязана с уже имевшейся, системой внутренних водных и гужевых путей. В последствии, именно развитие сети железных дорог устранило гужевой транспорт в качестве вспомогательного средства перевозки грузов. С появлением и активным развитием автомобильного

транспорта, появились унифицированные грузовые места – съёмные кузова, ящики, контейнеры, что также подверглось правовой регламентации в актах национального законодательства различных государств.

Рынки расширялись и удалялись от места производства товара. Расширилась территориальная деятельность купцов. Это не позволяло им лично, как прежде, выполнять все операции и требования местных властей, необходимые для выполнения грузовых работ во время нахождения судна в порту захода. Купцы обратились к услугам третьих лиц – местных посредников. Именовались они по-разному. В государствах континентальной Европы их называли поверенными, комиссионерами, маклерами, в Англии – агентами, брокерами, факторами. Они не являлись сторонами договора купли-продажи товара и договора морской перевозки груза, но без их помощи внешнеторговый оборот был бы невозможен. Возник институт представительства. Купцы создавали различные формы договорных связей с представителями.

Во второй половине XIX в. на фрахтовом рынке стали действовать предприниматели, которые брались выполнить морскую перевозку строго определенного количества груза по обусловленным ставкам, а также в обусловленные сроки. Зачастую сами они не имели собственных судов, а нанимали их у других судовладельцев, играя при этом на разнице фрахтовых ставок. Произошло отделение фигуры собственника судна от того лица, которое фактически исполняет транспортировку груза. С течением времени оно было названо и введено в законодательство как «перевозчик».

Гражданское и торговое право разных государств, в силу своей территориальной ограниченности и многочисленных коллизий с правом других государств, не могло установить единый правовой режим для международных перевозок. Такая ситуация потребовала международно-правового регулирования, что и обусловило появление первых транспортных конвенций, касающихся международных перевозок отдельными видами транспорта: бернские железнодорожные конвенции 1891 года, брюссельская морская конвенция 1924 года и варшавская воздушная конвенция 1929 года.

Для развития правового регулирования международных перевозок принципиально важное значение имеет тот факт, что начиная с конца XIX века стали создаваться международные транспортные организации. Именно в рамках такого рода организаций был разработан целый ряд конвенций, унифицированных правил и технических регламентов. Для рассмотрения и принятия конвенций международные транспортные организации стали созывать дипломатические или иные конференции. Международные транспортные организации создавались по видам транспорта. Наиболее многочисленными являются организации водного транспорта, в течение XX века их было создано более сотни. Например, в 1905 году была образована Балтийская и международная морская организация (БИМКО). Основной задачей данной неправительственной организации была провозглашена подготовка и пересмотр транспортной документации: издание типовых форм перевозочных документов для использования судовладельцами.

Из числа межправительственных организаций, безусловно, самой авторитетной стала Международная морская организация (ИМО), которая была создана в 1949 году. Одна из ее основных целей – поощрение устранения дискриминационных мер и излишних ограничений со стороны правительств, затрагивающих международное торговое судоходство, с тем чтобы мировая торговля могла без дискриминации пользоваться услугами судоходства. В рамках данной организации разработаны и приняты Афинская конвенция о перевозке пассажиров и их багажа морем 1974 г., Международная конвенция по облегчению международного морского судоходства 1965 г. и так далее.

Конечно, Конвенции принимались не только в целях регламентации международных морских перевозок, но и для совершенствования правового регулирования трансграничных перевозок осуществляемых иными видами транспорта. Например, Конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП 1959 года

первоначально носила региональный характер и была подписана небольшим числом европейских государств. В 1975 году, то есть почти через шестнадцать лет, она была переработана и дополнена. Обновленная Конвенция 1975 года распространила накопленный опыт на большее количество стран, в том числе и европейских, и таким образом стала универсальной, текст ее был усовершенствован и стал более прост и удобен для пользования. Расширилась сфера перевозок за счет включения международных перевозок разными видами транспорта, а не только автомобильного. Под правовое регулирование Конвенции попали так называемые перевозки в прямом и смешанном сообщении. В переработанном тексте содержались отдельные положения, касающиеся перевозки некоторых тяжеловесных грузов. И, самое главное, на смену множеству национальных процедур таможенного контроля была предложена единая процедура международной перевозки, то есть вводилась международная система таможенного контроля и таможенного оформления.

Предназначение института международной перевозки на протяжении многих веков заключалось в том, чтобы обеспечить торговые связи между различными государствами. Именно межгосударственный характер и определил особенности путей развития правового регулирования данного института в различных странах. Правовое регулирование перевозки грузов, пассажиров и багажа пошло по пути международной унификации и имплементации императивных норм различных конвенций в национальные законодательства.

В советский период, транспорту как одному из звеньев единого народнохозяйственного комплекса страны придавалось большое значение. Однако законодательное закрепление договора перевозки как отдельного института появилось только в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (глава 9 «Перевозка»), где содержались лишь самые общие положения о перевозках. Детальная же регламентация осуществлялась транспортными уставами и кодексами. Важное значение в деле правового регулирования международных перевозок грузов, пассажиров и багажа имели нормативные акты, издаваемые транспортными министерствами.

Морские перевозки, в частности, регулировались Кодексом торгового мореплавания СССР от 14 июня 1929 г., который был впоследствии заменен Кодексом торгового мореплавания Союза ССР от 17 сентября 1968 г., Общими правилами перевозки грузов, пассажиров и багажа, издававшимися Министерством морского флота СССР, и другими подзаконными актами.

Кодекс торгового мореплавания СССР, как и все законодательство СССР, был призван отвечать интересам плановой экономики, способствовать развитию социалистической системы хозяйства, в основе которой лежала государственная собственность. Государственная собственность на морские транспортные средства определила направленность норм КТМ Союза ССР 1968 г. в части перевозки груза, которые были сориентированы на защиту интересов судовладельцев, являющихся государственными предприятиями.

Перемены в государственной и экономической жизни страны, произошедшие в последние десятилетия, а также изменения в международно-правовом регулировании в области торгового мореплавания вызвали необходимость обновления законодательства и пересмотра нормативного материала, составляющего содержание устаревшего КТМ Союза ССР 1968 г. Отсутствие закона, отвечающего современным требованиям регламентации деятельности в области торгового мореплавания, стало отрицательно сказываться на эффективности такой деятельности, в том числе в сфере морской перевозки груза. В связи с этим началась подготовка проекта нового Кодекса торгового мореплавания, который был принят 30 апреля 1999 г. и вступил в силу с 1 мая 1999 г. Подготовка Кодекса велась с учетом новейшего гражданского законодательства Российской Федерации. Нормы о договоре перевозки были включены в главу 40

«Перевозка» Гражданского кодекса РФ, который в качестве части второй был принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 22 декабря 1995 г. и введен в действие с 1 марта 1996 г.

Однако ни в главе 40 «Перевозка», ни в разделе 6 ГК РФ термин «международная перевозка» не используется. Поэтому в международном частном праве России нет единых терминов «договор международной перевозки» и «международная перевозка». Они различаются в зависимости от объектов перевозки и видов транспорта. Например, согласно Федеральному закону от 24.07.1998 № 127-ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения» международная автомобильная перевозка – это перевозка транспортным средством грузов или пассажиров за пределы территории Российской Федерации или на территорию Российской Федерации, а также перевозка транспортным средством грузов или пассажиров транзитом через территорию Российской Федерации. К такой перевозке относится проезд груженого или негруженого транспортного средства, принадлежащего российскому перевозчику, с территории Российской Федерации на территорию иностранного государства и обратно, либо на территорию Российской Федерации транзитом через территорию иностранного государства, либо с территории одного иностранного государства на территорию другого иностранного государства транзитом через территорию Российской Федерации, а также проезд груженого или негруженого транспортного средства, принадлежащего иностранному перевозчику, на территорию Российской Федерации и обратно либо транзитом через территорию Российской Федерации.

Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации от 10.01.2003 № 18-ФЗ, предусматривает, что перевозки в международном сообщении с участием железнодорожного транспорта - это перевозки в прямом и непрямом международном сообщении пассажиров, грузов, багажа, грузобагажа между Российской Федерацией и иностранными государствами, в том числе транзит по территории Российской Федерации, в результате которых пассажиры, грузы, багаж, грузобагаж пересекают Государственную границу РФ, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Таким образом, уже в период средневековья существовали давно устоявшиеся торговые маршруты, обслуживаемые определённой инфраструктурой. Среди наиболее известных торговых путей следует назвать «великий шёлковый путь» и «путь из варяг в греки». Правовое регулирование международных перевозок в этот период осуществлялось на основе положений двусторонних межгосударственных договоров и обычаев международной торговли, объединённых термином «купеческое право». Второй этап развития правового регулирования международных перевозок был опосредован не только весьма быстрым развитием промышленного производства, но и созданием централизованных европейских государств. Международный торговый оборот в этот период регулировался с помощью гражданских и торговых кодексов разных государств. Однако гражданское и торговое право разных государств, в силу своей территориальной ограниченности и многочисленных коллизий с правом других государств, не могло установить единый правовой режим для международных перевозок. Такая ситуация потребовала международного регулирования, что и обусловило появление первых транспортных конвенций, касающихся международных перевозок отдельными видами транспорта. Именно увеличением числа международных правовых актов в области международных перевозок и характеризуется третий этап развития их правового регулирования. Начиная с конца XIX века стали создаваться международные транспортные организации. Именно в рамках такого рода организаций был разработан целый ряд конвенций, унифицированных правил, а также технических регламентов. Влияние содержащихся в них норм и определило основные тенденции развития отечественного законодательства в области международных перевозок. Однако ни

советское, ни современное российское законодательство не имеют единого акта в области международных перевозок, регулирование которых осуществляется целым рядом уставов и кодексов.

Список литературы

1. Кокин А.С. Международная морская перевозка груза: право и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 584 с.
2. Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 768 с.
3. Международное частное право: учебник для бакалавров / под общ. ред. Г.В. Петровой. – М.: ИД Юрайт, 2012. – 764 с.
4. Семенов Д.В. Правовое регулирование международных комбинированных перевозок грузов: исторический обзор и перспективы // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 29.
5. Хаббибулаев А.Х. Зарождение нормативных основ о морской перевозке грузов в России // История государства и права. – 2007. – № 15. – С. 18-21.
6. Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.): учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 421 с.

Берглезов Алексей Николаевич

ассистент Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ЗЕРКАЛО АДМИНИСТРАТИВНОЙ НАУКИ

Тема административного процесса, несомненно, является одной из актуальных и одновременно спорных в науке административного права. Понятию административного процесса, его видам, структуре, критериям классификации в юридической литературе уделено много внимания.

По мнению Н.Г. Салищевой, это не случайно. Усиление охраны субъективных прав граждан, обеспечение законности во всех сферах деятельности государственного аппарата требуют четкой правовой регламентации основных видов и форм исполнительной и распорядительной. Вместе с тем до настоящего времени не выработано единого подхода к определению понятия «административный процесс».

На протяжении многих лет полемика о понятии административного процесса велась представителями двух основных направлений (подходов к сущности и содержанию административного процесса) – «управленческого» и «юрисдикционного», которые были заложены в середине 60-х гг. прошлого столетия и рассматривали термин «административный процесс» в широком и в узком смысле слова соответственно.

Многоаспектная и разноуровневая правоприменительная деятельность органов публичного управления, а также большое число и разнообразие вопросов, рассматриваемых органами государственного управления и их должностными лицами, предопределили широкое понимание административного процесса. Узкое понимание административного процесса сводилось к определению порядка разрешения административно-деликтных правовых споров, применения к физическим или юридическим лицам различных видов административного принуждения, рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях.

Широкое понимание административного процесса разделяется учеными, исследующими проблемы не только административного права, но и теории права. Такие ученые-административисты и теоретики, как О.М. Якуба, Г.И. Петров, А.П. Коренев, В.Д.

Сорокин, С.С. Студеникин, Д.Н. Бахрах, В.И. Новоселов, В.М. Манохин, А.Е. Лунев, В.М. Горшенев, Р.С. Павловский и др., понимают административный процесс в широком смысле.

В то же время некоторые авторы включают в административный процесс не только регулирование деятельности органов исполнительной власти. Так, Д.Н. Бахрах считает, что особенностью административного процесса является то, что он регулирует не только юрисдикционную деятельность, т.е. деятельность по рассмотрению споров и применению принудительных мер, но и деятельность по реализации регулятивных норм, деятельность, так сказать, положительного характера. Такой подход, по его мнению, является «плодотворным, соответствующим широкому пониманию юридического процесса».

Представляется, что отождествление понятий «административный процесс» и «деятельность» приводит к тому, что правовое регулирование процесса правоприменения органами публичной власти материально-правовых норм и сама правоприменительная их деятельность объединяются в одно целое. Представление об административном процессе как о деятельности государственных органов является неоправданным, поскольку под «деятельностью» понимается работа каких-либо органов. Административный процесс не может быть собственно деятельностью, поскольку он представляет собой нормативно закреплённую последовательность действий при осуществлении органами публичной власти деятельности, направленной на получение материально-правового результата. При этом не вся деятельность органов публичной власти охватывается административным процессом.

Кроме того, если исходить из понимания административного процесса как формализованной деятельности органов публичной власти, то при их бездействии такого процесса вообще не существует. На самом деле это не так. Административный процесс имел место, но не осуществлялся совсем или исполнялся ненадлежащим образом.

Различия между деятельностью органов публичной власти, охваченной административным процессом и им не регулируемой, заключается в следующем. В первом случае она организована методологически, а во втором - нет, поэтому оценка такого процесса заслуживает внимания именно с точки зрения данного компонента, т.к. он служит формой организации деятельности органов публичной власти.

Представление об административном процессе как о деятельности органов публичной власти приносит ещё один, вообще-то, нежелательный результат. Понятно, что органы публичной власти всегда как-то осуществляют свою деятельность. Но тогда получается, что административный процесс тоже всегда существует. Как следствие, здесь вроде и не требуется какого-либо регулирования или его корректировки в целях развития. Более того, любое бездействие органов публичной власти тоже неизбежно подпадает под категорию административного процесса. Тем самым фактически происходит нивелирование роли и значимости такого процесса.

Ещё один довод в подтверждение сказанному состоит в том, что одна из функций административного процесса заключается в регулировании отношений между субъектами в зависимости от объекта и содержания их взаимных и паритетных прав и обязанностей в материальном правоотношении. Органы публичной власти являются одним из субъектов возникающих правоотношений, в т.ч. процессуальных. Их деятельность является важной, но она должна подчиняться логике административного процесса и в силу этого не может быть самим процессом.

Кроме того, представление об административном процессе как о носителе взаимных и паритетных прав и обязанностей субъектов процессуальных правоотношений показывает, что такие права и обязанности органов публичной власти составляют только часть всей совокупности прав и обязанностей, а другая часть на принципе взаимности и паритетности принадлежит иным субъектам материальных и процессуальных правоотношений. Причем эти субъекты правоотношений могут реализовать свои процессуальные права и исполнять свои процессуальные обязанности также в

установленных пределах.

Системный анализ вышеприведенных доводов свидетельствует о том, что реализация процессуальных прав и исполнение обязанностей не являются деятельностью только органов публичной власти.

В связи с этим административный процесс следует определить как нормативное регламентирование деятельности органов исполнительной власти, направленной на достижение соответствующего материально-правового результата.

В данной концепции системы (структуры) административного процесса четко разграничены его составляющие части по двум основаниям:

1) выделены границы административных процедур и административной юрисдикции в зависимости от правовых форм реализации исполнительной власти (в целом органов публичной власти). В случае правотворчества и позитивной формы правоприменения органы публичной власти осуществляют ведомственную правотворческую деятельность (например, разрабатывают административные регламенты, издают нормативные акты управления), оказывают публичные услуги или выполняют иные функции (издают индивидуальные акты управления, контрольно-надзорные, регистрационные, лицензионные и др.), используя административные процедуры. Правоохранительные формы правоприменения реализуются только при возникновении спора или нарушении норм права путем административно-юрисдикционной деятельности органов исполнительной власти и иных уполномоченных органов (их должностных лиц), осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, производство по жалобам, дисциплинарное производство и др.;

2) выделены границы административной юрисдикции и административной юстиции. Административная юрисдикция разграничивается с административной юстицией в зависимости от субъектов, их осуществляющих. Если административная юрисдикция представляет собой деятельность публичных органов во внесудебном или досудебном порядке, то административная юстиция - это осуществление правосудия главным образом по делам об административных правонарушениях и осуществление судебного контроля за законностью нормативных и ненормативных правовых актов, принимаемых органами публичной власти и их должностными лицами.

Рассматриваемый объединенный подход к определению административного процесса предопределил распространенность в научной и учебной литературе мнения о том, что в современном административном процессуальном праве можно обосновать множество видов административных процессов. Можно сделать вывод о том, что в систему административного процесса включаются своего рода мини-административные процессы, которые возникают в различных областях функционирования административных органов и обусловлены особенностями разрешаемых в этих сферах конкретных вопросов. Следовательно, административные процессы находятся в системе соответствующих сфер государственного управления, например, в государственной службе, в области осуществления контроля и административного надзора, при исполнении установленных государственных функций, в производстве по делам об административных правонарушениях, в производстве по делам о поощрении государственных служащих, в регистрационных правоотношениях.

Поскольку точки зрения ученых не совпадают в определении как характера деятельности, которую опосредует административный процесс, так и перечня властных субъектов, использующих нормы этого процесса в правоприменительной деятельности, то, вероятно, ни одна из приведенных позиций не может быть признана в полной мере убедительной и обоснованной.

Действительность заставляет задуматься над новыми подходами к пониманию административного процесса. Очевидно, что необходимо учитывать формирование в России правового государства, совершенствование государственного управления, проводимые в нашей стране судебную, административную и иные реформы. Эти факторы,

несомненно, накладывают отпечаток на содержание исполнительно-распорядительной деятельности в системе сдержек и противовесов, сформировавшейся в связи с разделением государственной власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации) [1].

Представляется, что трудности в определении содержания, системы и структуры административного процесса, несомненно, обуславливаются сложностью содержания самого государственного управления. Как показывает результат сравнительного анализа предложений, высказываемых учеными по поводу административного процесса, наиболее оправданным направлением изучения сущности административного процесса должна служить идея о том, что деятельность всех органов исполнительной власти и местного самоуправления должна подчиняться процессуальным правилам в контексте организационного разделения государственной власти в целях достижения соответствующего материально-правового результата.

К сожалению, названные аспекты фактически находятся за пределами научных дискуссий. При этом не учитывается, что отнесение административного процесса к разряду судопроизводственного (юрисдикционного) лишает органы исполнительной власти управленческой методологии, тогда как их деятельность в необходимых случаях должна подчиняться процессуальному регулированию. Отсутствие такого регулирования приводит к тому, что, например, органы судебной власти не могут эффективно осуществить ретроспективный контроль за деятельностью органов исполнительной власти в случаях обращения физических или юридических лиц за судебной защитой.

В связи с этим нельзя не учитывать, что конституционное положение ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации о возможности обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц взаимосвязано с рядом других конституционных норм. Так, согласно ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств. Под другими обстоятельствами не просто допустимо, а даже необходимо понимать осуществление человеком и гражданином прав и свобод через обеспечение юридическим процессом деятельности органов публичной власти. Нет никаких правовых оснований для вывода о том, что какие-либо органы государственной власти должны осуществлять всю свою правоприменительную деятельность без использования административного процесса.

Как было отмечено выше, органы исполнительной власти и органы местного самоуправления в Российской Федерации осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность. В контексте приведенных доводов является обоснованным мнение о том, что в форме правоприменительного процесса, "в основном происходит юридически властная реализация задач и функций исполнительной власти. Применительно к этому, думается, можно сформулировать следующее определение административного процесса: правоприменительная деятельность (как внутренней, так и внешней направленности) органов и учреждений исполнительной власти, иных уполномоченных государством субъектов по урегулированию в пределах их компетенции конкретных юридических дел, возникающих на основе материальных норм различных отраслей права, осуществляемая в предусмотренных процессуальными нормами права несудебных формах.

Одним из примеров регулирования процессуальной деятельности органов исполнительной власти является налоговый процесс, сформулированный в Налоговом кодексе Российской Федерации. Несмотря на то, что данный систематизированный законодательный акт прямо об этом не говорит, такой вывод следует из ст. 2 названного Кодекса, определяющей отношения, регулируемые законодательством о налогах и сборах, среди которых предусмотрены отношения, возникающие в процессе осуществления

налогового контроля, поэтому регулирование в Налоговом кодексе РФ этих функций, присущих органам исполнительной власти, представляет собой один из видов административного процесса[2].

Поэтому до сих пор вопрос о понятии и месте административного процесса в юридической науке остается дискуссионным.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с поправками 2014 г. // Официальный интернет портал правовой информации www.pravo.gov.ru [Электронный ресурс].
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст.3824; Российская газета. – 1998. – № 148-149.
3. Лапина М.А. Объединенная концепция системы административного процесса // Юридический мир. – 2010. – № 3. – С.38-43

Киселев Иван Владимирович

аспирант Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск)

ПЕРСПЕКТИВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Чтобы понять и оценить возможности борьбы с коррупцией в России, необходимо проанализировать возможное участие в решении этой проблемы основных партнеров: органов власти, ключевых компонентов гражданского общества (предпринимательства, независимых средств массовой информации, общественных институтов) и общества в целом.

Средства массовой информации, с одной стороны, давно и прочно стали основной ареной, на которой разворачиваются баталии вокруг коррупционных сюжетов. Они хорошо подаются и пользуются спросом. Не существует исключительной групповой монополии на негосударственные СМИ, следовательно, пока эта тема не может быть снята с повестки дня.

С другой стороны, деловая элита осознала могущество СМИ и то обстоятельство, что политическая рентабельность серьезных вложений в них может иметь полезные экономические последствия. В результате, происходит борьба между экономическими кланами за информационные каналы (в широком смысле этого слова). Неурегулированность юридических и экономических отношений между журналистами и их «хозяевами» влечет широкое распространение теневых и даже коррупционных отношений в этой сфере. В итоге негосударственные СМИ рискуют превратиться из мощного отряда гражданского общества в инструмент борьбы между экономическими и бюрократическими кланами.

Российский бизнес целесообразно рассматривать состоящим из трех неравных частей. К первой и много меньшей относятся основные финансовые группы, выросшие на бюджетных деньгах и доступе к административным ресурсам. С одной стороны, пока эти группы ожесточенно конкурируют и к ним добавляются новые, России не грозит полностью стать олигархическим государством. Антикоррупционные взаимные удары стали в последнее время важным средством борьбы групп, обнажая многое для граждан и готовя их к более серьезным фазам борьбы с коррупцией. Кроме того, борьба по таким правилам воспитывает страх перед использованием, по крайней мере, самых наглых коррупционных действий; помогает естественному отбору и в чиновничьей среде, и в

методах достижения успеха в бизнесе; работает на (пока слабые) антикоррупционные усилия властей.

С другой стороны, «игры с огнем», которыми занимаются кланы, поражая друг друга вбросами компромата, могут иметь неожиданные последствия: гибель мощных (по нашим масштабам) финансовых империй; проявление «эффекта бумеранга», когда жертвой становится тот, кто первый поднимает оружие; впечатляющий крах эффективных чиновничьих карьер. Все это либо уже происходит, либо близко к осуществлению. Но в относительно нестабильной политической ситуации возможны более серьезные последствия: крах правительства и откат от реформистской политики. Страх перед подобными возможностями подталкивает различные группировки к консолидации во имя самосохранения. Подобная консолидация может стать препятствием для борьбы с коррупцией.

Ко второй части российского бизнеса следует отнести представителей «второго эшелона» бизнеса, не допущенного (а часто и не рвущегося – из страха или безразличия) к бюджетной кормушке и потому, прежде всего, заинтересованного в нормальных правилах экономической игры. Предприниматели, вставшие на ноги в условиях реальной конкуренции, не заинтересованы в сращивании власти и бизнеса, являющемся питательной средой коррупции.

Между тем эта часть российского бизнеса плохо консолидирована и не имеет постоянных эффективных механизмов отстаивания своих интересов. Одновременно власть, по сложившейся традиции, взаимодействует с представителями первого малочисленного отряда бизнесменов, большей частью игнорируя «широкие слои» предпринимателей, которые могли бы стать существенной опорой в антикоррупционных усилиях.

Наконец, третья группа предпринимательства, обозначаемая часто как «малый и средний бизнес» и являющаяся по демократическим стандартам основой среднего класса, буквально повязана сплошной низовой коррупцией. Последняя не только препятствует бизнесу, но и буквально унижает целый социальный слой. Это становится источником возрастающего социального напряжения в тех группах, которые, как показывает история, являлись движущей силой не только буржуазных революций, но и фашистских переворотов.

Российское общество сильно разочаровано властью. Существенный вклад в это разочарование вносит устойчивый стереотип ее коррумпированности. Российское общественное сознание, еще не защищенное укорененностью гражданской ответственности и приверженностью демократическим принципам, весьма склонно поддаваться соблазну простых рецептов, из которых один из самых распространенных – «сильная рука». Поэтому крайне тяжело будет обрести доверие граждан и их поддержку при реализации серьезной антикоррупционной программы.

В то же время в последние годы резко выросло число общественных организаций, которые в гораздо меньшей степени охвачены ржавчиной коррупции, чем другие сферы жизни. Эти институты гражданского общества могут стать серьезным подспорьем при реализации программы по борьбе с коррупцией.

Российские власти сами обеспокоены потерей поддержки в обществе. Необходимость продлить свое существование посредством выборов заставляет власти (когда осознанно, когда инстинктивно) заботиться об усилении своей легитимности. Очевидно, что борьба с коррупцией – один из эффективных инструментов решения этой задачи. Антикоррупционная риторика с удовольствием применяется представителями всех частей политического спектра. Однако любые шаги по ограничению коррупции носят до сих пор либо символический, либо фрагментарный характер.

Запуск и реализацию системы антикоррупционных мероприятий тормозит ряд препятствий:

на достаточно высоком уровне есть лица, которым может быть инкриминирована коррупционная деятельность;

существует большой пласт чиновников, не заинтересованных в изменении сложившейся ситуации;

во власти сохранились и преобладают старые стереотипы, определяющие упрощенные подходы к решению задач, подобных борьбе с коррупцией.

Поскольку ограничение коррупции неотделимо от коренного реформирования всей государственной машины, реализация подобной программы требует серьезного политического обеспечения и специфических политических условий, включая консолидацию большей части властных элит. Для преодоления этих препятствий требуется не меньшая политическая воля, чем та, которая демонстрировалась на самых тяжелых этапах предшествующих преобразований. Между тем сохраняется опасная ситуация, при которой коррупция, являясь актуальной частью политической повестки дня, используется в клановом противостоянии, но реальных мер по борьбе с ней не предпринимается.

Существуют три модели развития подобной ситуации, которым ниже даны условные географические названия. Все три модели описывают превращение коррупции в системное явление, т.е. в неотъемлемую часть политического устройства и всей общественной жизни.

Азиатская модель: коррупция - привычное и общественно-приемлемое культурное и экономическое явление, связанное с функционированием государства. Несмотря на масштабность коррупции в России, эта модель ей не грозит по ряду причин, среди которых не последней оказывается та, что гражданские свободы стали в России значимым фактором общественной и политической жизни.

Африканская модель: власть продается «на корню» группе основных экономических кланов, договорившихся между собой, и политическими средствами обеспечивает надежность их существования. Переход к этой модели возможен при следующих условиях:

политическая власть в стране остается неконсолидированной;

финансово-бюрократические группы под давлением инстинкта самосохранения прекращают противостояние и договариваются;

формируется олигархический консенсус между консолидированными финансово-бюрократическими группами и частью политической элиты.

Для страны это означало бы сворачивание демократии и использование демократических процедур в качестве камуфляжа; экономика окончательно примитивизируется, удовлетворяя только самые основные потребности населения во избежание социальных потрясений и обеспечивая интересы узкой олигархической группы.

Латиноамериканская модель: попустительство коррупции дает возможность теневым и криминализированным секторам экономики достигнуть могущества, соизмеримого с государственным. Спыхватившаяся власть оказывается на десятилетия втянутой в жесткое прямое противостояние с мафией, образующей государство в государстве. Экономическое благополучие становится задачей не только недостижимой, но даже второстепенной на фоне других проблем. Постоянная политическая нестабильность увеличивает шансы установления диктатуры на волне борьбы с коррупцией, а вслед за этим возрастает вероятность переход к африканской модели.

Весь мировой опыт демонстрирует: истерия борьбы с коррупцией расчищает путь диктатурам. Парадокс в том, что, установившись, диктатура еще больше раскручивает коррупцию, увеличивая ее масштабы и разлагая власть. Наконец, общества, находящиеся в переходном состоянии от тоталитаризма (или долговременной диктатуры) к демократии, носят в себе вирус тоталитарного реванша под лозунгом борьбы с издержками демократии, среди которых коррупция - в числе первых.

Альтернатива этому только одна - разработка и реализация государственной антикоррупционной политики на основе консолидации большей части политических сил и при тесном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика: учеб. Пособие / под ред. Г.А. Сатарова. – М., 2004. – 368 с.

Караваяева Елена Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В ТОМСКОЙ ГУБ. ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Дореформенные российские монархи были против развития института адвокатуры в Российской империи. Так, Екатерина II констатировала, что «адвокаты, соображаясь с тем, когда и как им заплатили, поддерживают то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Адвокаты у меня не законодательствуют, и никогда законодательствовать не будут, пока я жива, а после меня будут следовать моим началам». Николай I, писал кн. Галицину, ратуящему за введение адвокатуры: «Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, проживем и без них» [1, С. 30].

До судебной реформы Александра II существовало так называемое «крапивное семя» – стряпчие, ходатаи, ябедники, которые не были законодательно закреплены. Участие стряпчего в судебном заседании было формальным, а его работа сводилась к оформлению документов.

По воспоминаниям представителя присяжной адвокатуры П.А. Потехина, ходатаи накануне Судебной реформы подразделялись на три группы. Первую составляли чиновники преимущественно судебного ведомства: секретари, столоничальники и пр. Вторую категорию составляли чиновники, вышедшие в отставку «за неприятности по службе», которые специализировались по направлению прошлой деятельности. Третья группа представляла собой своеобразную смесь положений и званий – это разорившиеся купцы, бывшие управляющие, отставные военные и даже дворяне. Кроме того, в нее входили «сидельцы кабаков и пивных лавок, а в Сибири в эту группу входили ссыльные» [1, С. 19].

Так, в журнале Государственного совета за 1861 г. записана характеристика дореформенной адвокатуры: «Одна из причин бедственного положения нашего судопроизводства заключается в том, что лица, имеющие хождения по делам, большей части люди очень сомнительной нравственности, не имеющие никаких сведений юридических, ни теоретических, ни практических» [1, С. 316].

В 1850 г. при II отделении Императорской канцелярии был создан «Особый комитет» под председательством графа Д.Н. Блудова. Задача комиссии состояла в разработке проекта Устава гражданского и уголовного судопроизводства, обсуждение которого предполагалось начать осенью 1857 г. Хотя в проекте не упоминалось об адвокатах, но уже 8 сентября 1858 г. Д.Н. Блудов представил императору доклад «Об установлении присяжных стряпчих», т.е. фактически об учреждении адвокатуры. Необходимость создания адвокатуры обосновывалось автором тем, что «без образования такого сословия ... едва ли есть возможность привести в надлежащее исполнение о судопроизводстве гражданском» [2, С. 253].

Переломным моментом при подготовке Судебной реформы была передача дела в Государственную канцелярию. 19 октября 1861 г. при Государственной канцелярии

создается специальная комиссия, в которую вошли виднейшие юристы. Разрабатывая принципы Судебной реформы, комиссия частично использовала законопроекты Блудова.

29 сентября 1862 г. «Основные положения преобразования судебной части в России» были утверждены монархом, с предписанием опубликовать их в печати. В «Основных положениях» фиксировались следующие институты: отделение суда от администрации, выборный мировой всеословный суд, присяжные заседатели в окружном суде, адвокатура, а также принцип состязательности.

В 1862 г. в Государственном совете было решено ввести «учреждение присяжных поверенных, без которой решительно невозможно будет введение состязания в гражданском и судебных прений в уголовном судопроизводстве с целью раскрытия истины и предоставления полной защиты тяжущимся и обвиняемым перед судом» [3, С. 112]. В «Учреждении судебных установлений», принятых 20 ноября 1864 г., впервые в истории России вводилась присяжная адвокатура.

По мнению С.В. Чечелева именно «Основные положения преобразования судебной части в России» (1862 г.), а не сами «Судебные Уставы» (1864 г.) стали основой проекта судебной реформы в Сибири [4, С. 9].

В Судебных уставах 1864 г. судебная система была представлена основными и вспомогательными учреждениями. К последним относились: 1) нотариусы, предупреждая тяжбы правильным оформлением актов; 2) присяжные поверенные (адвокаты) – лица, официально уполномоченные действовать от чьего-нибудь имени [5, С. 466], которые должны были способствовать укреплению законности, социальной стабильности, справедливости и предупреждать ведомственную «волокиту», соблюдая сроки ведения дела; 3) секретари канцелярий, ответственные за акты судебных распоряжений и решений; 4) судебные приставы, на которых возлагалось исполнение постановлений суда (судебная полиция).

Одним из основных гарантов реализации положений судебных уставов 1864 г. являлся присяжный поверенный, способствовавший становлению гласности и состязательности судопроизводства.

Доступ женщин в присяжную адвокатуру не был предусмотрен Судебными уставами 1864 г., а 14 января 1871 г. Высочайшим повелением был запрещен их прием и в частную адвокатуру. Только 1 июня 1917 г. Временное правительство позволило женщинам заниматься адвокатской практикой.

Указ от 8 ноября 1889 г. проводил дискриминационную политику по конфессиональному признаку. Данное нововведение появилось, так как «обнаружилось резко проявившееся стремление лиц еврейского населения поступать в адвокатуру» [6, С. 252]. В 1917 г. были отменены все ограничения на прием в присяжные поверенные иудеев.

Институт частных поверенных, установленный законом 6 июня 1874 г., подчинен общим правилам, определяющим юридическую правоспособность всех вообще поверенных по судебным делам [3, С. 115]. В ст. 406⁵ – Учр. суд. уст. сделана ссылка на ст. 246 Уст. гр. суд., перечисляющую условия, не позволяющие ведения в судах дел в качестве поверенных [7, Л. 22 об.]. Ст. 354, 406² и 406⁷ Учр. суд. уст. содержат условия разрешающие и утверждающие право принадлежать к числу присяжных и частных поверенных [7, Л. 23 об.].

Важно отметить, что в дореволюционный период введение законодательства в Сибири по сравнению с Европейской Россией задерживалось иногда на десятилетия, исключением не была и судебная реформа 1864 г., которая регламентировала деятельность зарождающейся адвокатуры. Судебные уставы Александра II начали распространяться в Сибири только с 1885 г., почти на двадцать лет позже, чем в Европейской России.

Реализация преобразований судебной части в Сибири связана с введением 25 февраля 1885 г. «Временных правил о некоторых изменениях по судоустройству и

судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, в Восточной Сибири и Приамурском крае». Данная реформа предусматривала, что в Томской губ. как и в остальных указанных регионах будет представлен практически весь спектр юридических профессий: следователи, судьи различных уровней (окружные, губернские), судебные чиновники, заседатели, прокуроры и их товарищи (заместители), адвокаты, нотариусы. Однако, института присяжных поверенных после реформы 1885 г. не сформировалось. Судебную защиту и представительство осуществляли чиновники, состоящие при окружном суде, и лица, обладавшие общим гражданским правом ведения судебных дел в качестве поверенного, на основании: п. 9 ст. 45 Уст. гражд. суд. и ст. 201 Учр. суд. уст. [7, Л. 11]

Сибирская адвокатура как корпоративное объединение учреждается во время реализации судебной реформы 1897 г., которая проводится на основе «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. Введение состязательности, гласности, устности процесса должно было позволить сибирским присяжным и частным поверенным занять достойное место в судопроизводстве. Однако, еще с 1874 г. в учреждаемых в России судебных округах было временно приостановлено создание Советов присяжных поверенных – основы корпоративного объединения, их обязанности возлагались на окружные суды. Такая практика, как писал великий русский процессуалист И.Я. Фойницкий, «в корне нарушала независимость адвокатуры и задерживала ее развитие» [8, С. 486].

Согласно установленным для Сибири правилам от 13 мая 1896 г. Томский окружной суд, единственный в то время в Томской губ., был определен в введение Иркутской судебной палаты, которой предоставлялись над окружными судами лишь права кассационной инстанции по делам мировой подсудности и по надзору за окружными судами в порядке ст. ст. 249, 250 Учр. суд. уст. [7, Л. 10] В 1899 г. Томский окружной суд переходит в введение вновь образованной Омской судебной палаты.

24 ноября 1904 г. принимается закон «Об установлении советов при Омской и Иркутской палатах». И.В. Гессен писал о времени введения закона: «То было время исключительное, время бурно и стремительно сменявшихся переживаний, меньше всего пригодное для правильного и планомерного строительства. Профессиональные интересы, естественно, отступали на задний план перед политическими задачами, в разрешении которых адвокатура принимала видное участие, и потому сословная жизнь не могла развиваться более или менее нормально» [1, С. 349]. Можно констатировать, что данное мнение подтверждается развитием вопроса об открытии Совета присяжных поверенных при Омской судебной палате. Если в Иркутске совет был открыт, а в 1906 г. с арестом всего его состава уже и закрыт [1, С. 354], то при Омской судебной палате совет начал свою работу только с 18 мая 1911 г. В его ведении находились и присяжные поверенные судебных округов Томской губ.

На основании Закона «О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском, Усть-Сысольском уездах Вологодской губ., в некоторых уездах губерний Архангельской и Тобольской, губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской» от 10 мая 1909 г. с 1 ноября 1909 г. в Западной Сибири вводится суд присяжных. Данная форма правосудия способствовала развитию института адвокатуры в Томской губ., только на полвека позже, чем в Европейской России.

Список литературы

1. История русской адвокатуры. – Т. 1. – М., 1997.
2. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждений судебных установлений // Материалы высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. – СПб., 1900.
3. Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. д.ю.н., проф. О.И. Чистякова. – Т. 8. – М., 1991.

4. Чечелев, С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.): дис. ... канд. юр. наук / С.В. Чечелев. – Омск, 2001. [ЭБ РГБ]
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 1981.
6. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство и судопроизводство. – СПб., 1910.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9.
8. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. Т. 1.

Вычугжанин Михаил Иванович

кандидат юридических наук, доцент Новосибирского
государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ
ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОИСКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТАМОЖЕННОГО
КОНТРОЛЯ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

Поднимая вопрос о насущных проблемах применения таможенными органами технических средств таможенного контроля следует отметить, что в научной, учебной да и в методической литературе недостаточно полно и своевременно освещаются эти проблемы. Но они, к сожалению, существуют и от их разрешения зависит не только экономическая безопасность России как государства в целом, но и физическое здоровье каждого гражданина нашего государства, а также обеспечение формирования правового социального государства в современной России непосредственно.

Как известно, под Техническими средствами таможенного контроля фактически понимаются все виды технических средств, применяемых сегодня для фактического таможенного контроля: весы, фонари, досмотровые зеркала, рентгеновские досмотровые установки, металлоискатели, микроскопы, детекторы кристаллов и др.

Но также известно, например, и следующее определение этого понятия: «Технические средства таможенного контроля» - комплекс специальной техники, применяемый таможенными органами в процессе оперативного таможенного контроля всех видов объектов, перемещаемых через таможенную границу, с целью проверки декларирующих их документов, установления соответствия содержимого контролируемых объектов представленным на них данным, а также выявления в этих объектах предметов таможенных правонарушений» (определение Г.А. Дугина).

На современном этапе для многих государств, в том числе и для России, стоит пока неразрешённая проблема борьбы с наркотрафиками, по которым не только в Россию, но и через её территорию, не один десяток лет не ослабевают попытки ввоза и провоза разного рода наркотических веществ.

К сожалению, в мировой таможенной практике пока отсутствуют технические средства, позволяющие однозначно с высокой степенью достоверности обнаруживать наркотические вещества в любых видах контролируемых объектов и оперативных условиях, хотя отдельные попытки по их созданию в ряде передовых стран ведутся. Такого рода технические средства таможенного контроля относятся к группе технических средств поиска.

Конечно, существуют и в практике таможенных органов к счастью используются такие физические методы обнаружения как рентгеноскопия и ЯКР, которые, как технические средства поиска, предназначены для обнаружения сосредоточенных масс наркотических веществ. Но даже в лучших образцах имеются пределы обнаружения наркотических веществ на уровне долей килограмма. При этом надо признать, что специфичность обнаружения наркотических веществ методом ЯКР достаточно высокая. В тоже время рентгеноскопия в широко распространенных моделях, к сожалению, не

специфична по отношению к наркотическим веществам. Можно только констатировать, что метод рентгеноскопии позволяет обнаруживать только места сокрытия контрабанды с отличающимися от упаковки показателями поглощения рентгеновского излучения. Поэтому к недостаткам физических методов следует отнести экранирование сигнала металлической тарой (упаковкой) и, как следствие, невозможность обнаружения наркотических средств в металлических контейнерах. Под специфичностью в данном контексте следует понимать параметр обратно пропорциональный частоте ложного срабатывания метода.

Следовательно, перед таможенными органами должна быть поставлена задача разработки и внедрения в практику их работы высокоспецифичных методов, которые должны иметь очень малое количество ложных срабатываний в процессе эксплуатации таких технических средств.

Однако, следует при этом обратить внимание на тот факт, что до сих пор, несмотря на различные виды методов и приборов, использование для обнаружения наркотических веществ, да, кстати, и взрывчатых веществ аналогично, специально обученных собак активно практикуется во всем мире наряду с дорогостоящими приборными методами. Практика же показывает, что в отличие от физических методов обнаружения, работающих по твердым кристаллическим наркотическим веществам в диапазоне от следовых количеств (в случае иондрейфовых методов) до долей килограмма (в методе ЯКР), собаки обнаруживают наркотики по летучим компонентам наркотиков. Дело в том, что именно летучие компоненты наркотиков с гораздо большей эффективностью проникают через полупроницаемые мембраны упаковки, обычно используемой полиэтиленовой пленки, по сравнению с пылевыми частицами. Поэтому в большинстве случаев, не знаю к сожалению это или к счастью, собаки демонстрируют пока что более высокую по сравнению с приборами чувствительность обнаружения наркотических веществ.

Как следует из выводов многочисленных исследований биологической науки, чувствительность различных, как они называют, биообъектов к пахучим веществам различается очень значительно. Так, например, если человек ощущает присутствие уксусной кислоты (одного из летучих компонентов героина) при условии, что в одном кубическом сантиметре воздуха содержится 5×10^{13} молекул, то собаке достаточно наличия в том же объеме воздуха 5×10^5 молекул. В тоже время, сравните, чувствительность самых современных физико-химических приборных средств находится на уровне 109. Именно поэтому, полагаю, и в обозримом будущем кинологическая служба будет являться основой полевого обнаружения наркотических веществ при досмотре транспортных средств и багажа пассажиров.

Но, к сожалению, не всё так радужно как хотелось бы и я не могу отказаться, образно говоря, от «вложения» ложки дёгтя в бочку мёда, т.е. не могу не сказать о некоторых объективных недостатках использования, как принято говорить в научных кругах, биообъектов.

К таким недостаткам использования биообъектов для обнаружения наркотических веществ следует отнести необходимость оценки эффективности работоспособности собаки в зоне объекта с помощью контрольной закладки и мешающее влияние отвлекающих факторов.

Кроме того, с появлением кинологических имитаторов (имитаторами героина, кокаина, амфетаминов), которые представляют собой белые порошковые композитные материалы, состоящие из инертной в одорологическом отношении матрицы с добавками летучих органических маркеров, структурно аналогичных демаскирующим признакам реальных наркотиков, ситуация с подготовкой и тренировкой специальных собак радикально изменилась и перестала быть криминально окрашенной, как в случае использования для натаскивания реальных наркотических веществ.

Полагаю, что хорошее знание сотрудниками таможенных органов оперативно-технических возможностей Технических Средств Поиска, современных методик и

способов их применения, овладение практическими навыками работы с ними - все это в значительной степени, на мой взгляд, непременно будет способствовать обеспечению высокого профессионального уровня таможенного контроля, начиная с обоснованного начисления пошлины и до выявления предметов контрабанды.

Таким образом, высокая результативность контроля может быть достигнута только комплексным применением технических средств на каждом конкретном участке таможенного контроля. И технические средства поиска действительно должны занять значительное место в этом ряду и определённым звеном, достойной частичкой в обеспечении формирования правового социального государства в современной России.

Юнусов Эмзари Абдулжабарович

кандидат юридических наук, старший преподаватель
Академии ФСИН России (г. Рязань)

Мокшанов Михаил Геннадьевич

курсант юридического факультета
Академии ФСИН России (г. Рязань)

ВОПРОСЫ УСТРАНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Проблема юридических коллизий является одной из актуальных в современной юриспруденции. По мнению профессора Т.Н. Радько коллизии являются результатом дефектов в правотворчестве, следствием которых является несогласованность, противоречивость правовых норм, регулирующих одни и те же отношения. [10, с. 366]

Как известно, юридические коллизии могут подрывать основы порядка и стабильности в обществе, создавать конфликтные ситуации и социальную напряженность.

Следует отметить, что проблема юридических коллизий уходит в древние времена. Платон и его ученики определяли, что именно из-за внутренних коллизий любая форма государства гибнет [6, с. 212].

С развитием общества, все большую актуальность набирает осмысление данной проблематики. Так, в этой сфере провел свое исследование известный ученый-юрист М.Т. Баймаханов. В работе были рассмотрены вопросы противоречий в формировании и развитии социалистического права, а также противоречий в процессе непосредственно реализации права. [1, с. 178]

В настоящее время под термином «коллизия» понимается «противоречие между существующими правовыми актами, институтами, притязаниями и действиями по их изменению, признанию или отторжению» [4, с. 5-11] Словарь С.И. Ожегова дает определение термину «коллизия» как «столкновение, каких либо противоположных сил, интересов, стремлений». Данное определение является слишком узким и не дает углубленного понимания этого термина. [8, с. 564]

Стоит отметить, что авторы выдвигают различные причины возникновения коллизий.

Так, профессор Н.А. Власенко классифицирует все причины появления юридических коллизий на объективные и субъективные. Под объективными причинами он понимает те, которые не могут зависеть от воли законодателя, связанные с развитием правоотношений во времени и необходимого дифференцированного регулирования отношений. К субъективным причинам Н.А. Власенко недостаток информации о правовой урегулированности какого-либо вопроса. [2, с. 132]

Профессор Н.И. Матузов к объективным причинам относит противоречивость, динамизм и изменчивость регулируемых правом общественных отношений. К

субъективным причинам – низкое качество законов, пробелы в праве, лоббизм, непродуманность или слабую координацию нормотворческой деятельности. [5, с. 159]

Проанализировав данные определения, приходим к выводу, что под юридической коллизией можно следует понимать противоречие, которое возникает в результате столкновения между нормативно правовыми актами, вызванными в результате неосторожности или ошибки законодательного органа.

Рассмотрев современное российское законодательство, следует констатировать, что существуют отраслевые и межотраслевые коллизии. Это объясняется активным развитием и преобразованием правовых источников.

К примеру, нормы, содержащиеся в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее ТК РФ), содержат множество коллизий. Ч. 4 ст. 16 ТК РФ [11, с. 34] запрещает фактическое допущение работника к работе без ведома или поручения работодателя либо его уполномоченного представителя. В этой связи ТК РФ дополнен новой ст. 67.1 (введена ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ [9, с. 3]), в которой установлены правовые последствия фактического допущения к работе представителем работодателя не уполномоченным на такой допуск. В данной ситуации работодатель и (или) его уполномоченный представитель вправе не признать трудовые отношения возникшими, но при этом должны оплатить физическому лицу фактически отработанное им время (выполненную работу).

Получается, что ненадлежащий представитель, допустивший работника к работе без заключения трудового договора, может стать причиной для признания договора незаключенным со стороны работодателя в одностороннем порядке.

Помимо коллизий внутри нормативного правового акта наблюдаем межотраслевые коллизии. Ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, а равно изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет [12, с. 23]. С другой стороны, в ст. 19.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях закреплена административная ответственность за подделку документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, а равно подделку штампа, печати, бланка, их использование, передачу либо сбыт. [3, с. 19]

Данная коллизия норм права не дает возможности найти возможную дифференциацию уголовной и административной ответственности. Как следствие - наличие проблемы вынесения решения судами в случаях подделки официальных документов, удостоверяющих личность, а также штампа, печати, бланка.

В качестве средств устранения коллизий могут выступить отмена конфликтующих норм, издание нового закона, систематизация законодательства и гармонизация юридических норм.

Считаем необходимыми создание специальной группы ученых - юристов, которые бы занимались выявлением коллизионных норм, а также поиском путей их устранения.

В последние годы стала практиковаться такая форма устранения коллизий как согласительная процедура, предполагающая создание согласительных комиссий. В ходе процедуры вырабатываются единое понимание целей, структуры нормативного акта, основных положений содержащихся в нем. Согласительные комиссии создаются между правительством и парламентом, между палатами парламента, а также в случае разногласий между органами власти РФ и органами субъектов федерации. Президент использует согласительные процедуры. [10, с. 367].

Таким образом, юридические коллизии искоренить полностью невозможно ввиду динамичного развития права. Однако, Конституцией РФ предусмотрено, наличие коллизионного права, относящегося к ведению Российской Федерацией (ст. 71), что может послужить основой для поиска своевременных путей разрешения исследуемой проблемы.

Список литературы

1. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. – Алма-Ата, : Наука Казахской ССР, 1972. – С. 250.
2. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск, 2005. – С. 286
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (Ч.1)
4. Лебедев В.А. Коллизии в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35(250).
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов. 2009. – С. 344.
6. Мокшанов А. Г. Ограничение гражданских прав актами федеральных органов исполнительной власти (на примере ФСИН России) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление – 2012. – № 4. – С. 129
7. Международное частное право: учебник. В 2 т. Том 1. – М.: Статут, 2011. – С. 339.
8. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. – М., 1997. – С.987.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» : федер. закон: [от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 52 (Ч. I)
10. Радько Т.Н. Актуальные проблемы права. Учебник для магистров. – М.: 2012. – С. 427.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (Ч. 1)
12. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон :[от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ] //Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25.

Герман Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России (г. Новосибирск)

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

По действующему административному законодательству органы публичной администрации имеют статус юридического лица, обладая тем же объемом правосубъектности, комплексом прав, обязанностей и гарантий деятельности. Однако такой элемент административно-правового статуса как административная ответственность органа исполнительной власти реализуется не в полном объеме, предполагая определенные исключения для данной категории юридических лиц.

Наличие у органов публичной администрации статуса юридического лица предполагает, что теоретически любой из них при совершении административного правонарушения должен быть привлечен к административной ответственности. Реакцией

на превышение должностных полномочий или их ненадлежащее исполнение со стороны органа публичной администрации является привлечение к административной ответственности соответствующих должностных лиц, действующих от их имени.

Сам орган публичной администрации остается безнаказанным, продолжая своими действиями (бездействием) нарушать права (интересы) различных субъектов.

При этом, существующие административные наказания, применяемые в отношении юридических лиц уже изначально не могут решить проблему эффективности механизма административной ответственности органов публичной администрации. В отношении юридических лиц законодатель предусмотрел следующие виды административных наказаний: предупреждение, административный штраф, конфискация, административное приостановление деятельности [1. Ст. 3.2.].

Однако, ни одно из существующих административных наказаний не решает проблему безнаказанности органа исполнительной власти, поскольку административное приостановление деятельности касается деятельности тех организаций, в результате деятельности которых возникает угроза жизни или здоровью людей, эпидемии, эпизоотии, наступления радиационной аварии и т.д. То есть речь идет о производственных объектах. Предупреждение выступая в качестве административного наказания будет малоэффективным, а применение административного штрафа и конфискации нецелесообразным.

Какой смысл назначать органу публичной администрации административный штраф, который идет в государственную казну, если этот орган финансируется за счет государственного бюджета? Получается, что государство просто перекладывает деньги «из одного кармана в другой», не реализуя ни карательной ни правосстановительной функции закона [5. С. 101].

В этой связи возникает вопрос об экономической целесообразности взыскания штрафа с органа публичной администрации, финансируемого из государственного бюджета и зачисляемого в этот же бюджет.

Некоторые авторы полагают, что в современных экономических и политических условиях жизни российского общества в принципе нецелесообразно сохранять институт административной ответственности юридических лиц, выступающий во многом не правовым и несоразмерным средством давления на бизнес и преследующий цель не столько обеспечения правопорядка, сколько пополнение бюджетов всех уровней [4. С. 62-63].

Не умаляя необходимости привлечения к юридической ответственности органов публичной администрации за совершение ими административных правонарушений, предусмотренных Особенной частью КоАП РФ, следует признать действующий административно-правовой механизм ответственности органов публичной администрации не вполне оправданным.

Кроме того, насколько обоснованно привлекать орган публичной администрации к административной ответственности за нарушение норм и правил, которое было допущено в процессе реализации исполнительно-распорядительной деятельности органа государственной власти не в качестве юридического лица в гражданско-правовом смысле, а в качестве организации, являющейся носителем властных полномочий?

Представляется, что механическое приравнение органа публичной власти при привлечении его к административной ответственности к обычному юридическому лицу как субъекту административного правонарушения является недопустимым. В обоснование такого вывода, исследователи приводятся следующие аргументы.

Юридическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности за такое нарушение правил и норм, которое было совершено в ходе его коммерческой (некоммерческой) финансово-хозяйственной деятельности именно как юридического лица. Орган же публичной власти осуществляет свою организационно-распорядительную, управленческую или иную властную деятельность не как юридическое лицо, а как

властвующий субъект административных, муниципальных или иных публичных правоотношений. Наличие у него статуса юридического лица никак не влияет на осуществление указанной деятельности. В этой связи допущение органом публичной власти в ходе своей основной деятельности нарушения определенных правил и норм не может быть квалифицировано как административное правонарушение, совершенное им как юридическим лицом [3. С. 69].

При привлечении государственных органов к административной ответственности возникает парадоксальная ситуация, когда одни государственные органы штрафуют другие государственные органы, государство наказывает само себя за то, что в силу объективных или субъективных причин не смогло обеспечить надлежащее исполнение соответствующих правил и норм, которые само же и установило [3. С. 70].

С учетом изложенного представляется, что при установлении событий административных правонарушений, совершенных в ходе властной деятельности публичной администрации, указанные органы не должны привлекаться к административной ответственности как юридические лица в соответствии с КоАП РФ.

Административную ответственность в таких случаях следует применять только к должностным лицам указанных органов, непосредственными действиями (бездействием) которых совершаются соответствующие административные правонарушения.

При этом необходимо существенное усиление ответственности указанной категории должностных лиц, поскольку обладая властными полномочиями они могут причинить больший вред государству и обществу чем другие участники административных правоотношений. Поэтому вполне обоснованным будет применение к должностным лицам - государственным служащим бессрочной дисквалификации.

Возможно, что данная новелла позволит решить проблему эффективной системы государственной и муниципальной службы и упорядочить институт административной ответственности юридических лиц, превратить его из инструмента необоснованного давления на бизнес в инструмент разумного правового воздействия.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) // Российская газета. – 2001. – № 256.
2. Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях 2-е изд. Серия 1. – Москва.: Юрайт, 2010. –1667 с.
3. Панов А.Б. Юридическое лицо - субъект административной ответственности // Административное право и процесс. – 2012 – № 6. – С. 69-72.
4. Соловей Ю. П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2014. – № 2. – С. 56-63.
5. Усенко Ю.Н. К вопросу об административной ответственности органов исполнительной власти в РФ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2007. – № 9. – С. 99-103.

Мкртычян Борик Апетович

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и таможенного дела, декан юридического факультета Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ И
ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

В России возросло количество хищений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Лидером по темпам роста в сфере киберпреступности сегодня является мошенничество с использованием банковских карт. Такие преступления обычно совершаются членами разветвленных, хорошо организованных преступных групп, участники которых имеют свою преступную специализацию.

В этом отношении Россия, к сожалению, идет в ногу с остальными странами мира. По мнению европейских специалистов, от киберпреступников уже пострадало более 430 млн. человек. Сотрудники Бюро Специальных Технических Мероприятий провели ряд успешных операций по пресечению деятельности мошенников, похищавших деньги с банковских счетов граждан и организаций. Общий ущерб от действий злоумышленников превышает десятки миллионов рублей.

Киберпреступность на сегодняшний день обогатила русский язык новыми словами – «кардинг», «фишинг» и «скининг». Кардинг – использование краденной или подделанной платежной карточки или ее реквизитов для получения наличных или приобретения товаров и услуг. Фишинг – вид мошенничества, цель которого – обманом путем получить у владельца карты информацию о ее реквизитах. Скининг – мошенничество с использованием специальных электронных приспособлений, которые позволяют фиксировать и дистанционно передавать информацию о платежной карточке во время снятия денег в банкомате в режиме реального времени.

Крупные хищения для каждого отдельного банка достаточно редки – одно-два события. Подавляющее большинство этих хищений в размере 5-10 тыс. руб. с пластиковых карт. По таким фактам в правоохранительные органы обращаются около 13% потерпевших.

Однако согласно статистики следует отметить, что такого рода преступления в связи с их спецификой и изощренностью приносят немалый вред и ущерб как гражданам так и государству это можно посмотреть в статистике от ущерба мошенничества с пластиковыми картами.

Субъект предварительного расследования сталкивается с родом проблем, которые возникают в период принятия решения по поступившему на рассмотрение материалу проверки сообщения о поступлении.

Следует обратить внимание на то, что при составлении криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем и систем определенного вида, необходимо учитывать закономерные особенности, присущие сфере электронных платежей, а именно правовое регулирование деятельности в сфере электронных платежей осуществляется несколькими отраслями права – банковским, гражданским и информационным, что осложняет расследование преступлений рассматриваемой категории и их квалификацию. Несмотря на то, что в настоящее время

действует закон «О национальной платежной системе», остается часть электронных платежей, не попадающая под его регулирование (например, платежи в онлайн - играх).

Так при поступлении заявления в правоохранительные органы возникают определенные сложности при принятии объективного решения. Это связано с тем, что не так давно как указывалось ранее мошенничество являлось одним преступлением, охватывающим все способы его совершения и деление его приходилось только по квалифицирующим признакам. У следователей, конечно, возникали некоторые проблемы с квалификацией, но только в части границы между кражей и мошенничеством. В настоящее время законодатель зачем-то добавил ряд статей мошенничества, где просто разделил его по способам его совершения. Ряд данных статей просто не работают на практике, часть из них просто заканчиваются, не начавшись на стадии материала, но все же две из них возбуждаются и расследуются и даже имеется судебная практика по данным делам, это ст. 159.3 и 159.6 УК РФ.

Вопрос что делась с остальными способами совершения мошенничества остается открытым.

При поступлении заявления или сообщения о преступлении в правоохранительные органы у органа предварительного следствия возникают определенные проблемы при верной квалификации деяния. К примеру, обман может заключаться в эксклюзивных предложениях, которые содержатся в сообщениях на различных форумах, размещаемых мошенниками, в виде сообщения о том, что можно выиграть больше денежных средств при минимальных усилиях, а именно потерпевшего просят перечислить N сумму денег в WebMoney кошелек, после чего сумма вернется в двойном размере, лицо ничего не подозревая, перечисляет, таким образом, определенные денежные средства после чего деньги изначально возвращаются в двойном размере. Однако после нескольких раз перечисления денежных средств и их возврата, как правило, мошенники просят перечислить более высокую сумму денежных средств, однако после этого и сайт не работает и денег лицо не видит.

В данном случае расчет мошенников на то, что прочитавший это сообщение человек захочет утроить хотя бы небольшую сумму денег и отправит на указанные кошельки определенную сумму денег. В то же время при квалификации данных деяний возникают определенные трудности, в особенности это касается квалификации по такому признаку, как предмет преступления. Изложенное выше, относительно правовой природы электронных денег, вызывает вопрос, можно ли назвать электронные деньги предметом преступлений против собственности. Для большинства преступлений против собственности характерен такой предмет, как имущество (вещи). В то же время электронные деньги не являются вещами, а значит, они не могут выступать в качестве предмета большинства преступлений против собственности (кражи, присвоения и растраты, грабежа, уничтожения или повреждения имущества, мошенничества).

Следует отметить, что до момента выполнения банком требования виновного хищение нельзя считать оконченным: денежные средства находятся в собственности банка, а значит, у виновного отсутствует реальная возможность распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению или пользоваться ими как своими собственными. Определить момент окончания хищения («обналичивание» похищенных денежных средств либо их перечисление на иной счет) в этом случае становится практически невозможным, потому что находящиеся на счете безналичные денежные средства носят обезличенный характер и их невозможно разделить на похищенные и полученные законным путем.

В то же время данные деяния, при наличии соответствующих доказательств, можно, на мой взгляд, квалифицировать как покушение на хищение. Кроме того, следует иметь в виду, что предметом некоторых преступлений против собственности могут выступать не только вещи, но также и имущественные права. Это характерно для таких преступлений против собственности, как мошенничество. Для определения момента окончания данного

преступления следует обратиться к положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Согласно п. 12 данного Постановления, «с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного». Поскольку, согласно современному законодательству о платежных системах, электронные деньги практически приравниваются к безналичным денежным средствам, представляется возможным распространять вышеизложенные правила квалификации также и на мошенничества и вымогательства с электронными деньгами. Несомненно, принятие Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» снизило уровень криминала в электронных платежных системах Интернета. Так, до принятия данного Закона, когда правовой статус электронных денег еще не был определен, в Интернете орудовали мошенники, называвшие себя «виртуальными банкирами». Они привлекали «вклады» электронными деньгами. Согласно действовавшему тогда законодательству, совершение таких операций было невозможно. Также достаточно трудно было доказать наличие в данных действиях состава преступления, в части установления признака предмета преступления. В настоящее время с упорядочиванием на уровне закона порядка оказания платежных услуг деятельность мошенников существенно осложнилось. Так, в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», использование электронного средства платежа клиентом - юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем осуществляется с проведением его идентификации оператором электронных денежных средств.

А в соответствии с п. 5 данной статьи общая сумма переводимых электронных денежных средств с использованием одного неперсонифицированного электронного средства платежа не может превышать 40 тыс. руб. в течение календарного месяца. Таким образом, можно сделать вывод о том, что принятие нового закона должно было существенно увеличить безопасность гражданского оборота в Интернете и снизить уровень имущественной преступности, совершаемой с использованием платежных систем. Однако в настоящее время наблюдаются рост преступности с использованием платежных систем наибольшей распространенностью пользуются интернет мошенничество и хищение денег с банковских счетов юридических и физических лиц с помощью компрометации систем интернет банкинга.

Одна из причин такого положения дел кроется в проблеме квалификации преступлений такого рода. Подобные преступные деяния квалифицируются как мошенничество по ст. 159 УК РФ. И поскольку данный состав преступления специального квалифицирующего признака - совершение в сети Интернет или в сфере компьютерной информации, использованием платежной системы - не имеет, то квалификация осуществляется в совокупности со статьями 272 и (или) 273 УК РФ. Таким образом, рассматриваемые преступные деяния охватываются как главой 21 УК РФ (Преступления против собственности), так и главой 28 УК РФ (Преступления в сфере компьютерной информации), что подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда РФ №51 от 27 декабря 2007 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Таким образом, как указывалось ранее, для решения данной проблемы Верховным Судом РФ 11 апреля 2012 года в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

и иные законодательные акты Российской Федерации»[1], в котором предлагалось среди прочих выделить в самостоятельные составы преступлений мошенничество с использованием платежных карт, однако остальные платежные системы остались за пределами внимания законодателя.

Таким образом, ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт» в части 1 данной статьи дает нам следующее определение: «Мошенничество с использованием платежных карт, то есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации». Сразу бросается в глаза отсутствие одного из способов хищения из основного состава - «путем злоупотребления доверием». Возникает вопрос: в каждом составе в ст. 159.1–159.6 УК РФ в понятии «мошенничество» уже используется способ совершения «путем обмана или злоупотреблением доверия» или в каждом составе эти способы совершения мошенничества используются только, когда прямо указано на это?

Кроме того, следует отметить, что данный состав применим только при мошенничестве через отделения организации с прямым взаимодействием с работниками. Получается, что при использовании платежных карт через банкоматы или организации, где нет прямого взаимодействия с работником, данный состав не применим. Возникает вопрос: как квалифицировать данное преступление, если обработка, например, в торговой организации осуществляется автоматизировано? Также стоит отметить, что представляется крайне затруднительным доказать сам факт обмана работника организации, как того требует ч. 1 ст. 159.3 УК РФ.

Принятые нововведения носят достаточно спорный характер. Вместо того чтобы качественно переработать законодательство в сфере преступлений с использованием платежных систем, число которых постоянно возрастает, а ущерб исчисляется миллионами долларов США, законодатели пошли по пути временного решения проблемы: вводятся статьи, которые, по сути, являются специальными видами мошенничества, при этом фактически снижая санкции за хищения денежных средств в системах интернет банкинга и платежных систем.

В итоге из-за несовершенства правовых норм Российской Федерации, отсутствия жестких санкций, устойчивой правоприменительной практики и систематического повышения квалификации по вопросам противодействия преступлению с использованием платежных систем преступники несут ответственность, несоизмеренную совершенным деянием.

Рассматривая данные статьи, следует отметить что, законодателями и, соответственно, судебными органами не в полной мере осознается опасность преступлений в сфере компьютерной информации. Стоит отметить, что поправки в гл. 28 УК РФ и в ст. 159 УК РФ были внесены без учета мнения специализированных правоохранительных органов (имеющих опыт расследования преступлений в сфере платежных систем) и отраслевых организаций.

Таким образом, для усиления противодействия преступности в сфере расследования преступлений с использованием платежных систем со стороны российских правоохранительной и судебной систем предлагается реализовать ряд мероприятий.

1. Необходимо внести дополнения в методические рекомендации по расследованию преступлений связанных с мошенничеством такой категорией преступлений как мошенничества с использованием ЭПС.

2. Организовать программы повышения квалификации, в качестве семинаров для сотрудников, где будет рассматриваться методика проведения отдельных следственных действий по преступлениям рассматриваемой категории, проблемам их квалификации, изучения новых способов совершения данных преступлений и внесение новых предложений от сотрудников по вопросам расследования мошенничества с использованием ЭПС.

3. Для восполнения пробела в законодательстве, а именно отсутствия нормы права, которая бы закрепляла ответственность за данные преступления, внести поправки в статью Уголовного кодекса ст. 159.3 «Мошенничество с использованием платежной банковской карты». А именно изменить наименование данной статьи с ранее указанного на следующее «Мошенничество с использованием ЭПС», данная статья включала бы в себя способы совершения преступления, которые указывались бы в части первой данной статьи и их полная характеристика приводилась бы в примечании к данной статье для полного понимания их смысла при правоприменении.

Реализация данных мер позволит существенно повысить степень раскрываемости преступлений в сфере мошенничества с использованием электронной платежной системы, изменить существующую правоприменительную практику.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Российская газета. – 2012. – № 278.

Мкртычян Борик Апетович

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и таможенного дела, декан юридического факультета Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ (ЭПС)

Историческое развитие уголовного законодательства об ответственности за преступление против собственности. Собственность составляет экономическую основу существования любого общества, а неотчуждаемое право быть собственником является важнейшей гарантией осуществления прав и свобод личности. Охрана прав собственника является неременной компонентой деятельности любого государства, которое обязано гарантировать стабильность отношений собственности, обеспечивая условия их защиты.

Начиная с ранних истоков первым известным источником права, который составлен в письменном содержании - это договор Олега с Византией 911 года. В нем и упоминается Закон русский, который содержал некоторые нормы уголовного права Древней Руси. [1]

Но основным правовым документом того времени считается Русская Правда (она дошла до нас в трех основных редакциях: Краткая, Пространная и Сокращенная). Русскую Правду можно определить как кодекс частного права, где все ее субъекты являлись физическими лицами, кроме холопа, который был бесправным субъектом, а ответственность за холопа нес его хозяин. Русская Правда определяла преступление как «обиду», нанесенную потерпевшему, в результате причинения ему материального (физического, имущественного) или морального вреда. Однако, рассматривая первый источник, где преступления делятся на некоторые категории Русская Правда не знает термина мошенничество, но имеет в виду некоторые виды деяний этого рода: злостное банкротство (Ст. 133) и торговый обман при продаже коней (доп. ст. 1); последний случай, впрочем, ведет лишь к гражданскому удовлетворению.

Из имущественных преступлений, известных Русской Правде, первое место занимает татьба. В уголовной оценке татьбы по Русской Правде конкурируют субъективный и объективный взгляд на преступление: тяжесть татьбы определяется

ценностью украденного; впрочем, все предметы разделены только на три категории: высшую, за предметы которой взыскивается 12 гривен продажи (холоп – Ст. 34, бобр - Ст. 81); среднюю с продажей в 3 гривны (рогатый скот - Ак. 29 и Ст. 38, пчелы - Ст. 87, охотничьи собаки и птицы - Ст. 93); прочие предметы включаются в низшую категорию с продажей в 60 кун. Но рядом с этим уголовная тяжесть татьбы измеряется и напряженностью преступной воли именно так: «Если кто украдет скот в хлеве, то 3 грив, и 30 кун, а если кто украдет скот на поле, то 60 кун» (Ст. 38-39), т. е. кража вещей, охраняемых собственником, карается гораздо тяжелее кражи простой, так как в 1-м случае преступнику предстояло преодолеть более препятствий для исполнения преступного намерения. Так, помимо характеристики самого преступления совершаемого лицом, в данном историческом источнике возникает первое упоминание о тяжести преступления и границах привлечения к ответственности.

Позднее в 1550 году издается Судебник Ивана Грозного IV, уже в данном законодательном акте впервые встречается термин «мошенничество». Так, в ст. 58 Судебника указывается: «Мошеннику та же казнь, что и татю». Далее в той же статье Судебника законодатель отмечает: «А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищей иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутъем». Здесь обращает на себя внимание указание на обман, поскольку «оманщиком» можно было назвать только того, кто совершал обман. Следовательно, законодатель начинает выделять обман как способ совершения хищения чужого имущества. Такой подход концептуально уже близок к современной трактовке мошенничества. Вместе с тем Судебник не детализирует мошенничество как вид преступного хищения чужого имущества.

Тем не менее, само упоминание этого термина, который употребляется современным законодателем, представляется знаменательным, поскольку определяет точку отсчета развития этого вида общественно опасного деяния. [2]

М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что в ст. 58 Судебника было впервые проведено четкое различие между кражей и мошенничеством: мошенничество, предусмотренное ст. 58 Судебника 1550 года, охватывало случаи и торгового обмана.[3] В этот период судебная практика признает обман в его значении близком к тому, что понимается под мошенничеством сегодня в уголовном праве, однако закона, карающего за самый распространенный вид обмана - мошеннический не существовало. Указание на то, что мошенничество возможно и без татьбы (кражи), в законодательстве впервые появилось в Указе 1573 года (дополнение к Судебнику). К таким деяниям закон относил, например, подкуп для дачи ложных показаний. Следовательно, впервые обособленная ответственность за мошенничество в российском уголовном законодательстве была установлена лишь в середине XVI в.

В Соборном уложении 1649 года в отношении мошенников воспроизводилось старое правило уложений, установленных для татей: «...да и мошенникам чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу», при этом значительно усиливалось наказание за совершение этого преступления. Состав мошенничества был закреплен в Соборном уложении, хотя сам способ раскрыт не был. Понятие его автоматически подразумевалось таким же, как и в Судебнике. Причем мошенническим обманом называли не только деяния, вводившие в заблуждение потерпевшего, сколько неожиданные для потерпевшего действия.

Высочайший Указ Екатерины II от 3 апреля 1781 года «О суде и наказании за воровство различных родов и о заведении рабочих домов» стал новой вехой в истории имущественных преступлений. Названный Указ знаменит тем, что придал понятию «воровство» значение исключительно похищения имущества и предложил определения трех его видов: воровство- кражу; воровство-мошенничество; воровство-грабеж. Наряду с прежним понятием обмана при мошенничестве - ловкой или внезапной кражей - добавилось описание его способа, близкое к современному пониманию - если кто-либо, купив что-то, «не оплатит и скроется; обманом или вымыслом продаст или отдаст

поддельное за настоящее, или весом обвесит или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит ему не принадлежащее без воли и согласия того, чье оно», исходя из чего можно сделать вывод о том, что к мошенничеству следовало относить и завладение имуществом путем обмана, хотя это и не определялось отдельно, но имело уже описание, близкое к современному пониманию.

Устав Благочиния 1782 года предусматривал такие виды имущественных обманов, как обман в торговле, контрабанда, банкротство. Под обманом понимался способ действия, не только вводящий в заблуждение потерпевшего, но и рассчитанный на внезапность, ловкость, порывистость, не дающий времени потерпевшему противодействовать. Обман не должен был содержать насилия и принуждения, также необходимо было усмотреть корыстные намерения.[4] Устав 1782 года строго отграничивал мошеннический обман от других видов обмана, не имеющих имущественного характера.

Свод законов уголовных 1832 года к обманам относил две группы преступлений: имущественные обманы; лживые поступки и подлоги. Мошенничество относилось к первой группе.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1866 года также были закреплены меры ответственности за мошенничество вводилось четкое разграничение понятий воровства (кражи) и мошенничества (ст. 2128), определялись различные виды злоупотребления доверием и способы обмана, используемые при совершении сделок.[5]

22 марта 1903 года Николаем II было утверждено Уголовное уложение, которое так и не было полностью введено в действие. Согласно ст. 591 гл. 33 «О мошенничестве» к последнему относилось: похищение посредством обмана чужого движимого имущества с целью присвоения; похищение чужого движимого имущества с целью присвоения посредством обмера, обвеса или иного обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке»; побуждение посредством обмана с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу».[6] При этом виды мошенничества совпадали с видами воровства. Статьи 592-598 предусматривали ответственность за специальные виды мошенничества (обман в запрещенных сделках и обман лицом, ложно выдавшим себя за служащего или за лицо, исполняющее поручение служащего, страховой обман, ложное объявление аварии капитаном торгового судна), ст. 577-578-за злоупотребление доверием.[7] К 1917г. уровень имущественных отношений в российском обществе был таков, что уголовное право вплотную подошло к необходимости законодательного определения мошенничества.

В период с 1917 по 1922 гг. в СССР были изданы законодательные акты, предусматривающие общие основы борьбы с преступлениями против собственности. К ним относятся: Декрет СНК «О суде №1» от 24 ноября 1917 года[8], декрет «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» от 1 июня 1921 года.

Само мошенничество как преступление против собственности было закреплено в УК РСФСР 1922 года в главе об имущественных преступлениях. Ст. 187 предусматривала ответственность за мошенничество в отношении личного имущества граждан, ст. 188-за мошенничество в отношении социалистического имущества. Предусматривалось, что мошенничество в отношении имущества частных лиц влекло исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или лишение свободы на тот же срок, мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению, каралось лишением свободы на срок до одного года.

Следующим этапом было закрепление мошенничества в УК РСФСР 1926 года.[9] В соответствии с дифференциацией собственности в государстве, разделялась и ответственность за мошенничество: часть 1 ст. 169 УК предусматривала ответственность за мошенничество в отношении личного имущества граждан, а часть 2 названной статьи -

за мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению.[10]

4 июня 1947 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Он стал единственным актом, предусматривающим ответственность за хищение, т. к. на тот период соответствующие статьи УК 1926 года не применялись. Указ не давал исчерпывающего перечня форм хищения. Однако на практике выделение форм (в том числе и мошенничества) происходило в соответствии со статьями Уголовного кодекса (хотя при квалификации на них не ссылались). Период его действия закончился лишь в 1958 году с принятием «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря и Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года, введенного в действие с 1 января 1961 года.

Нормами Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года, устанавливалась ответственность за хищение государственного или общественного имущества, совершенного путем мошенничества (ст. 93) и ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94).[11]

Изменениями, произошедшие в политической, экономической, социальной сферах общественной жизни России, послужили принятию 24 мая 1996 года нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Раздел VIII (Преступления в сфере экономики) которого, открывает глава 21 (Преступления против собственности), определяющая в статье 159, понятие и ответственность за мошенничество.[12]

Данная статья была единственной в своем роде в уголовном законодательстве, она охватывала все способы и тонкости совершения данного преступления, однако Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс был дополнен новеллами, предусматривающими ответственность за мошеннические деяния, совершаемые в различных сферах деятельности.

Так в настоящее время Уголовный Кодекс Российской Федерации дополнился следующими статьями, а именно:

1. Ст. 159.1 УК РФ Мошенничество в сфере кредитования;
2. Ст. 159.2 УК РФ Мошенничество при получении выплат;
3. Ст. 159.3 УК РФ Мошенничество с использованием платежных карт;
4. Ст. 159.4 УК РФ Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности;
5. Ст. 159.5 УК РФ Мошенничество в сфере страхования;
6. Ст. 159.6 Мошенничество в сфере компьютерной информации.[13]

Понятия и квалификация преступлений против собственности на современном этапе. Переходя к рассмотрению данного вопроса, следует уточнить определение такого понятия как «собственность». Итак, собственность как экономическая категория представляет собой общественно-производственное отношение по поводу присвоения лицами - индивидуумами и коллективами - предметов природы, естественных и созданных трудом; 2) как юридическая категория означает принадлежность имущества определенным лицам - индивидам или коллективам на определенных условиях и в определенных формах (право собственности в субъективном смысле). Конституция РФ и ГК РФ признают и гарантируют равноправие следующих форм собственности: государственной (федеральной и субъектов РФ); муниципальной; частной. Конституция РФ допускает также существование иных форм собственности; 3) гражданско-правовой институт, представляющий совокупность юридических норм, регулирующих экономические отношения собственности методами гражданского права (право собственности в объективном смысле); 4) само имущество, принадлежащее какому-либо субъекту на праве собственности.[14]

Желание присваивать и обладать всегда было присуще человеку по своей природе. Поэтому вполне логично будет заявить, что с древнейших времен преступления против собственности составляли немалую часть всех преступных деяний, совершаемых людьми.

В наше время, когда роль материальных ценностей в жизни человека увеличилась, ситуация мало изменилась. Более того, проблема преступлений против собственности становится всё более и более актуальной.

Список литературы

- [1]Портнов В.П. История государства и права России. Лекции. М.: Изд-во МГУ М.В. Ломоносова,1999. – 150с.
- [2]Цит. по: Л.Л. Кругликов. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. – М., 2004. – С. 112.
- [3]Цит. по: Тимина Т.М. К вопросу об определении мошенничества в уголовном праве дореволюционной России // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 28.
- [4] Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.5. – М., 1987. – С. 370, 384-385.
- [5] История государства и права России. Учебник / под ред. Ю.П. Титова. –М., 2002. – С.112.
- [6]Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М., 1998. – С.32.
- [7]Уголовное уложение 1903г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.9. – М., 1994. – С. 240- 320.
- [8] Сам декрет номера не имел; декретом № 1 его стали именовать позднее, после появления декретов №2 и 3.
- [9]Постановление ВЦИК от 22.11.1926г. «О введении в действие уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. – 1926. – №80.
- [10]Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года, (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР от 19.02.1926- СЗ СССР, 1926, N9, ст.71; от 05.03.1926 – СЗ СССР, 1926, N 15, ст. 106 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
- [11] Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.// Ведомостях Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- [12]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. N 113, 114, 115, 118.
- [13] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Российская газета. – 2012. – № 278.
- [14]Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова – М. Название: Юридический словарь. Издательство: Инфра- М, 2001.

Витюк Владимир Васильевич

кандидат юридических наук, доцент

Сибирского государственного университета путей сообщения,
Новосибирского государственного аграрного университета,
полковник таможенной службы в отставке (г. Новосибирск)

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАМОЖЕННОЙ СТОИМОСТИ ПО СТОИМОСТИ СДЕЛКИ С
ВВОЗИМЫМИ ТОВАРАМИ (МЕТОД 1) В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ
ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА**

Современное таможенное законодательство Евразийского экономического союза (ЕАЭС) находится в стадии своего формирования. Так, в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014г. между Республиками Беларусь, Казахстан, Российской Федерацией [1], Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) между указанными странами, в рамках которого между ними был образован Таможенный союз (ТС), было реформировано путем учреждения ЕАЭС. Согласно условий Договора о ЕАЭС (п.1 ст.6, п.1 ст.99), право Союза (ЕАЭС) составляют: а) Договор о ЕАЭС от 29.05.2014г.; б) международные договоры, заключенные в рамках Союза; в) международные договоры Союза с третьей стороной; г) решения, распоряжения органов управления Союза; д) международные договоры государств-членов ТС, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства (действующие на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС и применяющиеся в части, ему не противоречащей); одновременно, в соответствии с положениями п.1 ст.101, ст.113 Договора о ЕАЭС, приложения № 33 к нему, «до вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27.11.2009г. и иными международными договорами государств-членов ТС, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в соответствии со ст.99 Договора в право Союза ...», действие которых не прекращено, в связи с вступлением в силу Договора о ЕАЭС, и не приведено в приложении № 33 к нему (перечень договоров, утративших для ЕАЭС силу).

Соответственно указанному, в части таможенного законодательства Таможенного союза ЕврАзЭС [8], регламентирующего определение таможенной стоимости товара, в качестве таможенного законодательства ЕАЭС действуют международные договоры государств-членов ТС ЕврАзЭС, заключенные по указанному вопросу при формировании договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, а именно: а) Таможенный кодекс Таможенного союза [2]; б) Соглашение между Правительствами РБ, РК и РФ от 25.01.2008г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» [3]; в) решение коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 20.12.2012г. № 283 (в редакции решений от 26.03.2013г. № 53, от 02.12.2013г. № 279) «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» [4]; г) решение коллегии ЕЭК от 15.07.2014г. № 112 «Об утверждении Положения о добавлении вознаграждения посредникам (агентам) и вознаграждения брокерам к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товары» [5]; д) решение коллегии ЕЭК от 15.07.2014г. № 113 «О Положении об использовании при применении методов определения таможенной стоимости товаров документов, соответствующих общепринятым принципам бухгалтерского учета» [6]; е) Решение комиссии Таможенного

союза от 20.09.2010г. № 376 «О порядке декларирования, контроля и корректировке таможенной стоимости товара» [7].

В силу принципа системности методов определения таможенной стоимости товаров и процедурности их применения, вытекающего из положений п.1 ст.2 Соглашения от 25.01.2008г., указанным Соглашением установлены способы определения таможенной стоимости товаров путем применения одного из шести перечисленных в Соглашении методов, а именно: а) метода по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1); б) метода по стоимости сделки с идентичными

товарами (метод 2); в) метода по стоимости сделки с однородными товарами (метод 3); г) метода вычитания стоимости товаров (метод 4); д) метода сложения стоимости товаров (метод 5); е) резервного метода (метод 6).

Наличие совокупности названных методов и существование между ними определенных связей, установленных процедурой, образует систему указанных методов; функционирование же системы осуществляется за счет существующей процедуры, т.е. порядка и правил применения методов определения таможенной стоимости, суть которого заключается в следующем:

а) основой для определения таможенной стоимости товаров является (в максимально возможной степени) стоимость сделки с ввозимыми товарами, а соответственно, основным методом определения таможенной стоимости является метод по стоимости сделки с ввозимыми товарами, т.е. метод 1. Первоосновность указанного метода предполагает обязательность применения метода 1 первым и неиспользование других методов при наличии оснований и возможности определения таможенной стоимости по методу 1;

б) если таможенная стоимость товаров не может быть определена по методу 1, то она определяется последовательно по методам 2 (по стоимости сделки с идентичными товарами) и 3 (по стоимости сделки с однородными товарами);

в) при невозможности определения таможенной стоимости товаров по методам 2 и 3, она определяется последовательно по методам 4 (вычитания стоимости товаров) и 5 (сложения стоимости товаров). Декларант (таможенный представитель) вправе изменить очередность применения методов: на 5 и 4;

г) при невозможности определения таможенной стоимости товаров ни по одному из пяти методов, таможенная стоимость определяется по методу 6 (резервному), с использованием методов 1-5, совместимых с принципами определения таможенной стоимости, на основе данных, имеющихся в распоряжении таможенного органа на таможенной территории Союза (так называемое «гибкое применение методов 1- 5»).

Роль и место метода 1 в системе методов определения таможенной стоимости, его значимость подтверждается не только требованиями законодательства, но данными практической деятельности таможенных органов, согласно которым в регионе деятельности Сибирского таможенного управления за 2010-2014г.г. доля указанного метода в системе методов определения таможенной стоимости постоянно является доминирующей и с положительной динамикой роста доли с 50% до более чем 70% за период с 2010г. по 2014г.г.

Таблица 1

Динамика долевого соотношения применения таможенными органами СТУ метода определения таможенной стоимости по стоимости сделки с ввозимыми товарами (2010 – 2014г.г.)*

Долевое соотношение применения метода 1 определения таможенной стоимости (%)	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014

	51,63	67,92	72,21	70,62	70,51
--	-------	-------	-------	-------	-------

*Источник: данные статистической отчетности службы федеральных таможенных доходов СТУ.

Для целей применения метода 1, согласно п.1 ст.4 Соглашения, под таможенной стоимостью товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза (ЕАЭС), понимается стоимость сделки с ними (товарами), т.е., цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию Союза и дополненная в соответствии с положениями ст.5 Соглашения. Таким образом, основу таможенной стоимости по методу 1 составляет стоимость сделки, которая, в свою очередь, определяется через понятие цены товара, которая фактически уплачена или подлежит уплате за ввозимые товары. Соответственно, ценой, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, является общая сумма всех платежей за эти товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем как непосредственно продавцу, так и иному (третьему) лицу в пользу продавца, осуществленные прямо или косвенно, в любой форме, не запрещенной законодательством государства-члена Союза (т.е., в денежной и безденежной; не только применяя непосредственное перечисление (перевод) денежных средств, но и с использованием иных форм расчетов – аккредитивом, векселем, сертификатом, чеком, облигацией, акциями и пр., а также путем взаимозачетов, погашения задолженности оказанными услугами (работами) и пр., не предполагающих денежные расчеты).

Метод 1 применяется только при соблюдении определенных условий, которые именуются условиями применения метода:

1. Соответствие сделки с ввозимыми товарами виду и условиям внешнеторговой сделки.

Из определений понятий «таможенная стоимость товара», «цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате ...» вытекают следующие требования к сделке, по которой товары ввозятся на таможенную территорию Союза: а) сделки должны являться сделками по продаже товара на вывоз (экспорт) на таможенную территорию Союза (купля-продажа, поставка и т.п.); б) стороны сделки должны иметь статус продавца и покупателя; в) продаваемый товар подлежит оплате покупателем прямо или косвенно, денежно или безденежно продавцу либо иному лицу в пользу продавца. Указанные требования в совокупности предопределяют сделку как внешнеторговую типа купли-продажи (поставки), по которой товар подлежит передаче от продавца в собственность покупателю и соответственно – перемещению через таможенную границу Союза.

В силу указанного, любое несоответствие вида и условий внешнеторговой сделки названным требованиям, исключает применения метода 1, к примеру: а) безвозмездная сделка (поставка гуманитарной помощи); б) сделка дарения; в) бартер (мена); г) взнос товара в уставный капитал; д) передача имущества от юридического лица своему филиалу/представительству и т.п.

2. Отсутствие ограничений в отношении прав покупателя на пользование и распоряжение товарами, за исключением ограничений:

а) которые ограничивают географический регион, в котором могут быть перепроданы товары;

б) существенно не влияющих на стоимость товара;

в) установленных совместным решением органов Союза.

Ограничение места перепродаж покупателем товара географическим регионом, по мнению законодателя, не являются правоограничением, могущим влиять на права покупателя в отношении правомочий по купленному им товару; к примеру: ограничение дилера, осуществляющего продажу товара производителя, конкретным регионом, в котором дилер вправе торговать товаром, приобретенным у производителя. Ограничения, существенно не влияющие на стоимость товара, могут быть многообразны и носят оценочный характер, исходя из условий, имеющих характер определенных ограничений

имущественных или обязательственных прав покупателя на товар, возложения на него каких-либо обязанностей по отношению к правомочиям на товар, к примеру: желание продавца автомобилей, чтобы покупатель, перепродавая их, наносил на автомобили логотип национального флага страны производителя или начинал продажу поставляемых партий автомобиля только после определенного времени их рекламы в демонстрационном центре. Наоборот, индивидуальные условия сделки, повлиявшие на цену товара, исключают применение метода 1, к примеру: продажа товара по иной, более низкой, чем рыночная цена товара, с условием его использования в каких-либо интересах продавца (участвовать с указанным товаром в качестве его рекламы на ярмарках, представлять на презентациях, использовать в благотворительных целях и т.п.) Иные ограничения, установленные совместным решением органов Союза – это зарезервированное право органов управления Союза, при необходимости, ввести какое-либо ограничение в дополнение к двум другим.

3. Отсутствие зависимости продажи товара или его цены от соблюдения условий или обязательств, влияние которых на цену (стоимость) товара не может быть количественно определено.

Другими словами, указанное условие определяет случай, когда сделка предусматривает условие, которое влияет на продажу или цену товара, но которое, при этом, количественно, т.е., в стоимостном выражении, определить и документально подтвердить его влияние на цену товара, а, следовательно, скорректировать цену – невозможно, к примеру: цена на товар поставлена в зависимость от приобретения в определенном количестве иного товара, не пользующегося спросом; или цена на товар поставлена в зависимость от услуг, которые покупатель окажет продавцу, в связи с покупкой товара, но к товару не относимые; либо покупатель поставит продавцу нужные ему товары, к ввозимому товару не относимые. Соответственно, как и в предыдущем условии, имеют место индивидуальные обстоятельства по данной конкретной сделке, отличающиеся от обычной торговой практики с соответствующим товаром. Возможность стоимостной оценки подобных условий сделки, позволяющее скорректировать цену товара, допускает применение метода 1.

4. Отсутствие причитаемости (принадлежности) в прямой или косвенной форме права продавца на любую часть дохода или выручки покупателя от последующего использования им товара, его продажи или распоряжения иным способом, за исключением когда указанные суммы могут быть учтены как дополнительные начисления к основе таможенной стоимости (в соответствии со ст.5 Соглашения).

Указанным условием ограничивается право продавца получать часть выручки/дохода от последующего использования или распоряжения товаром покупателем (проценты от сделки с товарами, доли от получаемого дохода от продаж товара за период времени и т.п.). Если подобные условия сделки допускают возможность определения стоимостного выражения указанного условия и факт перечисления продавцу указанных сумм, помимо цены, и учета их как дополнительных начислений к цене, скорректировав, тем самым, таможенную стоимость, то метод 1 – применим; в противном случае – нет.

5. Отсутствие взаимосвязанности как лиц продавца и покупателя, за исключением когда продавец и покупатель хотя и являются взаимосвязанными лицами в определенной степени, но стоимость сделки приемлема для таможенных целей.

Под взаимосвязанными лицами для указанных целей понимаются продавец и покупатель, когда они:

- а) являются сотрудниками или руководителями предприятий друг друга;
- б) являются деловыми партнерами по осуществлению совместной деятельности и указанный факт юридически установлен;
- в) являются работодателем и работником, служащим;
- г) какое-либо лицо прямо или косвенно владеет, контролирует или является держателем 5% или более выпущенных в обращение голосующих акций обоих лиц;

- д) одно из лиц прямо или косвенно контролирует другое;
- е) оба лица прямо или косвенно контролируются третьим лицом;
- ж) оба лица вместе прямо или косвенно контролируют третье лицо;
- з) лица являются родственниками или членами одной семьи.

Сам по себе факт взаимосвязи между продавцом и покупателем не должен являться основанием для признания стоимости сделки неприемлемой для целей определения таможенной стоимости товаров по методу 1. Отсутствие влияния взаимосвязи на цену сделки – достаточное условие для признания стоимости сделки приемлемой для определения таможенной стоимости товаров по методу 1. Если же, таможенный орган установит наличие влияния взаимосвязи лиц на стоимость сделки, декларант вправе доказать обратное, путем сравнения и обоснования близости стоимости сделки с ввозимыми товарами, к стоимостям сделок, имевшим место в тот же или соответствующий ему период времени, в который ввозимые товары пересекали таможенную границу, применяя:

- стоимости сделок при продаже идентичных или однородных товаров для вывоза (экспорта) на таможенную территорию Союза покупателям, не являющимся взаимосвязанными лицами с продавцом (т.е., определенной по методам 2 или 3);

- таможенную стоимость идентичных или однородных товаров, определенную по методу 4 (вычитания стоимости товаров);

- таможенную стоимость идентичных или однородных товаров, определенную по методу 5 (сложения стоимости товаров).

Определенным элементом в процедуре определения таможенной стоимости, является структура таможенной стоимости, которую составляют следующие компоненты:

1. Основа таможенной стоимости;
2. Дополнительные начисления (к основе таможенной стоимости);
3. Вычеты (из основы таможенной стоимости).

Основа таможенной стоимости – это стоимость сделки с ввозимыми товарами, т.е., цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за ввозимые товары, которая включает в себя общую сумму всех платежей за эти товары, причитающихся от покупателя продавцу. Суммы платежей должны отвечать признаку относимости к стоимости товара, перемещаемого через таможенную границу, в связи с чем платежи, не связанные с ввозимым товаром, учету не подлежат (к примеру, дивиденды, доход от деятельности, не связанной со сделкой).

К дополнительным начислениям, подлежащим прибавлению к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате (основе таможенной стоимости) относятся следующие компоненты, определенные в ст.5 Соглашения:

1. Расходы, в размерах, осуществленных (подлежащих осуществлению) покупателем, но не включенных в цену товара:

- а) по выплате вознаграждения посреднику (агенту), брокеру [9] за исключением вознаграждения своему агенту за услуги по покупке товара за рубежом;

- б) на тару, если она в таможенных целях составляет единое целое с товаром;

- в) на упаковку, включая стоимость материалов и работ по упаковке.

2. Распределенная стоимость товаров и услуг, прямо или косвенно предоставленных покупателем продавцу бесплатно или по сниженной цене для использования в связи с производством и продажей оцениваемых товаров на таможенную территорию Союза в размере, не включенном в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимые товары, именно:

- а) сырье, материалы, детали, полуфабрикаты, являющиеся составными частями ввозимых товаров;

- б) инструменты, штампы, формы и т.п. предметы, использованные при производстве ввозимых товаров;

- в) материалы, израсходованные при производстве ввозимых товаров;

г) проектирование, разработка, инженерная, конструкторская работа, художественное оформление, дизайн, эскизы, чертежи, выполненные вне таможенной территории Союза и необходимые для производства ввозимых товаров;

3. Часть дохода (выручки), полученная в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу;

4. Расходы по перевозке товаров до аэропорта, морпорта или иного места прибытия товаров на таможенную территорию Союза;

5. Расходы по погрузке, разгрузке, перегрузке товаров, проведению иных операций, связанных с их перевозкой в места, указанные в п.4;

6. Расходы по страхованию в связи с операциями, указанными в п.п.4, 5;

7. Лицензионные и иные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности, относимые к ввозимым товарам, которые прямо или косвенно произвел (должен произвести) покупатель в качестве условия продажи ввозимых товаров.

Иные добавления, за исключением выше перечисленных - применению не подлежат.

Условия учета дополнительных начислений к основе таможенной стоимости:

а) Расходы фактически понесены и оплачены покупателем (должны быть понесены) либо отнесены на издержки покупателя (т.е., стоимость товаров и услуг, относимых к товару, предоставлены покупателем продавцу бесплатно);

б) Эти расходы не включены в цену товара, установленную внешнеторговым договором;

в) Эти расходы должны быть основаны на достоверной, количественно определяемой информации;

г) Информация должна иметь документальное подтверждение.

Вычеты (из основы таможенной стоимости) – расходы, которые не должны включаться в таможенную стоимость товаров, согласно п.2 ст.5 Соглашения:

1. Расходы на производимые после прибытия товаров на таможенную территорию Союза строительство, возведение, сборку, монтаж, обслуживание или оказание технического содействия в отношении таких товаров как: промышленные установки, машины и оборудование;

2. Расходы по перевозке товаров, после их прибытия на таможенную территорию Союза;

3. Пошлины, налоги, сборы, уплачиваемые на таможенной территории Союза, в связи с ввозом или продажей оцениваемых товаров.

Условия исключения вычетов из основы таможенной стоимости:

а) Расходы фактически понесены и оплачены покупателем;

б) Эти расходы выделены из цены товара, установленной внешнеторговым договором и количественно определены;

в) Заявлены декларантом к вычету;

г) Расходы имеют документальное подтверждение.

Несоблюдение условий исключения вычетов из основы таможенной стоимости, исключает их вычет из основы таможенной стоимости. В отличие от начислений, которыми таможенная стоимость товара должна быть обязательно скорректирована, применение вычетов – право декларанта.

Документальное подтверждение сведений по таможенной стоимости товаров осуществляется по Перечню документов, приведенных в приложении №1 к Порядку декларирования таможенной стоимости товара [7]. При этом, при предъявлении документов, имеющих характер бухгалтерских, в соответствии с п.п.5, 6 Положения об использовании при применении методов определения таможенной стоимости товаров документов, соответствующих общепринятым принципам бухгалтерского учета [6], они должны отвечать требованию соответствия их общепринятым принципам бухгалтерского учета страны производства оцениваемых товаров, что заключается в соответствии

принятой экспортером/производителем учетной политики системе правил бухгалтерского учета, что должно быть подтверждено заключением (актом, справкой) уполномоченного лица.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014г., с изм. и доп. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Таможенный кодекс Таможенного союза//СЗ РФ. – 2010. – № 50. – Ст.6615.
3. Соглашение от 25.01.2008г. правительств Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» // СЗ РФ. – 2012. – № 32. – Ст.4471.
4. Правила применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утв. решением коллегии ЕЭК от 20.12.2012г. № 283и// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Положение о добавлении вознаграждения посредникам (агентам) и вознаграждения брокерам к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товары», утв. решением коллегии ЕЭК от 15.07.2014г. № 112 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Положение об использовании при применении методов определения таможенной стоимости товаров документов, соответствующих общепринятым принципам бухгалтерского учета, утв. решением коллегии ЕЭК от 15.07.2014г. № 113 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Порядок декларирования таможенной стоимости товара, утв. решением Комиссии таможенного союза от 20.09.2010г. № 376// Таможенный вестник. – 2010. – № 20-24.
8. В силу п.2 ст.101 Договора [1] понятия таможенного законодательства Таможенного союза (в рамках ЕврАзЭС), используемые в ТК ТС и иных международных договорах государств - членов Таможенного союза, упоминаемых в тексте работы и составляющих право Союза (ЕАЭС), используются в следующих значениях, к примеру: «государства - члены таможенного союза» - государства-члены Союза (ЕАЭС); «таможенная территория таможенного союза» - таможенная территория Союза; «таможенная граница таможенного союза» - таможенная граница ЕАЭС (Союза) и т.д.
9. Вопросы по выплате вознаграждения посреднику (агенту), брокеру дополнительно урегулированы решением коллегии ЕЭК от 15.07.2014г. № 112 «Об утверждении Положения о добавлении вознаграждения посредникам (агентам) и вознаграждения брокерам к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товары» [5].

Зырянов Василий Анатольевич

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СРОК, ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРОВ

Исполнение приговора как процессуальная деятельность может быть определена либо в качестве завершающего этапа судопроизводства - стадии исполнения приговора, либо в качестве комплекса отдельных производств, возникающих в ходе или после обращения судебных решений к реализации. Конечный выбор зависит от того, какие

критерии будут положены в основу дифференциации процессуальной деятельности. Если за основу берется деление судопроизводства на последовательные этапы – стадии, то исполнение приговора необходимо рассматривать в качестве завершающей стадии уголовного процесса. Если основным критерием считать деление процесса на отдельные производства, то под исполнением приговора следует понимать комплекс отдельных производств, направленных на разрешение вопросов, возникающих после вынесения судебного решения и связанных с его исполнением.

Глава 47 УПК РФ устанавливает особый процессуальный режим рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. В юридической литературе нет единой позиции по поводу процессуальной природы данной уголовно-процессуальной деятельности. По мнению одних ученых, данная деятельность представляет собой, так называемые, особые производства (1), другие полагают, что указанные производства являются уголовно-исполнительными (2), третьи считают их дополнительными (3). Наконец, существует мнение, что рассматриваемая деятельность образует отдельную самостоятельную стадию уголовного процесса - стадию разрешения вопросов, связанных с освобождением от отбывания или изменения наказания, а также последствиями реализации приговора, определения и постановления суда (4).

Основная задача судопроизводства на данном этапе заключается в обеспечении прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности в ходе и после обращения судебных решений к исполнению путем правильного применения уголовных и уголовно-процессуальных норм в разумный срок. При этом установленный процессуальный срок для суда, как органа, который в силу УПК РФ разрешает вопросы, связанные с исполнением приговора, не соответствует требованию разумности и правовой определенности для данной стадии судопроизводства.

Так, в силу ч.2 ст. 399 УПК РФ, регламентирующей порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, основные участники процесса и представители учреждений и органов, исполняющие приговор, должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания. При таких обстоятельствах, судья при решении вопроса о назначении даты и времени рассмотрения дела обязан учесть вышеуказанный процессуальный срок и реальную возможность извещения участников процесса с учетом «почтового пробега» (при отсутствии иной возможности) в одну сторону и возвращения почтового извещения об уведомлении обратно в суд. В связи с чем, судья вынужден при назначении судебного заседания назначать дату судебного заседания сразу примерно на 30 суток. В случае содержания осужденного в местах лишения свободы, и удовлетворении ходатайства судом о его личном участии в судебном заседании, фактически время рассмотрения дела в суде увеличится по причине необходимости его этапирования в суд с учетом плановых конвоев системы ИТУ. Поэтому, к примеру, судебное заседание о рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ (Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) в порядке п.4 ст. 397 УПК РФ фактически может иметь место не ранее чем через 1 месяц с момента поступления ходатайства осужденного. Кроме того, с учетом порядка вступления постановления судьи в законную силу, фактически ожидаемое постановление осужденным может иметь место через 1,5 месяца с момента возникновения данного права. Получается, что осужденный, вставший на путь правопослушного поведения, в отношении которого в результате принято решение об освобождении из места отбывания наказания, неоправданного долго ожидает судебного решения. Напротив, при разрешении судом вопросов связанных с ухудшением положения осужденных (замена наказания на лишения свободы в связи с нарушением порядка отбывания обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы - п. «б, в, г» ч.2 ст. 397 УПК РФ), осужденные с учетом длительного процессуального срока ожидания рассмотрения дела в суде, по ходатайству уголовно-исполнительной инспекции имеют возможность уклониться от участия рассмотрения дела

в суде, допустить новые нарушения условий и порядка отбывания наказания, совершить административные правонарушения или новые преступления.

Установленный законодателем процессуальный срок на решение вопросов связанных с исполнением приговора, не менее чем 14 суток на извещение участников процесса о дате, времени и месте судебного заседания, не соответствует значению данной стадии судопроизводства и находится в противоречии с основной стадией судопроизводства - рассмотрения дела в суде. Поскольку, в силу ч.4 ст. 231 УПК РФ (Назначение судебного заседания) стороны должны быть извещены о месте и времени судебного заседания по вопросу рассмотрения дела по существу не менее чем за 5 суток до его начала. В связи с чем, законодатель для подготовки к основной (главной) стадии судебного разбирательства предоставил сторонам значительно меньше времени, чем к подготовке к рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, что является нелогичным.

С установленным процессуальным сроком, указанным в ч.2 ст. 399 УПК РФ, нарушаются права осужденных, вставших на путь исправления, на освобождение из мест лишения свободы в силу ст.79 УК РФ, нарушаются права потерпевших, вынужденных ожидать неоправданно длительное время судебного заседания. Кроме этого, длительное ожидания судебного заседания для лиц нарушающих порядок отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, способствует новым нарушениям порядка и условий отбывания наказания, совершение правонарушений и новых преступлений.

Для формирования правового социального государства в современной России требуется внесение изменений в национальное законодательство с целью создания нормативно-правовой базы соответствующей реалиям времени. Законодательство должно служить формированию законопослушного поведения и назначения наказания оступившихся с соблюдением принципа гуманизма. Полагаю, что для разрешения вопроса, которому посвящена данная статья, необходимо внести изменения в ч.2 ст. 399 УПК РФ и вместо процессуально необоснованно срока в 14 суток установить срок 3 суток. Считаю, что указанный срок будет достаточен для подготовки к вопросу исполнения приговора. При определении конкретного времени, исхожу из сравнения положения ч.4 ст. 231 УПК РФ о предоставлении времени для подготовки к судебному заседанию не менее 5 суток, и учитываю положения ч.2 ст. 234 УПК РФ о направлении уведомления о проведении предварительного слушания не менее чем за 3 суток до дня проведения предварительного слушания.

Список литературы

1. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. – М., 1979. – С.18-20.
2. Николюк В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск, 1989. – С. 40-70.
3. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С 23-75.
4. Адаменко В.Д. Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. – Кемерово, С.91.

Тепляшин Павел Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (г. Красноярск)

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
(НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)**

Формирование концептуальных основ эффективного развития уголовно-исполнительного законодательства является сложным процессом, закономерно предполагающим проектирование положений, отражающих пенитенциарную политику Российской Федерации на современном этапе. Важное место в данном процессе занимает согласованное развитие пенитенциарного законодательства и уголовно-исполнительной политики.

Как представляется, уголовно-исполнительная политика отражает совокупность представлений о направлениях и средствах воздействия на состояние деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства в целях повышения их эффективности. Опираясь на Раздел II Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года, можно резюмировать, что критериями такой эффективности (применительно к пенитенциарной системе России) могут выступать: 1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов. При этом, уголовно-исполнительная политика должна рассматриваться в двух аспектах – как стратегия государства в сфере исполнения уголовных наказаний и как система установок, мер и методов, с помощью которых реализуются соответствующие программные задачи, предусмотренные, например, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 - 2016 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 839-р от 7 июня 2006 года. Также важно отметить, что уголовно-исполнительная политика должна учитывать положительный опыт общемировой пенитенциарной практики и доктрины, позитивные достижения отечественной системы исполнения уголовных наказаний, потребности общественного развития.

Предлагаем следующее базовое определение уголовно-исполнительной политики – обусловленная общим политическим курсом тактика и стратегия деятельности государства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, выражающая его позицию по ключевым положениям правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гармонично сочетающаяся с цивилизационным пенитенциарным опытом и потребностями общественного развития, направленная на повышение эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы.

Научное обоснование правовых нововведений в уголовно-исполнительной политике необходимо выстраивать на основе концептуализации правовых решений. Именно

концептуальный подход, при котором учитываются основные закономерности функционирования европейских пенитенциарных систем, позволяет явственно выразить квинтэссенцию уголовно-исполнительной политики, отсесть от неё простой набор правотворческих и правоприменительных действий, не охватываемых единой концептуальной логикой и, соответственно, слабо предвосхищающих искомый эффект их практической реализации.

Иными словами эффективность уголовно-исполнительной политики зависит от достижения необходимого уровня концептуализации принимаемых правовых решений, её стратегического обоснования, поскольку иначе субъекты отношений в сфере исполнения уголовных наказаний будут иметь дело с набором законотворческих и правоприменительных мероприятий, не объединенных в единую систему и не имеющих четкого социального ориентира. При достижении необходимого уровня концептуализации уголовно-исполнительной политики важно формирование четкой стратегии развития сферы исполнения уголовных наказаний с учетом многообразия цивилизационного и, в частности, европейского пенитенциарного опыта, что возможно осуществить понимая закономерности существования европейских пенитенциарных систем и тем самым увязать в единую логическую систему указанную сферу с разнообразными социально-правовыми явлениями. Так, по меткому замечанию Л.В. Головкин, в соответствии с западной философией тюремного заключения лишение свободы представляет собой само по себе достаточное наказание, которое не должно автоматически сопровождаться никакими дополнительными ограничениями. Тогда как по смыслу действующего УИК РФ, российская тюрьма исходит отнюдь не из предоставления права на уединение, а из лишения права на общение и передвижение как высшей формы наказания за провинность [1]. В частности, в ст. 57 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года закреплено: «Заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда сегрегация представляется оправданной или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения».

Также концептуальным вопросом выступает идея гуманизации и общественного одобрения уголовно-исполнительной политики. Результаты изучения общественного мнения показывают, что научная общественность и население достаточно настороженно относятся к гуманизации и смягчению условий отбывания наказания. В свою очередь полагаем, что к гуманизации условий отбывания наказания следует относиться с учетом социально-экономической обстановки в стране и общим уровнем благосостояния населения.

Рассуждая о гуманизации можно затронуть перспективу создания в России частных тюрем, которые достаточно широко используются в некоторых европейских странах (в частности, в Венгрии, Англии). Вместе тем в американских частных тюрьмах, которые выступают «флагманом» в этом направлении, широко используется дешевый труд заключенных. Так, из специальных источников мы видим, что тюремный труд используют такие гиганты как IBM, IT&T, Microsoft и другие. По сути речь идет именно о бизнесе. Заключенные живут и работают в таких тюрьмах, их труд из-за низкой рентабельности составляет хорошую конкуренцию свободному труду. Отмечаются возможности гуманизации условий отбывания в частных тюрьмах (по крайней мере в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести), что достаточно призрачно, поскольку частные программы обращения с осужденными будут иметь определенные расхождения с уголовно-исполнительным законодательством и некоторыми подзаконными правовыми актами, особенно в части соблюдения прав осужденных. Более того, придется усилить общественный и государственный контроль за данными учреждениями, что потребует дополнительных ресурсов. Как представляется, российское

уголовно-исполнительное законодательство является значительно формализованным, институты частного партнерства в котором практически не развиты, поэтому, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно имеет слабые механизмы правового регулирования исправительного воздействия с участием институтов гражданского общества. В этих условиях создание института частных тюрем либо учреждений с определенным организационно-частным сектором приведет к возрастанию нарушений прав человека.

В свою очередь общественное одобрение пенитенциарной практики и её результатов должно строиться на транспарентности (прозрачности) деятельности уголовно-исполнительной системы как для отдельных представителей общественности, так и для общества в целом.

В основе известных деформаций уголовно-исполнительной политики лежат факторы как объективного, так и субъективного характера. Вместе с тем уголовно-исполнительная политика с позиций системного подхода к её исследованию является безусловно зависимой переменной, содержание и направленность которой определяется такой постоянной константой как общие объективные закономерности развития права. Для выстраивания стратегии пенитенциарных преобразований одной из главных проблем является отсутствие полноценного согласования отечественного потенциала и мировых, в том числе европейских достижений (опыта) в сфере исполнения уголовных наказаний, что приводит к принятию поспешных и несоответствующих интересам общества (например, переход к «тюремной» модели исполнения лишения свободы) либо принятию необходимых и вызванных насущными социальными потребностями правовых решений (в частности, внедрение индивидуальных программ обращения с осужденными). Процесс данного согласования необходимо осуществлять более активно, поскольку именно в этих параметрах могут быть найдены и закреплены координаты успешной реализации пенитенциарной политики.

Поэтому существует настоятельная потребность модернизации общей парадигмы в отношениях «потребности отечественной уголовно-исполнительной системы» – «международно-правовые стандарты и зарубежный пенитенциарный опыт». В ином случае произойдет вживление в пенитенциарную систему России «имплантата», который даже со временем не приживется и будет отторгнут. Более того, если не учитывать внешние факторы и внутренний потенциал развития европейской пенитенциарной системы, то произойдет отмирание способности уголовно-исполнительной системы к самосовершенствованию и гибкости в решении объективно существующих и постоянно трансформирующихся проблем предупреждения преступности.

Список литературы

1. Головки Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 5. – С. 29-32.

Мкртычян Апет Борилович

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

К моменту формирования первобытного общества относят и начало развития медицины. Это подтверждают археологические раскопки: на ископаемых останках у наших предков обнаруживают сросшиеся переломы больших трубчатых костей, а в те времена без длительного ухода, подобные травмы неизбежно приводили бы к смерти.

Очевидно, что тогда и начался первый этап развития науки о регулировании поведения врача, опиравшейся на основные моральные ценности – понятия о добре и зле, ставшие впоследствии фундаментальными категориями этики. Первый закон этой науки, гласивший: «Оказание помощи больному – добро, неоказание (без каких-либо весомых причин) - зло», назовут впоследствии принципом добродетели.

Ответственность врачей за ошибки и упущения в различные исторические эпохи была неодинаковой и зависела от общественного правосознания, религиозных воззрений, морально-этических норм и уровня развития медицинской науки.

Уже в XII в. до н. э. в вавилонской книге религиозных заклинаний «Шурпу» в перечне грехов указывается неоказание помощи нуждающемуся в ней.

Право древней Индии не считало преступлением или грехом неоказание помощи безнадежно больному или пациенту не выздоровевшему в течение года. От лечения таких больных следовало отказаться.

В древнем Китае не наказывалось неоказание помощи не только неизлечимо больного, но и необеспеченного. Такое неоправданное деление больных по социальным признакам и тяжести заболевания обуславливалось классовыми и религиозными соображениями.

В Древней Греции медицинское искусство ценилось очень высоко, но до гиппократовской эпохи позволить себе медицинское обслуживание могли только рабовладельцы и богатые купцы. Рабы и бедняки были фактически лишены врачебной помощи. Наряду со светскими врачами медицину практиковали и храмовые жрецы. Они строго следили за чистотой святилища и его посетителей. Согласно религиозным воззрениям того времени медицина не должна «протягивать свои руки» к тем, кто уже побежден болезнью, т. е. богами. Помощь безнадежно больным считали оскорблением богов. Смертному человеку, даже наделенному даром врачевания, не пристало сомневаться в том, что боги вынесли такому больному смертный приговор. Поэтому, безнадежно больным и роженицам входило на территорию храма не разрешали. Религиозные правила греков не допускали в святилища все нечистое (связанное с рождением или смертью).[1]

В Древнем Риме также как и в Греции авторитет врача был очень высок, но наряду с привилегиями римское право ввело регламентацию обязанностей врача и установило ответственность за профессиональные правонарушения. Впервые к врачебной деятельности было применено понятие «ошибка» (закон Аквилы). К ошибкам относили и неопытность, и неосторожность, и неоказание медицинской помощи.

Упоминания о наказании врачей за оставление больных без помощи можно встретить уже в документах глубокой древности. Например, П. Бруардель (1898 г.) упоминает рассказ Плутарха о том, что в IV в. до нашей эры врач Глаукос в Греции оставил без помощи тяжело больного пациента и отправился в театр. Во время отсутствия врача больной умер. Когда об этом узнал Александр Македонский, он приказал распять Глаукуса, на кресте.[2]

Следующим этапом развития врачебной этики рабовладельческого общества является медицина периода Гипократа. Величайший врач древности Гиппократ был первым, кто попытался систематизировать правила медицинской этики на основании многовекового опыта медицины. В своей знаменитой «Клятве», в книгах «О враче» и «О благоприличном поведении», «Об искусстве», в «Афоризмах», написанных около двух с половиной тысяч лет тому назад он создал кодекс моральных норм, обязательных для тех, кто на всю жизнь избрал врачевание своей профессией.

Под влиянием идей Гипократа в Древней Греции уделялось исключительное внимание нравственному облику врача. Нормы поведения врача были сформулированы в соответствии с новыми знаниями о человеке и его здоровье.

Ни в одном трактате Гиппократ не говорится о различии между свободными и рабами, за всеми признаются одинаковые права на внимание, заботу и уважение со стороны врача.

Его знаменитая «клятва» – это первый медико-этический документ, нашедший самое широкое признание, и многие его постулаты являются базовыми в современных законах и конвенциях, регламентирующих действия и профессиональное поведение медиков. Обязуясь действовать, «воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости», молодой врач должен был с первых своих шагов усвоить, что несправедливость во врачебном деле неуместна, как и в любом другом, но в еще большей степени.

В заключительной части клятвы говорится: «Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву, да будет обратное этому...».

Это были не пустые слова. В Древней Греции и Древнем Риме воздвигались памятники замечательным врачам. Тем же, кто, подписал текст «Клятвы», а затем нарушил ее, грозило суровое наказание: штраф или отсечение руки, той самой, которой он подписывал это моральное обязательство.[3]

Суровая кара за неоказание помощи ожидала врача и по христианским канонам. В некоторых христианских странах врача могли за это приговорить к смертной казни с конфискацией имущества.

В мусульманском праве также была установлена весьма жесткая ответственность за неоказание помощи больному. Врачи должны были придерживаться не только норм мусульманского права, которое запрещало вредить человеку, но и разработанных на мусульманском Востоке этических норм.[4]

После мусульманского Востока самые прогрессивные законы, касающиеся врачебной практики, появились в Российской империи. В одном из указов Петра I говорилось: «Следует, чтобы лекарь в докторстве доброе основание и практику имел, трезвым, умеренным и доброхотным себя держал и в нужных случаях чин свой как ночью, так и днем отправлять мог». И нужно заметить, что это были не пустые слова. За нарушение хотя бы одного положения указанной нормы врач мог как минимум лишиться практики. Именно при Петре I впервые в законодательстве появляются нормы, которые позволяли освободить врача от уголовной ответственности, если будет доказано, что врач действовал согласно правилам, без умысла и небрежности. В противном случае он привлекался к уголовной ответственности как за убийство.[5]

В дореволюционной России ответственность врача за неоказание помощи регламентировалась ст. 1522 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года, гласившая, что не оставившие практики врачи, акушеры, фельдшеры и повивальные бабки, не явившиеся по приглашению без уважительной причины к нуждающемуся в помощи больному или родильницам, несут ответственность за совершение преступления. Если же врач, акушер, фельдшер или повивальная бабка находились при этом на службе, то к ним применялось дополнительное наказание — отстранение от должности. Статья 1522 предусматривала, кроме того, квалифицированный состав преступления, и наказание за совершение данного преступления усиливалось, если виновный знал об опасном состоянии больного, родильницы или новорожденного младенца.

Впервые в уголовном законодательстве России после 1917 года ответственность за неоказание помощи была установлена Уголовным кодексом 1922 года. В разделе кодекса «оставление в опасности» устанавливалась ответственность за неоказание помощи больному и за отказ медицинского Персонала в оказании медицинской помощи (ст. 165). Данная статья своим содержанием охватывала ответственность лиц медицинского персонала, поскольку в силу своей профессии они обязаны были оказывать медицинскую помощь. Учитывая специфику этой профессии и характер помощи, в которой нуждается больной, законодатель в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года выделил неоказание медицинской помощи в самостоятельный состав преступления. При этом статья 165 УК

различала простой и квалифицированный составы данного преступления. К первому в Уголовном кодексе относилось «неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам» (ч. 1 статьи 165 УК); ко второму – «отказ врача в оказании медицинской помощи, если он заведомо мог иметь опасные для о

больного последствия» (ч. 2 статьи 165 УК).[6]

В связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года в нормы об ответственности за оставление в опасности были внесены некоторые изменения – уточнена диспозиция, снижены санкции. В качестве специального вида оставления в опасности уголовный кодекс РСФСР 1926 года выделил неоказание медицинской помощи (ст. 157 УК).[7] Кроме того, Уголовный кодекс 1926 года отказался от объединения всех деяний, предусматривающих ответственность за оставление в опасности, и не предусматривал при этом вовсе поставление в опасность и простое неоказание помощи.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года объединил в главе 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» статьи о преступлениях, связанных с оставлением в опасности и неоказанием помощи. Это статьи 127 «Оставление в опасности», 128 «Неоказание помощи больному» и 129 «Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие».

Статья 128 УК устанавливала ответственность за неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказать по закону или по специальному правилу. Субъектом преступления мог стать медицинский работник, обязанный оказать помощь больному. Не имело значения, работало данное лицо или находилось на пенсии. Ответственность за совершение данного преступления усиливалась, если следствием неоказания помощи больному стала его смерть или если наступили тяжкие последствия. При этом из содержания данной статьи законодатель убрал слова «медицинский персонал» и заменил их словами «лицом, обязанным... по закону или по специальному правилу».[8]

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ 1996 года внес некоторые изменения в статью о неоказании помощи больному (ст. 124 УК РФ). Как и ст. 128 УК РСФСР 1960 г., ст. 124 УК РФ состоит из двух частей, но она содержит существенные изменения: за неоказание помощи больному ответственность наступает только в случае, если это повлекло наступление вреда средней тяжести.

Ранее ответственность не связывалась с наступлением вреда. В статье также отсутствуют слова о неоказании помощи «без уважительных причин». В ч. 2 статьи нет указания на заведомость причинения возможного вреда, теперь речь идет о любом вреде, который охватывается рамками субъективной стороны данного преступления.

Прочное место и широкое признание в отечественной науке медицинского права занимают взгляды профессора Ю.Д. Сергеева, неоднократно предлагавшего ввести в УК РФ специальную статью об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи. Во-первых, такой подход особо актуален в настоящее время. Во-вторых, отказ от самостоятельной криминализации данного деяния не позволяет решить в полной мере такую важнейшую задачу уголовного права, как предупреждение преступлений. В-третьих, рассмотрение такого рода действий по ст. 109 ч. 2 «может приводить некорректной юридической квалификации данного профессионального правонарушения».[9]

К сожалению, российский законодатель зачастую не учитывает научно обоснованные предложения, и отказ криминализовать данное деяние является ярким тому примером.

Таким образом, можно утверждать, что законодатель, отдавая особое место защите здоровья и жизни человека в системе уголовного законодательства, учитывая особую социальную значимость профессии врача, определил ответственность за неоказание медицинским работником помощи больному еще в древние времена. Со временем состав

преступления совершенствовался, при этом ответственность за рассматриваемое преступление является достаточно суровой.

Список литературы

- [1] Бобров О. Е. Медицина (нравы, судьбы, бесправие). – Кировоград: Полиум, 2003. – 242 с.
- [2] Коробеев А.И. Неоказание помощи больному // Криминологический журнал. –2007. – №1-2. – С. 35.
- [3] Нуралиева З. А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному // Молодой ученый. –2013. – №5. – С. 542-544.
- [4] Сорокина Т. С. История медицины [Электронный ресурс] // <http://www.bibliotekar.ru> (дата обращения 09.05.2015).
- [5] Бобров О.Е. Указ.соч. – С. 55.
- [6] Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] <http://law.edu.ru> (дата обращения 09.05.2015).
- [7] Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] <http://ru.wikisource.org> (дата обращения 09.05.2015).
- [8] Уголовный кодекс РСФСР 1960 года [Электронный ресурс] // <http://ru.wikisource.org> (дата обращения 09.05.2015).
- [9] Сергеев Ю.Д. Медицинское право. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.

Мкртычян Апет Борилович

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА В СУДЕБНОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Проблемы квалификации преступления являются не только одними из наиболее сложных вопросов в уголовном праве, но и наиболее значимыми для практики расследования и судебного разбирательства.

Под квалификацией преступления понимается установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. В связи с этим следует заметить, что квалификация не одномоментный акт, а последовательный логический процесс, направленный на выявление сути применяемой уголовно-правовой нормы и установление признаков, в ней предусмотренных, в совершенном деянии.

Основное материально-правовое содержание понятия квалификации заключается в том, что именно она является официальным признанием наличия юридического факта, который порождает регулятивные уголовно-правовые отношения и следствием которого является уголовная ответственность лица, совершившего преступление.

В судебно-следственной практике в качестве наиболее проблемных вопросов и распространенных ошибок при квалификации содеянного по ст. 317 УК РФ встречаются следующие:

1. В ряде случаев следственные и судебные органы квалифицируют посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, усматривая в содеянном признаки покушения на преступление. В то же время, если учесть, что под посягательством на жизнь в контексте ст. 317 УК РФ, в соответствии с

разъяснениями высшей судебной инстанции, следует понимать как убийство, так и покушение на убийство, следует прийти к выводу, что покушения на это преступление быть не может.

2. Возникают вопросы при применении ст. 317 УК РФ за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, пытавшегося пресечь противоправные действия, в свободное от службы время.

На наш взгляд, сотрудник правоохранительного органа, выполнявший обязанности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, в связи с чем было совершено посягательство на его жизнь, должен признаваться потерпевшим по ст. 317 УК РФ, независимо от того, когда он выполнял эти обязанности - в служебное время или не в служебное.

Такой позиции придерживается и судебная практика.

3. В судебно-следственной практике проблемным является вопрос, как квалифицировать действия виновного, совершившего посягательство на жизнь одновременно 2-х или более сотрудников правоохранительного органа.

Посягательство на жизнь двух или более сотрудников правоохранительного органа, совершенные с одной целью - воспрепятствовать их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в одном месте и по существу без разрыва во времени должны быть квалифицированы по одной статье 317 УК РФ.

4. В судебно-следственной практике, при квалификации содеянного, зачастую приходится сталкиваться с проблемами разграничения посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа со сходными составами преступлений.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа следует уметь отграничивать от сходных составов преступлений и, прежде всего, от убийства лица в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК), а также от применения насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 2 ст. 318 УК РФ).

Уголовно-правовые нормы, предусмотренные п. «б» ч.2 ст. 105 УК РФ и ст. 317 УК РФ соотносятся как общая и специальная и, согласно существующим в науке правилам, при их конкуренции предпочтение отдается специальной норме.[1] В отличие от убийства, как преступления против личности (ст. 105 УК) «посягательство на жизнь» является оконченным в момент покушения на жизнь лиц, указанных в ст.317 УК РФ. Соответственно, покушение на жизнь этих лиц должно квалифицироваться по ст. 317 без ссылки на ст. 30 УК РФ.

Так, судом присяжных Новосибирского областного суда 29 апреля 2014 г. Асеев осужден по ст. 317, ч. 1 ст. 318, ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Он признан виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа Шапкарина в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти Мусатова в связи с исполнением им должностных обязанностей; в незаконном приобретении, хранении и ношении огнестрельного оружия и боеприпасов.

28 сентября 2013 г. около 22 час. 40 мин. для проверки информации, поступившей от Б., во двор дома в г. Новосибирске на специально оборудованном, с опознавательными знаками автомобиле УАЗ прибыли находившиеся в форменной одежде, при исполнении своих служебных обязанностей сотрудники полиции Мусатов и Шапкарин. Они прошли в подъезд дома, где, представившись и предъявив свои служебные удостоверения находившемуся на лестничной площадке третьего этажа Асееву, попросили его предъявить документы, удостоверяющие личность, и пояснить цель его нахождения в данном месте. Асеев отказался выполнить это требование, стал вести себя вызывающе,

оскорблял сотрудников полиции, а также, желая избежать своего задержания, отталкивал их от себя и пытался скрыться.

Пресекая действия Асеева, Мусатов и Шапкарина для его задержания применили к нему физическую силу, боевые приемы борьбы и специальные средства, повалили его на пол лестничной площадки. В ответ Асеев нанес им удары руками и ногами по различным частям тела, причинив физическую боль, а затем достал пистолет с глушителем, из которого с близкого расстояния произвел два выстрела в грудь Шапкарина, в результате чего ему был причинен тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. После этого Асеев попытался скрыться, но был задержан Мусатовым и пришедшим к нему на помощь гр. Степановым.[2]

Новосибирский областной суд, мотивируя наличием оконченного преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, указал, что с объективной стороны посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа может выражаться не только в убийстве, но и в покушении на убийство. В данном случае в содеянном Асеевым суд усмотрел признаки посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, выразившимся в покушении на его убийство. Мотивируя наличие вины в форме прямого умысла на убийство Шапкарина, суд указал, что об этом свидетельствуют средство совершения преступления (пистолет), который предназначен для поражения жизни, совершение двух выстрелов в жизненно важный орган - грудь. Смерть Шапкарина не наступила лишь потому, что потерпевшему была оказана своевременно медицинская помощь.

Для квалификации по ст. 317 УК РФ требуется, чтобы посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего было совершено в связи с осуществлением ими функций охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Так, Новосибирским областным судом Л. признан виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также за незаконное ношение огнестрельного оружия и боеприпасов и незаконное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Из материалов дела усматривается, что Л. ехал на своей автомашине. По просьбе Л. машиной управлял Сетин, а Л. со спортивной сумкой сидел на заднем сидении. Остановивший их на посту ГАИ сотрудник ГИБДД лейтенант полиции К., проверяя документы, сказал, что машину придется поставить на штрафную стоянку, так как просрочена доверенность. Потом, подходя к машине, инспектор спросил почему нет техосмотра. Сетин предложил задавать все вопросы хозяину машины, находящемуся в ней. Сотрудник, продолжая разговаривать с Сетиным, сам открыл дверцу машины, где сидел Л., и в это Л. из имеющегося у него пистолета Макарова произвел 3 выстрела в сотрудника ГИБДД, причинив смертельные ранения.

В соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы смерть потерпевшего К. наступила от множественных огнестрельных слепых ранений, проникающих в плевральную и брюшную полости с повреждением внутренних органов, осложнившихся внутренним кровотечением, что привело к острой массивной кровопотере.[3]

Мотивируя квалификацию совершённого Л. преступления по ст. 317 УК РФ, суд указал, что сотрудник полиции К. осуществлял правомерные действия по обеспечению безопасности дорожного движения, в связи с чем, с целью прекращения этой деятельности, был убит.

Нам представляется, что правовая оценка содеянного Д., данная областным судом, является правильной.

В случае, когда виновный совершает убийство или покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа не в связи с его служебной деятельностью по

охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, а по иному мотиву, например в виду личных неприязненных отношений, указанные общественно опасные действия следует квалифицировать не по ст. 317 УК РФ, а по соответствующим статьям УК о преступлениях против личности.

Так Новосибирским областным судом Н. был осуждён по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств. По делу усматривалось, что Н. совершил убийство капитана полиции Г., работавшего участковым. Тем не менее, органы предварительного следствия и суд квалифицировали такое убийство не по ст. 317 УК, а по ч. 1 ст. 105 УК РФ, так как оно было совершено из ревности.[4]

Субъектом убийства является лицо, достигшее 14-летнего возраста, а посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа - 16 лет. Поэтому при совершении посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа лицом в возрасте от 14-ти до 16-ти лет ответственность наступает по п. «б» ч.2 ст. 105 УК.

Статья 317 УК конкурирует также со ст. 277 УК (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) и ст. 295 УК (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование).

В данном случае возникает конкуренция специальных норм, поскольку все три названных состава производны от общей нормы - п. «б» ч.2 ст. 105 УК.

Различия в объекте отражено в размещении указанных составов в разных главах УК: преступление против правосудия (ст. 295 УК), преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 277 УК) и преступления против порядка управления (ст. 317 УК).

Различаются перечисленные составы преступлений также по категории потерпевших, роду их деятельности, мотиву и цели совершения преступления:

- Ст. 295 УК - Посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность;

- Ст. 277 УК - Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

- Ст. 317 УК - Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность.

Анализируя соотношение составов преступлений, предусмотренных ст. 317 и ст. 295 УК РФ, можно обратить внимание на то, что в ст. 295 УК среди потерпевших есть и сотрудники правоохранительных органов. Однако по ст. 295 УК их уголовно-правовая охрана осуществляется в связи с их деятельностью по осуществлению правосудия, а по ст. 317 УК - в связи с их деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

На практике проблема квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа осложняется тем, что значительная часть таких сотрудников и соответственно их служебная деятельность подлежит уголовно-правовой охране не в соответствии со ст. 317 УК, а согласно ст. 295 УК. В первую очередь это касается сотрудников органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, федеральной службы судебных приставов, таможенных органов, являющихся по своей должности следователями либо лицами, производящими дознание.

Таким образом, например, следователи органов внутренних дел являются одновременно и сотрудниками правоохранительного органа, и следователями в строго уголовно-процессуальном смысле. И посягательство на их жизнь может в одних случаях квалифицироваться как посягательство на жизнь лица, осуществляющего предварительное расследование (то есть по ст. 295 УК), а в других - как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (то есть по ст. 317 УК). К сожалению, авторы изданных комментариев к действующему Уголовному кодексу Российской Федерации "умело" обходят эту сложную проблему применения уголовного закона. Различие должно, по нашему мнению, проводиться по характеру (содержанию) выполняемой таким сотрудником органов внутренних дел служебной деятельности и направленности субъективной стороны виновного.

По ст. 317 УК посягательство на служебную деятельность этих лиц (а также их близких) квалифицируется тогда, когда оно происходит в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность (ст. 317). В тех же случаях, когда посягательство на жизнь такого сотрудника происходит в связи с производством им предварительного расследования в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, содеянное должно квалифицироваться по ст. 295 УК. Разумеется, что также следует квалифицировать и посягательство на жизнь сотрудников других правоохранительных органов, являющихся следователями, дознавателями или осуществляющих функции органов дознания.

Новосибирским областным судом Морозов был осуждён по ч. 2 ст. 318 УК РФ. По делу усматривалось, что находящиеся в алкогольном опьянении условно осужденные к лишению свободы Морозов, Есмантович, Визюль и Карманов вышли прогуляться и направлялись в сторону остановки общественного транспорта «Завод Труд», Карманов и Есмантович впереди, а Морозов и Визюль метрах в 50-ти сзади.

В это время милиционеры роты ППС Октябрьского РОВД сержант полиции Ахтарьянов и мл. сержант Кадыркулов, несшие службу по охране общественного порядка, получили сообщение о массовой драке от дежурного по РОВД и прибыли на остановку «Завод Труд». Однако драка к этому времени закончилась, а ее участники разбежались.

С целью установления участников драки и оперативного разбирательства Ахтарьянов и Кадыркулов стали останавливать прохожих, в том числе остановили Карманова и Есмантовича.

Увидев, что его друзей остановили сотрудники полиции, Морозов, желая выручить Карманова и Есмантовича, подошел к Ахтарьянову сзади, обхватил его голову рукой, после чего имевшимся у него самодельным ножом (не признанным холодным оружием) нанес 1 удар в шею и 1 удар в поясницу Ахтарьянову. Удары ножом пришлись скользом и Ахтарьянову был причинен легкий вред здоровью в виде резанных ссадин. После нанесения ножевых ранений Ахтарьянову Морозов стал убегать, но был задержан младшим сержантом Кадыркуловым.

Следователь, в производстве которого находилось данное дело, посчитал, что Морозов совершил покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа в связи с его служебной деятельностью по охране общественного порядка и квалифицировал содеянное по ст. 317 УК РФ, то есть как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Направленность умысла надлежащим образом следователь не исследовал. В пользу прямого умысла на убийство сотрудника полиции в определенной мере свидетельствовал тот факт, что удары ножом наносились в жизненно важные органы - шею и поясницу.

Вместе с тем, следователь не дал оценку тем фактам, что Морозов изначально давал показания, что не хотел убивать Ахтарьянова, удары ножом нанес с целью не допустить задержания Карманова и Есмантовича, о последствиях своих ударов ножом он не думал. Кроме того (и это было в последующем установлено судом), имея возможность и далее

наносить удары ножом Ахтарьянову, Морозов не стал это делать, как только увидел, что Карманов и Есмантович стали разбегаться в разные стороны. (Если бы у Морозова имелся прямой умысел на убийство Ахтарьянова, ничто не мешало ему довести свой умысел до конца и лишить жизни работника полиции).

Суд, рассмотрев все обстоятельства дела, пришел к выводу, что у Морозова был косвенный умысел по отношению к наступившим общественно опасным последствиям, Морозов прямо не желал лишить жизни Ахтарьянова, допуская причинение последнему вреда здоровью любой тяжести. Ввиду последнего обстоятельства содеянное Морозовым было переквалифицировано судом со ст. 317 УК на ч. 2 ст. 318 УК РФ как применение насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.[5]

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. В судебно-следственной практике при юридической оценке посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа остаются до конца не решёнными многочисленные проблемы, связанные с толкованием термина «посягательство на жизнь», интеллектуально-волевого содержания вины и момента окончания этого преступления, а также отграничением этого преступления от сходных с ним составов преступлений.

2. Ключевыми признаками, определяющими квалификацию посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа по ст. 317 УК РФ являются: специальная цель - воспрепятствовать законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также специальный мотив - месть за такую деятельность.

Список литературы

- [1] Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов/ Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М.: ИНФРА-НОРМА, 2008. – С.335.
- [2] Уголовное дело 2-148/14. Архив Новосибирского областного суда за 2014.
- [3] Уголовное дело 2-57/11. Архив Новосибирского областного суда за 2011.
- [4] Уголовное дело 2-112/13. Архив Новосибирского областного суда за 2013.
- [5] Уголовное дело 2-87/10. Архив Новосибирского областного суда за 2010.

Шульгин Сергей Иванович

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

12.03.2015 г. на расширенном заседании коллегии ФСИН России «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2014 году и задачах на 2015 год» директор ФСИН России Геннадий Корниенко отметил, что в 2014 численность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, сократилась до 671 тысяч человек. Это самая низкая численность контингента в местах лишения свободы в новейшей истории Российской Федерации. Однако при этом почти вдвое возросли темпы роста числа осужденных при особо опасном рецидиве преступлений. Сейчас почти 72% осужденных отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, около 2 тысяч осужденных - за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Общее количество зарегистрированных преступлений в

местах лишения свободы за 2014 год сократилось на 11,7%, а уровень преступности – на 7,1%. Количество побегов из-под надзора сократилось на 13,3%, из-под охраны - на 14,3%. Разыскано 165 осужденных, находившихся в розыске за совершение побегов и уклонений с учетом прошлых лет[1].

За последние десять лет побеги сократились в среднем на 25%. При этом следует учитывать, что, по мнению исследователей, побег относится к категории латентных преступлений, в связи, с чем следует предполагать, что официальная статистика не в полной мере отражает глубину негативных процессов в этой сфере. Хотя, в целом, эти данные подтверждаются, в другом источнике отмечается, что в структуре преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, доля побегов составила 28,06%, в 2009 году - 25,09%, в 2010 году - 23,73%, в 2011 году - 16,49%, в 2012 году - 13,65% и за 6 месяцев 2013 года - 14,74% [2].

Дестабилизируя нормальную деятельность пенитенциарных учреждений, побеги представляют собой опасное посягательство на интересы правосудия и осложняют криминальную ситуацию в обществе, так как лица, бежавшие из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи в условиях своего нелегального существования нередко вновь совершают преступления.

Побеги противодействуют исполнению приговора или меры процессуального принуждения, реализации задач и целей лишения свободы и ареста, подрывают авторитет органов уголовно-исполнительной системы и предварительного расследования. Кроме того, всякий побег в какой-то мере дезорганизует работу не только органов уголовно-исполнительной системы, но и территориальных органов внутренних дел, вынужденных отвлекать личный состав от выполнения непосредственных обязанностей, участвовать в поиске и задержании преступника. Высок уровень групповых и организованных побегов. Среди лиц, совершивших побеги, преобладают осужденные к длительным срокам лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Статья 313 УК РФ «Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» предусматривает максимальное наказание (по ч.2) лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до шести месяцев [3]. Однако, юридическая конструкция нормы не позволяет ее эффективное использование, традиционно существующие проблемы в квалификации этих преступлений остаются. Этому способствует отсутствие судебного толкования признаков побега, а также отсутствие определений побега в подзаконных нормативно-правовых актах Министерства юстиции и ФСИН России. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства позволит выявить наиболее существенные проблемы ст. 313 УК РФ.

В большинстве уголовных кодексов дальнего зарубежья побегу посвящены разделы и главы. Кроме того, отдельные статьи предусматривают уголовную ответственность, лиц, охраняющих или сопровождающих арестованных, или заключенных. Более подробно рассмотрим на примерах УК Австрии, Турции, ФРГ и Японии.

Австрийское законодательство в 21 разделе «Преступные деяния против правосудия» §300 Освобождение заключенных, предусматривает лишение свободы на срок до двух лет или денежный штраф в размере до 360 дневных ставок [4]. Причем, заключённый, который склоняет другое лицо к тому, чтобы его освободить или помочь ему в побеге, не подлежит наказанию. Участие в совершении преступления с использованием своего служебного положения, предусмотренного §300 определено общей нормой §313 и предусматривает наказание в виде лишения свободы не превышающее 25 лет.

В уголовном кодексе Японии побегу посвящена глава 6 раздела «Преступления», а именно, «Преступления состоящие в побеге» [5] :

Статья 97. Личный или простой побег

Заклученный, который уже осужден или о котором еще не состоялся приговор, в случае совершения побега наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до одного года.

Статья 98. Личный побег при отягчающих обстоятельствах

Заклученный, который уже осужден или о котором еще не состоялся приговор, или лицо, которое, согласно ордеру на привод, приведено, в случае совершения побега путем повреждения тюремных строений или средств охраны, либо путем применения насилия или угрозы, либо путем соглашения между двумя или более лицами, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от трех месяцев до пяти лет

Статья 99. Захват лица, содержащегося под стражей

Лицо, захватившее того, кто в соответствии с законодательством содержится под стражей, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от трех месяцев до пяти лет.

Статья 100. Пособничество побегу

Лицо, которое с целью дать возможность совершить побег тому, кто в соответствии с законодательством содержится под стражей, предоставляло орудия или совершало иные действия, облегчающие побег, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет. Лицо, которое в целях, указанных в предыдущей части, применило насилие или угрозы, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от трех месяцев до пяти лет.

Статья 101. (Пособничество побегу содержащегося под стражей лица со стороны лиц охраны)

Лицо, охраняющее или конвоирующее того, кто в соответствии с законодательством содержится под стражей, в случае предоставления содержащемуся под стражей возможности совершить побег наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от одного года до десяти лет.

Статья 102. Покушение на совершение побега

Покушение на совершение деяний, предусмотренных настоящей главой, наказуемо.

Таким образом законодатель усилил уголовную ответственность за квалифицированный побег (ст.98) и за пособничество побегу содержащегося под стражей лица со стороны лиц охраны, где предусмотрено лишение свободы до десяти лет.

Интересно, что в американском уголовном законодательстве содержатся самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за укрывательство лица, совершившего побег из заключения. Таков, например, § 1072 Свода законов Соединенных Штатов Америки [6].

Уголовные кодексы большинства штатов США уделяют серьезное внимание преступлениям против правосудия, так, например, уголовный кодекс штата Сан Андреас в гл. 10 Преступления против правосудия содержит ст. 60. «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» предусматривает лишение свободы на срок от 10 до 15 лет [7].

Уголовный кодекс Турции в главе 7 четвертого раздела Второй книги (тяжкие правонарушения) перечисляет преступления против судебной власти, в том числе побег и содействие побегу из тюрьмы или арестного дома (ст.ст. 298-307). Уголовное законодательство этой страны предусматривает дифференцированное наказание в зависимости от способа побега (простой или квалифицированный), например, ст. 299 УК регламентирует: «Лицо, совершившее побег после его ареста в соответствии с законом за совершенное правонарушение, наказывается следующим образом:

1. В случае осуждения к наказанию в виде пожизненного тяжкого заключения, оно отбывает один год заключения в одиночной камере...
2. Или, в зависимости от срока основного наказания, назначенного до побега.

Так же предусмотренные различные виды наказания, лицам, содействовавшим побегу, в том числе и чиновников, и охранников. Например, ст. 302 УК предусматривает различные виды наказания к лицам, уполномоченным на охрану или транспортировку задержанного или осужденного, а так же, в зависимости от того какое наказание отбывал осужденный: «Если лицо, уполномоченное на охрану или транспортировку задержанного или осужденного, подготовит или облегчит его побег, оно наказывается заключением на срок от двух до пяти лет в зависимости от степени тяжести правонарушения, совершенного задержанным или осужденным, и вида и срока оставшейся части отбываемого им наказания.

Если осужденный отбывал наказание в виде пожизненного тяжкого заключения, виновное лицо наказывается тяжким заключением на срок от шести до восьми лет и пожизненным запретом на публичную службу.

Если осужденный был приговорен к смертной казни, виновное лицо наказывается тяжким заключением на срок от девяти до пятнадцати лет и пожизненным запретом на публичную службу....»)[8].

Уголовный кодекс ФРГ содержит две статьи, связанных с побегом в разделе шестом «Сопrotивление государственной власти» [9]. Так в § 120 рассмотрены вопросы, связанные с незаконным освобождением заключенного или склонении его к побегу или, содействует этому, наказывается лишением свободы сроком до трех лет. Если это же деяние совершает должностное лицо или лицо, специально уполномоченное на выполнение публичных обязанностей, в число которых входит предотвращение побегов заключенных, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет... Кроме того, § 121 предусматривает уголовную ответственность за мятеж заключенных, в том числе, связанный с совершением побега и предусматривает лишение свободы до десяти лет

Что же касается УК Германии, то решение в нем вопросов регламентации последствий уклонения от отбывания наказания представляется непоследовательным. С одной стороны, предусматривается возможность замены лишением свободы штрафа в случаях его неисполнения (§ 43), а с другой – отрицается возможность ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы в его крайней форме – совершении побега.

Таким образом, уголовно-правовой анализ статей УК некоторых зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что ст. 313 УК РФ требует своего совершенствования как по юридической конструкции, так и по смысловому содержанию. В связи с чем предлагается дополнить главу 31 УК РФ ст. 313-1 УК РФ «Пособничество побегу из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи», следующего содержания:

1. Пособничество побегу в различных формах из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, -

наказывается лишением свободы на срок до 1 года;

2. То же деяние, совершенное должностным лицом или иным лицом, специально уполномоченным на выполнение обязанностей по содержанию, охране и транспортировке лиц, отбывающих наказание или находящимися в предварительном заключении, -

наказывается лишением свободы на срок до 5 лет.

Список литературы

1. <http://фсин.рф/press/doklad-o-rezultatakh-i-osnovnykh-napravleniyakh-deyatelnosti-federalnoy-sluzhby-ispolneniya-nakazani.php>. – дата обращения 18.10.15.
2. УИС - 2013 в цифрах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2013. – №4. – С. 2-4.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 февраля 2015 года) – Новосибирск: Норматика, 2015. – 207 с. – С.188

4. Уголовный кодекс Австрии /перевод с немецкого Л.С. Вихровой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 352 с. С.327.
5. Уголовный кодекс Японии/Научн. Редактирование и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 226с., с.73-75
6. Уголовное право Соединенных Штатов Америки: Сб. нормативных актов. – М., 1980. – С. 46
7. Уголовный кодекс штата Сан Андреас: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rp-crimegta.ru/forum/topic_23904-дата обращения 18.10.15.
8. Уголовный кодекс Турции , Предисловие к.ю.н., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара. – СПб.: Изд-во «юридический центр Пресс», 2003. – 374 с., с.204- 211.
9. Уголовный кодекс ФРГ /Пер. с нем. к.ю.н. Серебренниковой А.В. – М.: ИКД «Зерцало – М», 2001 – 208 с., с.85-86.

Паршина Ирина Михайловна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СВОЕВРЕМЕННОСТИ

Наличие в действиях виновного лица всех установленных уголовным законом признаков состава преступления, на совершение которого был направлен умысел виновного, образует оконченное преступление. «Преступлением признается выразившееся в реализации преступных намерений общественно опасное деяние. Согласно УК ответственность за умышленное преступление наступает в случае выполнения виновным всех действий, входящих в объективную сторону и наступление предусмотренных законом общественно опасных последствий, когда последние входят в объективную сторону состава преступления» [5].

Следует отметить, что общественная опасность неоконченного преступления заключается как раз в его способности развиваться в другую, более общественно опасную деятельность, привести к окончанию преступления.

Некрасов В. Н. считает, что неоконченное преступление это «прерванная виновная, противоправная и общественно опасная деятельность лица по созданию условий либо непосредственно совершение преступления, в результате которой действие не доведено до конца или результат не наступил». Предложенное определение неоконченного преступления охватывает приготовление к преступлению, неоконченное покушение на преступление, оконченное покушение на преступление и добровольный отказ от доведения преступления до конца[4].

Действительно, преступление либо завершается, являясь оконченным, в том случае, когда выполнена в полном объеме его объективная сторона, полностью реализована субъективная сторона, либо не завершено. Незавершенным преступление может быть как вопреки воле и желанию виновного, так и по его воле и желанию.

Таким образом, представляется правильным считать, что неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от совершения преступления. Добровольный отказ от преступления это полный и окончательный отказ лица от доведения уже начатого преступления до конца по любым мотивам при наличии осознания фактической возможности его завершения и в отсутствии каких-либо объективных причин, которые бы виновное лицо, совершающее деяние, не было бы в состоянии преодолеть.

Добровольному отказу от преступления как специфичному уголовно-правовому институту присущи, по нашему мнению, четыре признака. Это своевременность и окончательность - как проявление объективного элемента; добровольность и осознание возможности беспрепятственно завершить начатое преступление, довести его до конца, то есть до окончания – как проявление субъективной составляющей, что вытекает из редакции ст. 31 УК РФ. Дронова Т. Н. выделяет так же четыре признака добровольного отказа от преступления: «По нашему мнению добровольный отказ от преступления характеризуется следующими признаками:

1) объективное прекращение совершения умышленного преступления;

2) добровольность; 3) окончательность; 4) своевременность» [2]. Но отмечает: «Не менее дискуссионным является вопрос о признаках добровольного отказа от преступления. До настоящего времени у правоведов не сформировалось единого мнения как относительно их количества, так и содержания. Наиболее распространенной в юридической литературе на сегодняшний день, как и в советский период, продолжает оставаться точка зрения о том, что добровольный отказ от преступления характеризуется двумя основными признаками: добровольностью и окончательностью» [2].

Своевременность добровольного отказа заключается в том, что виновный должен реализовать желание прекратить совершение преступления до его окончания, то есть на стадии приготовления к преступлению и покушения на преступление. В уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике не возникает вопросов, связанных с квалификацией добровольного отказа на стадии приготовления к преступлению.

Однако среди ученых нет единого мнения о том, только ли на стадии неоконченного покушения на преступления добровольный отказ возможен, или и на стадии оконченого покушения он возможен тоже.

Как верно пишет Шакирова А. А.: «Существенное значение для уголовно-правовой теории, а особенно для практической деятельности, имеет вопрос о том, до какого момента преступной деятельности возможен добровольный отказ от преступления с его правовыми последствиями (т. е. исключение уголовной ответственности). Добровольный отказ возможен до момента окончания начатого преступления» [8].

Нам представляется заслуживающей внимания следующая позиция: «На стадии приготовления добровольный отказ возможен всегда и выражается, как правило, в форме бездействия (лицо воздерживается от продолжения действий), хотя не исключается действие (например, уничтожение приобретенного для нападения оружия). Возможность добровольного отказа на стадии покушения на преступление зависит от вида покушения. На этапе неоконченного покушения он возможен всегда и, по сути, характеризуется теми же чертами, что и при приготовлении к преступлению.

При оконченом покушении на преступление добровольный отказ возможен лишь в одном случае а) имеет место активная его форма, то есть совершается путем действия; б) лицо сохраняет власть над дальнейшим развитием событий (причинно-следственных связей), может предотвратить (не допустить) окончания преступления. В этом случае между началом и окончанием преступления имеется определенный промежуток времени, в течение которого лицо само нейтрализует совершенное им действие (например, применяет противоядие) и ему удастся предотвратить окончание преступления (например, смерть ранее им отравленного лица). Если же принятыми мерами предотвратить завершение преступления не удалось, добровольный отказ отсутствует, а указанное поведение виновного признается смягчающим наказание обстоятельством» [6].

Сверчков В. В. прямо отмечает: «Возникает вопрос: может ли добровольный отказ иметь место на этапе оконченого покушения? Думается, что да, но только в том случае, если виновный сохраняет контроль над развитием общественно опасных событий» [3]. С этой позицией согласна и Черненко Т. Г., однако указывая, что добровольный отказ допустим в некоторых случаях на стадии оконченого покушения, когда деяние и наступление вредных последствий объективно разведены во времени, она отмечает: «Но

подобные ситуации являются лишь исключением из общего правила, в соответствии с которым добровольный отказ не свойственен стадии оконченного покушения» [7].

Додонов В. Н., исследуя практику и законодательство зарубежных стран, отмечает, что во многих странах – Болгарии, КНР, Грузии, Польши, Финляндии, Испании и других «законодатель различает два вида добровольного отказа при покушении:

1. Отказ от завершения исполнения преступления,
2. Предотвращение наступления преступных последствий.

Представляется, что такая конструкция является более правильной, поскольку охватывает случаи добровольного отказа при оконченном покушении» [1].

Таким образом, большинство ученых совершенно верно, по нашему мнению, полагают, что добровольный отказ, чтобы соответствовать признаку своевременности, должен иметь место на стадии приготовления и покушения на преступления, до его окончания. Причем, на стадии приготовления к преступлению и неоконченного покушения он возможен всегда.

На стадии оконченного покушения он возможен лишь в случаях, когда деяние и преступные последствия объективно не совпадают по времени и между ними существует определенный временной промежуток, в течение которого виновное лицо контролирует ситуацию и имеет реальную возможность своими активными действиями предотвратить наступление преступного результата.

Список литературы

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография /под общ. Ред. С. П. Щербы. – М.: Издательство Юрлитинформ, 2010
2. Дронова Т. Н. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Выпуск 9, С. 124
3. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие /В. В. Сверчков.- 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012
4. Некрасов В. Н. Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 16. – С.22.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. –М.: Инфра-М, 2013
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. Чучаева А. И. – М.: Просвет, 2015.
7. Черненко Т. Г. Уголовное право. Часть Общая: конспект лекций по разделам: «Уголовный закон», «Преступление»: учебное пособие / Т. Г. Черненко; ГОУ ВПО Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.
8. Шакирова А. А. К вопросу о стадиях преступления при добровольном отказе // Основные тенденции развития Российского законодательства. – 2011. – № 6. – С. 88.

Паршина Ирина Михайловна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

РАЗБОЙ, СОВЕРШЕННЫЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Разбой по сравнению с другими формами хищения обладает повышенной степенью общественной опасности, что обусловлено его двухобъектным характером. Основным непосредственным объектом данного преступления выступают отношения собственности, связанные с порядком распределения материальных благ, дополнительным – жизнь и здоровье личности, подвергшейся нападению.

Определяя место статьи, предусматривающей уголовную ответственность за разбой в уголовном законе, законодатель ставил своей основной задачей обеспечение защиты собственности от преступных посягательств, и разбой представляет собой одну из форм хищения. Однако особая опасность разбоя заключается не столько в посягательстве на отношения собственности, сколько в способе такого посягательства – в нападении, соединенном с реальным применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия.

Сущность разбоя заключается в стремлении преступника завладеть чужим имуществом путем применения насилия к потерпевшему. Посягательство на личность при разбое выступает как средство завладения чужим имуществом.

С объективной стороны разбой характеризуется совершением активных действий, соответственно объективные признаки разбоя выражаются в нападении, совершенном с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. То есть с объективной стороны разбой, как отмечает Лопашенко Н. А. – это сложное преступление, состоящее из двух действий: нападения и применения насилия[1].

Насилие при разбое является способом завладеть чужим имуществом либо удержать изъятое имущество, оно может быть применено к собственнику, к законному владельцу, к лицу, в ведении или под охраной которого находится имущество, так же к посторонним лицам, которые могут или попытаются оказать противодействие преступнику. Но в любом случае насилие должно применяться именно с целью хищения, то есть противоправного завладения, чужим имуществом. По интенсивности насилие при совершении разбоя должно быть опасным для жизни и здоровья.

Под насилием понимается применение силы к кому – либо, причем применение не правомерное. Согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 03.03.2015): «Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»[4].

Насилие должно считаться опасным для жизни, если способ его применения создавал реальную опасность наступления смерти, хотя бы даже не повлек реального серьезного вреда здоровью. Под насилием, опасным для здоровья, понимаются такие действия, которые причинили вред здоровью потерпевшего, а также насилие, которое хотя и не причинило легкого, средней тяжести или тяжкого вреда, но в момент применения создавало реальную опасность причинения.

Характер насилия служит объективным критерием разграничения насильственного грабежа и разбоя. Не опасное для жизни или здоровья насилие позволяет квалифицировать деяние как грабеж, а если оно сопряжено с реальным расстройством

здоровья, то есть является опасным для здоровья потерпевшего либо ставит его жизнь в опасность, то деяние следует квалифицировать как разбойное нападение.

В уголовно - правовой доктрине насилие при разбое подразделяется на физическое и психическое. Понятие физического насилия связывается с общественно – опасным противоправным воздействием на организм другого человека против его воли. Физическое насилие может проявляться в воздействии на телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь человека, на внутренние органы потерпевшего без нарушения наружных тканей организма, может заключаться в ограничении свободы личности.

Однако при разбое виновное лицо может применять к потерпевшему не только физическое, но и психическое насилие. Под психическим насилием следует понимать воздействие виновного на сознание и волю потерпевшего без применения физической силы с целью подчинить себе поведение жертвы, то есть воздействие на психику человека, выражающееся в запугивании его применением физического насилия. Психическое насилие при разбое по своему содержанию представляет собой угрозу применения физического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, а не причинения какого – либо вреда. Эта угроза может быть выражена в различной форме: словесно, жестами, демонстрацией оружия или иных предметов, применение которых может быть опасно для жизни или здоровья потерпевшего или иным способом.

Однако угроза применения насилия должна быть реальной, то есть содержать в себе действительную опасность, и то, что преступник может осуществить эту угрозу немедленно, а не в будущем. Только такая угроза по степени интенсивности воздействия на потерпевшего способна запугать его, тем самым облегчить доступ к имуществу, которое и является конечной целью преступления.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, на наш взгляд и являются элементом психического насилия при разбое. Однако возникает проблема в квалификации деяния при использовании предмета, который заведомо для виновного в действительности не может причинить потерпевшему вред – неисправного оружия, муляжа и так далее.

В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 03.03.2015) прямо указывается: «Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием, либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена [частью первой статьи 162](#) УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия» [4].

А если потерпевший не был осведомлен о непригодности предмета для причинения вреда его жизни и здоровью и воспринимал угрозу как реальную?

Указанное положение в Постановлении Пленума представляется спорным. В нем ситуация оценивается с точки зрения субъективной стороны, опирается на восприятие виновного – хотел ли, мог ли объективно применить оружие, знал ли о его непригодности. Однако не учитывается оценка ситуации потерпевшим, который, увидев пистолет в руках нападающего, с силу обстоятельств нападения, неожиданности и иных особенностей своего состояния в момент совершения на него нападения воспринимает наличие оружия у виновного как действительную угрозу своей жизни или здоровью. И только поэтому не оказывает сопротивления виновному, когда тот завладевает его имуществом. Применения даже непригодного оружия является проявлением психического насилия.

Этой же позиции придерживается Шляхин Ф. В., который определяя угрозу как вид психического насилия. «При разбое используется угроза физическим насилием, которая

представляет собой выраженное вовне обещание причинить вред, опасный для жизни или здоровья потерпевшего, и применяется с целью завладеть чужим имуществом» [3].

То есть психическое насилие это как раз и есть угроза физическим насилием. На это прямо указывает и Базаров Р. А.: «В соответствии с уголовным законом психическое насилие при разбое может выражаться в угрозе применения физического насилия». И далее: «Угроза с применением макетов оружия или иных предметов, внешне напоминающих оружие, способствуют изъятию имущества и по степени воздействия на психику потерпевшего ничем не отличаются от угрозы настоящим оружием» [1].

Таким образом, по нашему мнению, для квалификации разбоя как совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, если виновным используется непригодный для причинения вреда предмет, следует учитывать восприятие потерпевшим этого предмета как оружия, способного причинить действительный вред его жизни или здоровью. Применение оружия при разбое направлено на подавление сопротивления потерпевшего, парализацию его воли; это воздействие на его психику-проявление психического насилия, с целью облегчить доступ к его имуществу.

При этом не следует забывать о том, что оружие, непригодное для стрельбы, может быть применено виновным как предмет, используемый в качестве оружия при разбое – например, для удара потерпевшего по голове, с целью устрашения, подавления его сопротивления и облегчения доступа к имуществу, как конечной цели нападения.

Таким образом, если потерпевший воспринимает применяемый предмет как оружие, действительно способное причинить вред – этот предмет свое предназначение, предназначение оружия при разбое, выполняет и деяние должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Список литературы

1. Базаров Р. А. Уголовно-правовой анализ объективных признаков разбоя // Вестник ВЭГУ. – 2006. – № 1. – С.- 77-78.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. – Волтерс Клувер, 2007. – С. 34.
3. Шляхин Ф. В. Особенности психического насилия и определения момента окончания разбойного нападения // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2 (77). – С.- 37.
4. Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/1352873/#ixzz3oiONjHLR>.

Паршина Ирина Михайловна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

История правового регламентирования ОРД в России берет свое начало с первых писанных источников уголовного права X - X I веков.

Поскольку в первых писанных источниках не было разграничения права на отрасли, на материальное и процессуальное право, сложно говорить о конкретном правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности, так как и оперативно-розыскной деятельности как таковой в современном ее понимании в то время тоже не было. Отечественное право ещё только формировалось, и отрасли права только оформлялись, были в зачаточном состоянии.

Мы, анализируя первые дошедшие до нас писанные источники права, может говорить лишь о том, что в них просматриваются некоторые фрагменты правового регулирования

некоторых проявлений деятельности, которая впоследствии сформировалась и оформилась как оперативно-розыскная.

В период раннефеодальной государственности на Руси не было ни специализированных органов розыска преступников, ни специальных учреждений охраны правопорядка. Существовавшие государственные институты по характеру своей деятельности были полифункциональны.

Защита правопорядка возлагалась на князя, его дружину, тысяцкого, наместников и волостелей, вотчинников и крестьянскую общину или городское общество в целом, жизнь которых строилась на принципах круговой поруки. А защита собственных, частных, интересов возлагалась на потерпевшего.

Причины этого заключались, в том числе, и в достаточно невысоком уровне экономического развития общества, низком уровне преступности и отсутствии понимания преступления как явления несущего угрозу всему обществу. Достаточно напомнить, что в данный период времени даже противоправное действие в отношении князя характеризовалось термином «обида». Частно - правовой характер преступления обосновывал и частно - правовой характер деятельности по установлению и изобличению преступника.

Первым более или менее полным сводом законов времен великокняжеской династии Рюриковичей стала Русская Правда, в которой устанавливались две основные формы розыска преступника: «свод» и «гонение следа».

«Свод» состоял в инициативном розыске потерпевшим вероятного преступника и начинался с «заклича» - публичного заявления потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении в местах большого скопления народа, чаще всего это происходило на базарной площади, на «торгу», продолжался самим же потерпевшим путём «личного сыска».

«Свод» применялся зачастую при установлении виновного в краже и розыске украденных вещей, поскольку кража была самым распространенным преступлением в то время.

Правовые последствия для похитителя могли возникнуть только после подобного заявления. Статья 34 Пространной редакции Русской Правды говорит так: «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицом взята, а за обиду платити ему 3 гривны».

Это означает.: если у кого-то пропадет конь, оружие или одежда и он заявит о том «на торгу», а после опознает пропавшее у кого-либо из своей городской общины (или же в своем «миру»), то может отобрать свое, а тот, у кого вещь отобрана, должен уплатить пострадавшему штраф в три гривны «за обид» [4].

Статья 35 Русской Правды была изложена следующим образом: «Если кто опознает свою вещь, потерянную им или украденную у него, (а именно) коня, одежду или скотину, то ему не (следует) говорить «это мое», но (пусть скажет так) «пойди на свод, (выясним), где ты взял (ее)». Если на своде выявится (тот), кто виновен (в присвоении чужой вещи), то на того и падет ответственность за воровство; тогда он (т. е. истец) возьмет свою вещь, ему же будет платить виновный и за то, что пропало вместе с обнаруженной вещью; если будет конокрад, то выдать его князю на поток, если же будет обыкновенный вор то ему платить 3 гривны» [4].

Оптимальный вариант розыска: потерпевший сделал «заклич» и обнаружил свою вещь у вора. Но возможна была и ситуация, когда человек, у которого потерпевший обнаружил свою вещь, утверждал, что приобрел ее законно у третьего лица, то есть является добросовестным приобретателем. В таком случае начиналась процедура «свода» и Русская Правда предписывала новому владельцу вещи не выдавать ее пострадавшему, а идти вместе с ним к тому, у кого она приобретена. Если же и этот человек утверждал, что обнаруженное у него имущество приобретено законным путем, «свод» продолжался уже всеми заинтересованными лицами. И так до тех пор, пока он не выводил на того, кто не

мог доказать, что разыскиваемое имущество попало к нему на законных основаниях. Тогда этот человек признавался вором и обязан был возместить ущерб и уплатить штраф «за обиду».

Таким образом, «свод» представлял собой инициативный розыск потерпевшим вероятного преступника путем сведения воедино нескольких лиц, организации очной ставки. «Свод» применялся, как правило, при установлении виновного в краже и розыске украденных вещей [3].

Русская Правда определяла особенности проведения «свода» в тех случаях, когда он переходил на территорию другой общины, за пределы города, где проживал пострадавший, и даже за границу княжества. Так, если «свод» переходил на территорию другой общины, то потерпевший вел его только до третьего ответчика и, взыскав с него стоимость похищенной вещи (имущества), предоставлял уже тому право вести «свод» до конца. По общему правилу «свод» не должен был выходить за границы своего княжества или населённого пункта.

Если же ответчик ссылаясь на покупку обнаруженного у него разыскиваемого имущества у неизвестного лица или подданного другого княжества, то должен был подтвердить данный факт показаниями не менее двух свидетелей или сборщика торговых пошлин (мытника). В таком случае похищенное все же передавалось собственнику, а он, сохранив доброе имя, освобождался от наказания, но, потеряв деньги, приобретал право иска в случае, если обнаружит лицо, продавшее ему украденную вещь [1].

В отличие от розыска вещей материального мира, в случае похищения холопов розыск не ограничивался никакими условиями, а должен был продолжаться до конца, до выявления похитителя. Сам термин «сыск» исходит к понятию «искати». «Искать», «искати» употребляется ещё в Русской Правде. Он обозначал действия заинтересованных лиц по поиску, нахождению, обнаружению чего-либо или кого-либо и является основой терминологии формирующегося русского права [2].

Таким образом, в основе процедуры «свода» лежал принцип профилактики краж, татьбы, то есть запрета на покупку имущества у неизвестных лиц, иначе покупатель мог сам оказаться в положении преступника или потерять деньги.

Другой формой досудебных отношений между потерпевшим и предполагаемым злоумышленником было «гонение следа».

«Гонение следа» уже гораздо ближе к современным оперативно-розыскным методам. Оно заключалось в поиске и преследовании преступника по оставленным им следам. Русская Правда предусматривала специальные формы и порядок его проведения. Если след привел к дому конкретного человека, считалось, что он и есть преступник. Если след привел просто в село, ответственность несла община. Если след потерялся на большой дороге, на этом поиск прекращался. Если ни утраченная вещь, ни похититель не были найдены, потерпевший должен был прибегнуть к закличу, а затем проводить «свод».

Статья 77 Русской Правды содержала следующие указания по осуществлению «гонения следа»: «Если вора не будет (сразу обнаружено), то искать (его) по следу; если не будет следа к (частновладельческому) селу или к торговому стану, а (люди, т. е. члены верви) не отведут следа от себя и не поедут по следу (разыскивать вора) или воспротивятся (разысканию вора у них), то они платят и убытки, причиненные воровством, и штраф; если же (при разыскании) след затеряется на большой дороге, (где) и села (поблизости) не будет, или на пустыре, где не будет ни села ни людей, (то им) не следует платить ни убытки за воровство, ни штраф» [4].

В данном случае закон исходит из предположения, что там, куда приводил след, и находится преступник. Если след терялся на большой дороге или в степи, где не было никакого жилья, розыски прекращались. Но если следы приводили в ту или иную общину (вервь), то на нее ложилась обязанность оказать содействие розыску преступника. При этом перед общиной возникало три альтернативы. Во-первых, она могла «отсочить» от себя след, то есть указать, что следы ходят за территорию общины, и тогда

преследователи должны были продолжать поиск в другом месте. Во-вторых, помочь найти преступника внутри своего общества и выдать его. И, в-третьих, община могла отказаться от поиска преступника по каким-либо причинам. Но в этом случае в соответствии с принципом круговой поруки она должна была выплатить «татьбу и продажи» или «дикую виру» - различные виды штрафов, определявшиеся в зависимости от вида совершенного преступления. Таким образом, в основе «гонения следа» лежал принцип круговой поруки, который заставлял население внимательно относиться к соседям, чтобы не платить за их преступления штрафы [2].

«Свод» и «гонение следа» были первыми законодательно закрепленными формами сыска, досудебной подготовки дела о причинении вреда преступлением и розыска виновного на территории Древней Руси.

Но поскольку они выросли из методов разрешения конфликтов поры родоплеменных отношений, то несли в себе их особенности. В частности, бремя розыска преступника и доказывание его вины ложились на потерпевшего, а когда он физически не имел такой возможности, например, был убит или тяжело ранен, то на его родственников.

Список литературы

1. Агарков А. В. Исторический и организационно-правовой аспекты развития оперативных подразделений в местах лишения свободы. – Владимир 2010
2. Еленский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России. – М.: МЮИ, 1997
3. Смирнов М. П., Шумилов А. Ю. Оперативно- розыскная деятельность Российской империи в документах и комментариях. – Москва, издательский дом Шумиловой И., 2010.
4. Русская Правда текст переводом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveki.ru/museum/docs/russkaya_pravda_yaroslava/. – Загл. с экрана.

Чуприна Яна Сергеевна

юрист АНО «Центр защиты прав потребителей» (г. Ростов-на Дону)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ О ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

На протяжении долгого времени, при изучении криминологических исследований, очень редко встречались вопросы, связанные с изучением такой категории, как женская преступность. С постоянным и динамичным развитием Российского общества, женская преступность получила широкое распространение, что значительно ухудшает криминальную ситуацию Российского современного общества [1].

Современная женская преступность представляет собой сложное изменчивое явление, испытывающее влияние негативных реалий сегодняшнего дня и оказывающее в силу своей специфики самое отрицательное воздействие на общество, его институты и общности, особенно на семью, на нравственно-психологическую атмосферу в целом. Эта преступность обладает определенными особенностями, связанными с социальной ролью и функциями женщины, своеобразным образом жизни и профессиональной деятельности, психофизиологической спецификой, а также с ее исторически обусловленным местом в системе общественных отношений. С изменением социальных условий и образа жизни женщины, ее социальных ролей изменяются характер и способы ее преступного поведения. В связи с этим в настоящее время имеется большая необходимость в изучении современных тенденций в женской преступности, ее источников и причин.

В последние годы наблюдается стремительный рост преступности, в том числе и

женской. Это обстоятельство можно объяснить тем, что изменения в политической и экономической жизни Российской Федерации повлекли рост социальной напряженности, социальных конфликтов и противоречий. Произошли изменения в понимании социального статуса женщины, что, безусловно, отразилось как на количестве женской преступности, так и на ее качестве. Уровень преступности женщин (абсолютное число зарегистрированных преступлений) традиционно ниже уровня преступности мужчин в 5-7 раз, хотя женщин в стране больше, чем мужчин и их социальное положение менялось. Эта закономерность сохраняется и в настоящее время.

Зависимость уровня женской преступности от социально-экономических особенностей разных регионов страны. Рассматривая женскую преступность по регионам, следует отметить, что в тех из них, где общий коэффициент преступности выше, растет и коэффициент преступности женщин. Например, при статистических исследованиях в Иркутской области, Красноярском крае, Республике Бурятия и Читинской области, было выявлено, что в Иркутской области наблюдается постоянный рост числа зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, и их удельного веса в общей структуре преступности. Так, если в 2007 г. каждое десятое преступление в области совершалось женщиной, то в 2014 г. таковым было уже каждое пятое. Помимо этого, необходимо заметить, что женская преступность постоянно возрастает. К сожалению, в нашем обществе женская преступность обладает спецификой совершения преступлений, а следовательно, женскую преступность наиболее сложно предотвратить [2].

Структура женской преступности представлена преимущественно корыстными преступлениями, связанными с профессиональной деятельностью женщин. Наиболее характерны для них хищения, совершенные путем присвоения, растраты либо злоупотребления доверием (18-20% преступлений женщин), обман потребителей (13-14%), кражи (15%), вымогательство, мошенничество. В общем же числе зарегистрированных преступлений женщин доля корыстных посягательств составляет примерно 45-50%.

Некоторое сближение женской и мужской преступности по видам преступлений и способам их совершения. Исследования показывают, что женщина по криминологической характеристике совершаемых преступлений все больше приближаются к мужчинам. Женщины все чаще участвуют в совершении насильственных и иных тяжких преступлений. Даже количество хулиганств в общей массе преступлений, совершенных женщинами, выросло в последнее десятилетие почти в 4 раза. Насильственные преступления ранее не были характерны для женщин и совершались ими в основном в семейно-бытовой сфере. Однако число женщин за последние годы, совершивших такие преступления, постоянно растет. Общее число женщин-убийц выросло почти в 2,5 раза, и сейчас женщиной является каждый тридцатый убийца. Принято считать, что насильственная преступность женщин растет менее низкими темпами.

Из общего числа выявленных преступниц примерно 30-40% совершают уголовно наказуемые деяния в состоянии опьянения. Все большие масштабы принимают преступления женщин, связанные с использованием ими наркотических и сильнодействующих препаратов. Эти преступления совершаются женщинами, либо с целью сбыта или приобретения наркотиков и сильнодействующих лекарственных препаратов.

В последние годы в стране произошло значительное омоложение женской преступности. Наблюдается и рост женской преступности среди несовершеннолетних. Судебная практика знает случаи зверских убийств, совершаемых группами девочек в возрасте 14-15 лет.

Однако возраст большинства женщин – преступниц все же превышает 35 лет, что обусловлено спецификой условий, детерминирующих женскую преступность. Чаще всего эта специфика проявляется в профессиональной сфере женщин либо в их семейных и родственных отношениях. Профессия и семья в жизнь женщины вторгается после 20 лет,

а к 30-35 годам женщины все больше ощущают их некоторых негативных факторов, что иногда детерминирует их преступные проявления.

При постоянном росте женской преступности наибольшие темпы ее прироста в последнем десятилетии отмечены в группах женщины в возрасте 25-29 лет (+82,8%) и 18-24 года (+80,8%). Указанные возрастные группы в структуре женской преступности составляют около 30%.

По возрасту, социальному положению, влиянию прежней судимости и некоторым другим признакам личности у женщин-преступниц, как правило, не наблюдается больших отклонений от среднестатистических показателей. В то же время образовательный уровень женщин-преступниц всегда был выше по сравнению с мужчинами-преступниками [3].

В последнее десятилетие прирост женщин-преступниц с высшим образованием к общему числу преступниц составил 70-80%. Значительное число женщин-преступниц (около 45%) постоянной работы не имели. Большую значимость для женской преступности имеют проблемы семейного положения женщин. Около 50% женщин-преступниц в момент совершения преступления не состояли в официальном браке [4].

Кроме этого, преступность женщин отличается высокой латентностью, а это искажает сведения о возросшей криминальной активности женщин. По оценкам экспертов, латентная преступность превышает регистрируемую в 3-4 раза. А в отношении преступности женщин эти показатели могут быть увеличены в 4-5 раз [5]. В частности это объясняется тем, что в случаях совершения преступления женщиной потерпевшие, исходя из принятых в обществе стерео типов мышления, жалеют женщину как более слабое и беззащитное существо и не обращаются с заявлением в правоохранительные органы. Даже сами работники правоохранительных органов и прокуратуры, по подобным мотивам, могут иногда скрыть незначительные преступления женщин или вынести по ним отказной материал. По исследованиям А.Ю.Морозова, 16,7% опрошенных респондентов, осужденных в первый раз, показали, что они ранее уже совершали преступления, по которым потерпевший не обращался в правоохранительные органы в силу разных причин [4].

По нашему мнению, одним из важных слагаемых латентности преступлений, непосредственно связанных с качествами личности преступника, является умелый выбор им своей жертвы. Например, объектом преступного посягательства женщин становятся лица, которые в силу небезупречности своей репутации или предосудительного поведения не заинтересованы в огласке преступления.

Поэтому, можно сделать выводы, что женская преступность постоянно возрастает и развивается вместе с нашим современным Российским государством.

Список литературы

1. Чуприна Я.С. Современное состояние исследований о женской преступности // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых): материалы Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов. – Нижний Новгород, 2015. – 210 с.
2. Добровольская Е.В. Современное состояние исследований о женской преступности в отечественной юридической науке // Ученые записки. Памяти Е.В. Добровольской. Т. 40 / Отв. ред. д.ю.н., проф. Е.И. Дулимов. - Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2013. – С.119.
3. Чуприна Я.С. Состояние женской преступности в XXI веке // Первые Академические чтения по актуальным вопросам юриспруденции: сборник материалы Общероссийской научно-практической конференции. 11 апреля 2014 года / М.В. Торопов, отв.ред. –Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. – С. 259.
4. Кунц Е.В. Тенденции женской преступности // Законность. – 2013. – № 4. – С.111.

5. Шиян В.И. основные типы личности корыстных преступлений // Вестник Академии права и управления. –2014. – №36. – С.115.

Чуприна Яна Сергеевна

юрист АНО «Центр защиты прав потребителей» (г. Ростов-на-Дону)

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Криминальная агрессия женщин – отражение социальных и личностных проблем современной российской женщины в целом, своеобразная форма ее реагирования на происходящие негативные изменения в стране, семье, коллективе [1].

Произошедшие изменения в понимании социального статуса женщины отразились как на количественной характеристике женской преступности, так и на качественной. Что касается количественных особенностей и отличий, то на протяжении веков женская преступность всегда значительно уступала мужской. Соотношение уровня преступлений, совершаемых женщинами, к уровню преступлений, совершаемых мужчинами, равно 1:7 [2].

В последнее десятилетие наблюдается особенный рост некоторых видов преступлений, совершаемых женщинами. К таким видам относятся насильственные преступления, совершаемые на семейно-бытовой почве, корыстные и экономические преступления.

В целом, как показывает анализ, более 60% женщин отбывают наказания за корыстные преступления, а основную долю их составляют кражи личного имущества (около 40 %).

В 3–5 и более раз возросло число женщин, отбывающих наказание за убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования. Растет и число женщин, осужденных к длительным срокам лишения свободы (8–10 лет).

К сожалению, весьма высока среди женщин и рецидивная преступность: в настоящее время в местах лишения свободы находятся 57 % впервые осужденных женщин, 15 % – дважды судимых и 28 – имеющих три и более судимостей. Среди рецидивисток выделяются личности профессиональных преступниц, криминальный статус которых идентичен «ворам в законе», «авторитетам», традиционным для мужской уголовной среды [3].

Приоритет в причинном комплексе преступности принадлежит обстоятельствам, которые формируются в условиях социальной жизни. Именно они оказывают наиболее значимое влияние на формирование преступного поведения женщины. На наш взгляд, увеличение доли преступности женщин в общей преступности связано наряду с другими причинами с уравниванием полов в правовом, социальном и других аспектах.

Что касается качественных особенностей, то криминологическая характеристика личности женщины-преступницы имеет свою специфику. Как правило, среди них больше, чем среди выявленных преступников-мужчин, лиц старшего возраста. И эта тенденция сохраняется до настоящего времени, несмотря на то, что в целом в последние годы прослеживается омоложение преступников.

Образовательный уровень женщин-преступниц всегда был выше по сравнению с мужчинами-преступниками. Многие преступления женщин связаны с их профессиональной деятельностью в сфере бытового обслуживания, распределения материальных ценностей, торговли, легкой и пищевой промышленности. Это и обуславливает относительно большую распространенность в женской преступности, по сравнению с преступностью в целом, хищений имущества, спекуляций, обмана покупателей.

Другую группу составляют преступления, обусловленные семейно-бытовыми отношениями. Хотя насильственные преступления составляют примерно 1/10 часть от всех преступлений женщин, их количество остается стабильным на протяжении ряда лет. Для этой группы преступлений также характерно, что подавляющее большинство из них связано с потребностью разрешить семейно-бытовой конфликт. Проведенные исследования показывают, что наибольшее число убитых приходится на группу мужей и сожителей. Главной причиной их гибели является длительное агрессивное поведение в отношении обследованных, алкоголизация, а также их характерные особенности, главными из которых являлись эксплозивность и импульсивность.

Агрессивное поведение как одна из первостепенных причин убийств пострадавших выявлена не только среди мужей и сожителей, но и в группах кровных родственников, в том числе и в случае убийства взрослой дочери. Однако агрессивное поведение было свойственно не только мужчинам из лиц ближайшего окружения, но и женщинам, совершившим убийства мужей или посторонних (из мести, корыстных побуждений) людей, не членов семьи. У таких женщин наблюдались черты характера, близкие к тем, что встречались у пострадавших мужчин, в первую очередь, эксплозивность.

По результатам многих исследований выявлены отличия в объектах насильственного преступного посягательства в зависимости от возраста женщины-преступницы. Жертвами молодых преступниц – как правило, представительниц низкого социального слоя с антисоциальными личностными расстройствами – чаще являлись дети. У женщин среднего возраста наблюдались аффективные расстройства или алкогольная зависимость, а их жертвами были мужчины, которые долгое время плохо с ними обращались.

Как отмечает Ю. М. Антонян, женщины «...более эмоционально и остро реагируют на неактивные стороны окружающей действительности; травмы, связанные с производственными и семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, могут носить у них более затяжной и глубокий характер». Вследствие этого женщины сравнительно часто совершают убийства на почве страсти и ревности.

Кроме того доказано, что на женщин, совершивших убийства, часто оказывает влияние атмосфера в семье. Постоянное насилие, какая-то сложная, внезапная ситуация могли вызвать у женщины страх, что повлекло за собой агрессивные действия. Мотивами для убийства могут послужить страх, угроза, обида, сексуальный мотив (ревность, месть).

По мнению Н.Б. Осипяна, «у «нормальных» женщин убийства были вызваны преимущественно страхом, угрозой, а у асоциальных личностей – экономическими и мстительными факторами» [1].

В числе специфических форм насилия, используемого женщинами в быту, встречаются «заказанные» ими убийства мужей, избиения и изнасилования иных женщин. В основе мотивации таких преступлений чаще всего лежит месть, ревность, корысть.

Следует отметить возрастание криминальной агрессии среди несовершеннолетних девушек, которые все чаще становятся организаторами и лидерами преступных групп, соисполнительницами тяжких преступлений совместно с взрослыми мужчинами.

Тревожной тенденцией является рост убийств, совершаемых женщинами в отношении собственных детей. Причем такие убийства происходят чаще в отношении детей более старшего возраста (а не только новорожденного), включая подростковый. Исследования личности осужденных, совершивших данные преступления, свидетельствуют о глубокой нравственной деградации, потере высших эмоциональных чувств любви, сострадания, жалости [1].

Так, Звенигородский городской суд Московской области 10 июня 2014 года М.И. Федоренко признал виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и назначил ей наказание по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ в виде 5 (пяти) лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на срок 2 (два) года [4].

Суть данного дела: М.И. Федоренко находясь в состоянии алкогольного опьянения по месту жительства в результате внезапно возникшей личной неприязни к своей малолетней дочери, действуя умышленно, с целью убийства, схватила дочь за волосы, заведомо зная, что малолетняя дочь находится в беспомощном состоянии, применила к ней физическую силу и, преодолевая ее сопротивление, потащила в сторону входной двери указанной квартиры, при этом нанесла не менее трех ударов кулаком по лицу.

М.И. Федоренко вывела дочь из вышеуказанной квартиры на лестничную площадку дома. Находясь в указанном месте, М.И. Федоренко нанесла И.М. Федоренко еще не менее двух ударов локтем по лицу, после чего сбросила ее из окна, расположенного на указанной лестничной площадке, в результате данных действий И.М. Федоренко упала на козырек подъезда № 5. После чего М.И. Федоренко безразлично отнеслась к здоровью своей малолетней дочери и вернулась в вышеуказанную квартиру.

Однако довести до конца свой преступный умысел М.И. Федоренко М.И. не смогла, по независящим от нее обстоятельствам, поскольку И.М. Федоренко была своевременно оказана квалифицированная медицинская помощь.

Список литературы

1. Осипян Н.Б. К вопросу об особенностях женской преступности // Журнал «Психология и право». – 2014. – №2. – С.15.
2. Ильченко О.Ю., Хорошилова А.А. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – №26. – С.67.
3. Лысова А.В. Уровень и динамика женской преступности в России // Социологические исследования. – 2013. – №10. – С.137.
4. Приговор Звенигородского городского суд Московской области от 10 июня 2014 года в отношении М.И. Федоренко [Электронный ресурс]. // URL: <https://rospravosudie.com/court-zvenigorodskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/> (дата обращения 20.04.2015 г.).

Ануфриева Екатерина Андреевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск)

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОВД, СИТУАЦИИ НЕСОГЛАСИЯ ПОДСУДИМОГО С ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ

Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства имеет огромное значение. Использование судьей и государственным обвинителем криминалистических приемов и методов ведения судебного разбирательства позволяет оценить существующую криминалистическую ситуацию, не допустить возникновения или разрешить возникшие проблемные ситуации, что обеспечивает условия для максимально полного, всестороннего и объективного исследования доказательств вины подсудимого и принятия судом на их основе законного, обоснованного и справедливого решения [2, 4].

Анализ судебно-следственной практики по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД, показал, что тактика действий судьи и государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства этой категории дел имеет свои особенности, обусловленные, в первую очередь, спецификой личности

подсудимого. Его практический опыт работы в правоохранительных органах, а возможно, и непосредственное участие в судебных заседаниях, позволяет чувствовать себя в данной обстановке психологически более уверенно в отличие от других участников процесса (свидетелей, потерпевших и др.). Кроме того, обладая юридическими знаниями, сотрудник может еще в начальной стадии предварительного расследования спланировать тактику защиты в суде, сознательно допуская получение следователем определенных доказательств, давая соответствующие показания, а также совершая иные действия (бездействие) с целью последующего признания доказательств недопустимыми и «развала» уголовного дела. Так, на специфические особенности личности коррумпированных сотрудников ОВД указывают 76,6% опрошенных государственных обвинителей, что, по их мнению, находит отражение в грамотной тактике защиты (21,7%) и оказании противодействия во время судебного разбирательства (32%). Необходимо также учитывать и некую «корпоративность» среди сотрудников ОВД, связанную с «не вынесением сора из избы» и влекущую за собой изменение показаний как подсудимого, так и свидетелей на предварительном следствии и в ходе судебного заседания [1].

Исходя из позиции занятой стороной защиты по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД, тактика действий государственного обвинителя и судьи будет отличаться [3, 5]. Проанализируем особенности проведения судебного разбирательства в ситуации несогласия подсудимого с предъявляемым ему обвинением.

Такую позицию сторона защиты, как правило, выбирает при недостаточно качественной доказательственной базе. Вместе с тем в ряде случаев даже при наличии твердой доказательственной базы защита прибегает такому тактическому ходу [2]. При этом позиция защиты будет проявляться в следующем: отказ подсудимого от дачи показаний (42,5%); ходатайство о признании доказательств недопустимыми (68,4%); отказ свидетелей от ранее данных показаний (32,8%); заявление ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных заседателей (1,2%).

Часто стороной защиты используются такой метод как заявление о частичном или полном несоответствии данных предварительного следствия фактической действительности произошедшего события. Говоря о противодействии подсудимыми проведению судебного разбирательства, опрошенные государственные обвинители отметили следующие способы: срывают производство судебных действий (26,5%), дают ложные показания (56,6%), высказывают угрозы в адрес суда и сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры и пр. (2,2%), воздействуют на свидетелей в зале суда (3,1%), воздействуют на свидетелей вне пределов суда (39,1%), используют личные связи с целью влияния на ход расследования (33,3%).

В случае отрицания подсудимым вины как на этапе предварительного расследования, так и на этапе судебного разбирательства наиболее целесообразным предполагается следующий порядок проведения судебных действий: допрос лица, передавшего предмет незаконного вознаграждения; допрос свидетелей-очевидцев; допрос свидетелей, подтверждающий позицию защиты; оглашение результатов проведенных очных ставок; оглашение результатов оперативного эксперимента; допрос свидетелей – участников оперативного эксперимента; оглашение выводов заключения проведенных экспертиз; предъявление вещественных доказательств; допрос подсудимого. В случае, если подсудимый в ходе предварительного следствия признавал вину, а в судебном заседании отказался от ранее данных показаний, следует первоначально допросить подсудимого, затем огласить его показания, данные в ходе предварительного следствия, и после продолжить рассмотрение уголовного дела в вышеобозначенном порядке.

Основной причиной возникновения такой ситуации является некачественно проведенное предварительное расследование. Так, 70,5% государственных обвинителей и 74,2% судей указали, что им приходилось восполнять неполноту предварительного расследования, что выражалось в проведении следующих действий: допрос

выгодополучателя (27,4%), допрос свидетелей – очевидцев преступления (46,8%), допрос свидетелей, подтверждающих алиби подсудимого (23,6%), проведение очных ставок (11,6%), непосредственный осмотр места происшествия (1,2%), оглашение протокола проверки и уточнения показаний на месте (33,4%), назначение экспертиз (40,5%), проведение следственного эксперимента (5%), демонстрация аудио-, видеоматериалов (21,4%), предъявление других вещественных доказательств (9,2%), непосредственное проведение других следственных действий (2,8%).

При этом, согласно опросу государственных обвинителей и судей, по приговору суда были вменены все факты, выявленные в ходе предварительного расследования, – 39,8%, частично – 49,4%, в ходе судебного следствия дополнительно выявлялись факты – 2,9%, ни один не вменен – 1,3%.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что знание судьей и государственным обвинителем типичных криминалистических ситуаций, характерных для этапа судебного разбирательства уголовных дел о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД, а также учет личностных особенностей подсудимого данной категории при планировании тактики своей деятельности в ходе судебного разбирательства позволит оптимизировать процесс решения задач, стоящих перед ними на данном этапе уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2012. – 212 с.
2. Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 196 с.
3. Кирилова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел: монография. – СПб.: Изд. дом СПб. ун-та, 2007. – 408 с.
4. Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М.: Изд. дом «Юридический мир», 2007. – 141 с.
5. Кушнirenко С.П. Поддержание государственного обвинения по делам о взяточничестве: руководство для государственных обвинителей. – СПб., 2004. – 86 с.

Попов Константин Олегович

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Алтайская академия экономики и права (г. Барнаул)

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ КЛЕВЕТЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И МОНГОЛИИ*

Уголовная ответственность за клевету предусмотрена в законодательстве всех трех названных государств: в ст. 128¹ УК РФ, ст. 130 УК Казахстана [1], ст. 111 УК Монголии [2; 3].

Российский законодатель свою позицию относительно возможности и пределов уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности менял неоднократно. В результате статья об ответственности за клевету (ст. 128¹ УК РФ) изменилась как в части

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Алтайским краем научного проекта № 15-13-22010 «Преступления против личности и против собственности в уголовном законодательстве России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии: сравнительно-правовое исследование».

диспозиций, так и в части санкций. Прежней осталась формулировка признаков основного состава преступления в ч. 1 ст. 128¹ УК РФ («клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»), а также формулировки некоторых квалифицированных видов данного преступления – клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 128¹), и клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128¹ УК РФ). В то же время появился ряд новых квалифицирующих признаков: совершение клеветы с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 128¹ УК); соединение клеветы с обвинением в совершении преступления сексуального характера или с распространением сведений о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих (ч. 4 ст. 128¹ УК РФ).

Понятие клеветы в уголовном законодательстве Казахстана полностью совпадает с тем, которое дается в российском УК. Но квалифицирующие признаки иные. В ч. 2 ст. 130 УК РК говорится о клевете, совершенной публично или с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а в ч. 3 той же статьи – о клевете, соединенной с обвинением лица в совершении коррупционного, тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно повлекшей тяжкие последствия. Таким образом, во-первых, детальнее описаны средства совершения преступления; во-вторых, специфическим квалифицирующим признаком является наступление тяжких последствий при клевете; в-третьих, указывается на сопряженность с обвинением в совершении коррупционного преступления как одно из отягчающих ответственность обстоятельств.

Понятие тяжких последствий в УК Республики Казахстан применительно ко всем составам, в которые оно включено, разъясняется в п. 4 ст. 3 УК. Очевидно, что из обширного универсального перечня последствий, которые законодатель считает тяжкими, к клевете имеют отношение лишь отдельные из них, в частности, смерть потерпевшего, самоубийство его или его близких, причинение лицу тяжкого вреда здоровью. Повышение уголовной ответственности за клевету, повлекшую такого рода последствия, представляется вполне обоснованным и может расцениваться как позитивный законотворческий опыт, полезный и для российского законодательства. Так, самоубийство потерпевшего вследствие распространения заведомо ложных сведений, порочащих его честь и достоинство или подрывающих его репутацию, по УК РФ в настоящее время учитывается лишь как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ), в пределах санкции ст. 128¹ УК. По ст. 110 УК РФ, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, такие деяния по общему правилу квалификации не подлежат, поскольку данная статья в качестве способа совершения преступления называет систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Кроме того, под ст. 110 УК РФ подпадают лишь случаи, когда имело место самоубийство самого лица, в отношении которого виновным совершались соответствующие действия, но не самоубийство его близких. С учетом изложенного полагаем, что ст. 128¹ УК РФ должна быть дополнена рассматриваемым квалифицирующим обстоятельством. Аналогичные предложения высказываются и в работах других авторов [4, с. 197; 5, с. 51-52; и др.]

В УК РФ, и в УК РК преступления, с обвинением в которых сопряжена клевета, выбраны по двум критериям – по степени тяжести и по направленности. Причем если говорить о критерии направленности, то в УК РФ клевета, соединенная с обвинением в совершении преступления сексуального характера, и клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, закреплены в разных частях ст. 128¹ УК РФ, тогда как в УК РК все квалифицированные виды клеветы, выделенные законодателем по признаку сопряженности с обвинением в совершении определенных преступлений, предусмотрены в одной и той же части ч.3 ст. 130.

В Уголовном кодексе Монголии 2002 г. имеется две статьи, предусматривающие ответственность за преступления против чести и достоинства личности, причем в обе из

них в 2008 г. были внесены изменения. Учитывая, что опубликованный перевод УК Монголии на русский язык отсутствует, в процессе исследования за основу был взят текст УК Монголии на английском языке, размещенный на сайте ОБСЕ [2], в его первоначальной редакции на момент введения в действие (1 сентября 2002 г.), а также использован неофициальный перевод текста УК (с внесенными позднее изменениями) с монгольского языка [3] на русский, осуществленный преподавателями вузов Монголии.

Ч. 1 ст. 111 УК Монголии («Клевета»), если опираться на перевод с монгольского языка, описывает деяние как распространение ложных сведений с целью унижения чести и достоинства личности. Формулировка английского текста несколько отличается: в ней нет указания на цель, но говорится о заведомо ложных сведениях как предмете клеветы. По сути эти формулировки отражают одно и то же поведение, аналогичное тому, что закреплено в ч. 1 ст. 128¹ УК РФ.

В монгольском УК в качестве квалифицированного вида клеветы предусмотрен лишь один вариант, называемых в УК РФ, – клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 111 УК Монголии). Ч. 2 ст. 111 УК Монголии содержит два квалифицирующих обстоятельства: совершение преступления лицом, ранее судимым за клевету или оскорбление, и распространение ложных сведений публично. Уяснение точного смысла последнего из перечисленных квалифицирующих обстоятельств вызывает затруднения: в тексте УК Монголии на английском языке по состоянию на момент принятия (2002 г.) оно сформулировано как распространение заведомо ложных сведений публично с использованием средств массовой информации. Но в 2008 г. в данную часть ст. 111 вносились изменения. Монгольские специалисты при переводе текста с внесенными изменениями подчеркивают признак публичности, уже не упоминая о СМИ. Между тем, очевидно, что публичный характер клеветы так или иначе присутствует всегда, поскольку без сообщения ложных сведений хотя бы одному лицу, помимо самого потерпевшего, нет признаков основного состава. Поэтому публичность здесь следует понимать близко к тому содержанию, которое отражено в сходном квалифицированном составе клеветы в российском УК: клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 128¹). Полагаем, что монгольский законодатель подразумевает под рассматриваемым квалифицированным видом клеветы распространение заведомо ложных сведений среди широкого круга лиц.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (ред. от 7 ноября 2014 г.) // Информационные системы «Параграф» [Электронный ресурс]. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.
2. Criminal Code of Mongolia // Organization for Security and Co-operation in Europe [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>
3. Уголовный кодекс Монголии от 3 января 2002 г. (ред. от 16 января 2014 г.) (на монгольском языке) // Единый правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/50>
4. Степашин В.М. К вопросу об уголовной ответственности за оскорбление и клевету // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2 (31). – С. 195-198.
5. Поезжалов В.Б., Шахмаев М.М. Клевета: спорные вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2 (32). – С. 46-53.

Цой Лолла Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО И УГОН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА *

Важное значение при решении вопросов уголовной ответственности за преступления против собственности имеет сравнительное правоведение. Для нас представляет интерес исследование уголовной ответственности за вымогательство и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по законодательству России, Казахстана и Кыргызстана.

Ответственность за вымогательство в Республике Казахстан предусмотрена ст. 194 УК, в которой вымогательство определено как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких»[1]. Согласно уголовного законодательства России[2] и Кыргызстана[3] вымогательство – «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

Понятия вымогательства, которые даются законодателями трёх государств, являются близкими, но в то же время в признаках составов вымогательства имеются и существенные отличия. Как следует из ст. 163 УК РФ, ст. 194 УК Республики Казахстан и ст. 170 УК Республики Кыргызстан, вымогательство может быть выражено в требовании, подкреплённом тремя видами угроз: применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения определенных сведений. Угроза распространения определенных сведений предполагает распространение следующих сведений: сведения, позорящие потерпевшего или его близких, и иные сведения. По уголовному законодательству России и Республики Кыргызстан к иным сведениям относятся сведения, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики №11-04 от 25.12.1997 г. «О судебной практике по делам о вымогательстве» указано: «Как вымогательство под угрозой оглашения позорящих сведений следует квалифицировать требование передачи имущества или права на имущество, сопровождающееся угрозой разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство»[4].

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Алтайским краем научного проекта № 15-13-22010 «Преступления против личности и против собственности в уголовном законодательстве России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии: сравнительно-правовое исследование».

В ст. 194 УК Республики Казахстан сведения, которые, помимо порочащих, могут быть разглашены, определены как сведения, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких. В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 23 июня 2006 г. №6 разъясняется, что под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких, следует понимать требование передачи чужого имущества либо права на имущество или совершения других действий имущественного характера, сопровождающееся угрозой разглашения любых сведений, которые могут нанести вред чести и достоинству потерпевшего[5]. Можно сделать вывод о том, что такие сведения могут быть весьма различными: как позорящими потерпевшего либо его близких, так и не унижающими лицо (сообщение о какой-то болезни).

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по законодательству России, Казахстана и Кыргызстана является посягательством на собственность. Предметом неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством по законодательству России, Казахстана и Кыргызстана является автомобиль или иное транспортное средство. В уголовных законах трех государств использована разная терминология при описании предмета данного преступления. Согласно ст. 166 УК РФ и ст. 200 УК Казахстана предмет преступления – автомобиль или иное транспортное средство, тогда как в ст. 172 Кыргызстана – автомобиль или иное автотранспортное средство. К иным транспортным средствам относятся мотоциклы, автобусы, катера, моторные лодки, сельскохозяйственные машины (трактора, комбайны и др.) и т.д., то есть машины, имеющие двигательные устройства.

Объективная сторона данного преступления выражается в неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством (угоне). В ст. 200 УК Казахстана объективная сторона рассматриваемого преступления раскрыта через два термина, приравненных друг к другу: неправомерное завладение и угон. В ст. 172 УК Кыргызстана признак «угон» не выделяется. Состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством по уголовному законодательству России, Казахстана и Кыргызстана сформулирован как формальный. В научной литературе отмечают, что не все ученые рассматривают состав данного преступления как формальный, и относят состав угона к материальным составам [6; С.370].

Субъективная сторона неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством в уголовных кодексах Казахстана и Кыргызстана описана неодинаково. Так, в отличие от законодательства России и Казахстана, в ст. 172 УК Кыргызстана нет ограничения по цели совершения преступления: «Неправомерное завладение автомобилем или иным автотранспортным средством наказывается...».

Квалифицирующие признаки угона по законодательству России, Казахстана и Кыргызстана также различаются: 1) по УК России и Казахстана в качестве квалифицирующего признака неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения не предусмотрена группа лиц: в п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ и п. 1 ч. 2 ст. 200 УК Казахстана квалифицирующим признаком угона признается совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; 2) в ст. 200 УК Казахстана квалифицированным составом признается неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством неоднократно; 3) в отличие от уголовного законодательства России и Казахстана в ст. 172 УК Кыргызстана в качестве квалифицированного состава не определен угон, причинивший крупный ущерб.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 7 ноября 2014 г.) // Информационные системы «Параграф» [Электронный ресурс]. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения – 15.10.2015).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174173> (дата обращения – 15.10.2015).
3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. (ред. от 8 апреля 2015 г.) // Информационные системы «Параграф» [Электронный ресурс]. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833 (дата обращения – 15.10.2015).
4. О судебной практике по делам о вымогательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. №3 (ред. от 25.10.1996) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=879 (дата обращения – 15.10.2015).
5. О судебной практике по делам о вымогательстве: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 23 июня 2006 г. № 6 (ред. от 24.12.2014 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <http://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2006> (дата обращения – 15.10.2015).
6. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. – М., 2012. – 527 с.

Сердюк Александр Александрович

аспирант кафедры уголовного процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», начальник отдела по надзору за следствием и дознанием прокуратуры Новосибирской области (г. Новосибирск)

**ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ СУДОМ ЗАКОННОСТИ ОСНОВАНИЙ ЕГО
ПРОВЕДЕНИЯ**

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144 ФЗ (в ред. от 29.06.2015)[2] не содержит определение понятия «оперативный эксперимент»¹. Вместе с тем к вопросу его формулирования в своих трудах обращались многие ученые. Так, В.В.Николюк и А.Е.Чечетин определяют оперативный эксперимент как способ получения информации путём воспроизведения негласно контролируемых условий для установления противоправных намерений лиц, подозреваемых в подготовке совершения преступлений [6, с.66-67]. По мнению А.Ю.Шумилова, оперативный эксперимент представляет собой активное наблюдение за поведением лица – объекта оперативной заинтересованности в контролируемых условиях, непосредственно не связанных с поведением последнего, для сбора оперативно-значимой информации, в целях проверки сведений о вероятной подготовке или совершении преступлений[7]. С точки зрения А.А.Степанова, М.Г.Шананина, оперативный эксперимент – это воспроизведение обстоятельств подготовки (совершения) преступлений в целях проверки, оценки собранных данных, получения новых сведений об их совершении и лицах, причастных к этому [4, с.27]. Признавая обоснованность каждого из приведённых мнений, отметим, что на наш взгляд, наиболее полное понятие этого ОРМ дано в принятом в 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ – рекомендательном законодательном акте «О борьбе с организованной преступностью»[3]. Так, в статье 26 этого документа сказано, что оперативный эксперимент - это воспроизведение обстановки, а равно иных обстоятельств противоправного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступлений, выявления лиц, их готовящих, совершающих, а также проверки сведений о возможности совершения определённых противоправных действий.

Соглашаясь с вышеприведённым понятием, считаем необходимым остановиться на вопросе определения оснований проведения оперативного эксперимента, к которым, из перечня, содержащегося в ст.7 ФЗ «Об ОРД», следует отнести сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого, совершённого преступления, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих и др., если нет оснований для возбуждения уголовного дела.

Отметим, что вопрос наличия (отсутствия) у правоохранительных органов таких сведений и как следствие – оценка наличия оснований для проведения оперативного эксперимента, законности его осуществления нередко вызывает затруднения в сфере практического правоприменения, о чем свидетельствует нижеследующий пример из судебной практики.

Так, приговором Кировского районного суда г.Новосибирска от 02.06.2011 старший инспектор ДПС Б., обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч.2

---

¹ Вместе с тем отметим, что понятие данного ОРМ раскрывается в ведомственных (секретных) нормативных актах, органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Однако в силу характера настоящей публикации они не могут быть здесь приведены.

ст.290 УК РФ, оправдан в соответствии с п.3 ч.2 ст.302 УПК РФ – в связи с отсутствием состава преступления.

Следствием Б. обвинялся в получении от Ж. взятки в виде денег, за не привлечение последнего к административной ответственности в связи с совершением им правонарушения, предусмотренного ч.3 ст.12.9 КоАП РФ.

Мотивом оправдания явился вывод суда о том, что решение о проведении оперативного эксперимента было принято сотрудниками УСБ ГУВД по Новосибирской области в отсутствие оснований, предусмотренных п.1 ч.2 ст.7 ФЗ «Об ОРД», а именно – ставших известными этому органу сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого, совершённого Б. преступления, которые, как счёл суд, должны быть приняты и зафиксированы не иначе как в порядке, установленном совместным приказом от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений» и приказом МВД РФ от 01.12.2005 № 985 «Об утверждении инструкции о порядке приёма, регистрации и разрешения в органах внутренних дел РФ заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях» (утратил силу в связи с изданием 29.08.2014 приказа №736).

Оспаривая данный вывод суда в представлении (с доводами которого суд 2-й инстанции согласился) прокурор указал, что позиция о необходимости регистрации таких сведений в соответствии с положениями вышеуказанных приказов не основана на законе. Суд оставил без внимания тот факт, что из показаний сотрудников УСБ Л., Ш., Д. следовало, что оперативная информация о вымогательстве Б. взяток поступала в региональное УСБ неоднократно. Она была надлежащим образом зарегистрирована, после чего для документирования противоправных действий Б. были подготовлены соответствующие оперативно-служебные документы, что подтверждается и исследованным в судебном заседании постановлением от 20.05.2009 «О проведении оперативного эксперимента», которое рассекречено и предоставлено следователю. В документе указан конкретный номер литерного дела, рассмотрев которое сотрудник УСБ Д. пришёл к выводу о необходимости проведения оперативного эксперимента, о чём вынес соответствующее постановление, которое согласовал начальник УСБ и утвердил руководитель органа-субъекта ОРД – начальник ГУВД по Новосибирской области (а именно эти должностные лица в соответствии со ст. 22 ФЗ «Об ОРД» несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении ОРМ). Постановление имело секретный регистрационный номер со ссылкой на литерное дело, которое заводится не иначе как на основании поступающих и регистрируемых в порядке секретного делопроизводства сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, когда нет оснований для возбуждении уголовного дела. Именно такие сведения и явились согласно п.1 ч.2 ст.7 ФЗ «Об ОРД» основанием для производства оперативного эксперимента в отношении Б. состоявшегося на следующий день – 21.05.2009.

Новосибирский областной суд, 12.10.2011 отменил данный приговор по доводам представления прокурора, указав, что суд первой инстанции, постановляя приговор, не учёл указанные обстоятельства, не дал им правильной оценки, что повлекло ошибочный вывод об отсутствии оснований у сотрудников УСБ для проведения в отношении Б. оперативного эксперимента. Для установления факта наличия (отсутствия) сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого противоправного деяния суду необходимо было не руководствоваться положениями приказов от 29.12.2005 и 01.12.2005, а исследовать (с сохранением режима секретности) в заседании ДОО и установить факт наличия (отсутствия) таких сведений, соответствие их оформления секретному делопроизводства.

Суд первой инстанции при повторном рассмотрении дела устранил это нарушение, и 28.09.2012 постановил приговор, признав Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.290 УК РФ (в ред. Федерального закона от 04.05.2011 №97 – ФЗ)

– в получении Б взятки в виде денег, за незаконное бездействие. Приговор вступил в законную силу.[5]

Подводя итог изложенному, отметим, что основания проведения оперативного эксперимента должны находить свое отражение в материалах дела оперативного учёта, и быть зарегистрированы по правилам секретного делопроизводства, а не по правилам, регламентированным приказом от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений».

Список литературы

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// www.consultant-plus.ru](http://www.consultant-plus.ru). – Загл. с экрана. (дата обращения 18.10.2015).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// www.consultant-plus.ru](http://www.consultant-plus.ru). – Загл. с экрана. (дата обращения 18.10.2015).
3. Рекомендательный законодательный акт "О борьбе с организованной преступностью". Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, 2 ноября 1996 г.) // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ [Электронный ресурс] // Режим доступа: [www. iasis. ru/html](http://www.iasis.ru/html). – Загл. с экрана. (дата обращения 18.10.2015).
4. Степанов А.А., Шананин М.Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий: учеб. пособие / А.А. Степанов, М.Г. Шананин. - СПб.: Санкт-Петербургский Юр. институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005. - 27 с.
5. Уголовное дело № 1-97/2012 // Архив Кировского районного суда г.Новосибирска.
6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий (постатейный) / И.Н. Зубов, Е.В. Буряков, В.В. Кальницкий и др.; под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николюка. М.: Спарк, 1999.
7. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учеб. пособие / А.Ю. Шумилов.- М.; Изд. Шумилова И.И., 1999. – 128 с.

Горожанкина Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент Сибирского
государственного университета путей сообщения (г.
Новосибирск)

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

В современных российских условиях повышается значение подготовки высококвалифицированных специалистов. Одно из направлений повышения качества этого процесса связано с совершенствованием межличностного взаимодействия преподавателей и студентов. Однако в установлении толерантных отношений в системе взаимодействия «преподаватель-студент», немаловажную роль играют сами студенты.

По словам А.А. Вербицкого, в вузе студент выступает не только как субъект познавательной деятельности, хотя она и является для него ведущей, но и как субъект общения. Преподаватель обязан при осуществлении трудовой функции вести себя так, чтобы не нарушать, честь, достоинство личности обучающегося, не вторгаться в личностное пространство студента, не использовать в профессиональной деятельности методы нарушающие основные моральные нормы. Трудовой кодекс РФ (п. 8 ст. 81) предусматривает возможность увольнения в связи с совершением преподавателем аморального проступка, несовместимого с продолжением его педагогической деятельности. Применение преподавателем вуза, в том числе однократного, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося является основанием для его увольнения по п. 2 ст. 336 ТК РФ [1]. Законодатель закрепил санкции в отношении педагогических работников, но, к сожалению, нет четкой правовой регламентации защиты прав преподавателя от недостойного поведения со стороны обучающихся.

Исследователи высшего профессионального образования отмечают многочисленные факты девиантного поведения студентов: несоблюдение общепринятых норм морали и нравственности, включая предосудительное поведение в общественных местах; грубость и хамство по отношению к студентам, преподавателям и другим сотрудникам образовательного учреждения; использование нецензурных и бранных слов и выражений речи; демонстрация различных форм публичного выражения агрессии[2, с.35];

Исследуя Уставы вузов, правила внутреннего распорядка в указанных локальных актах содержатся положения определяющие правила поведения студентов.

Закон об образовании в РФ (ст. 47 п.3. пп. 13) [3] содержит норму, о том, что педагогические работники пользуются следующими академическими правами и свободами:

-право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики педагогических работников.

Вопросу защиты чести, достоинства и деловой репутации посвящены положения статьи 152 Гражданского кодекса РФ[4], согласно которой:

«Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности».

Гражданское законодательство не определяет понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация». Эти нематериальные блага защищаются в порядке, установленном ГК РФ. В юридической науке же принято рассматривать честь как общественную оценку личности, меру духовных и социальных качеств гражданина, достоинство – как самооценку собственных качеств и способностей, а деловую репутацию – как такое качество, которое проявляется в профессиональной деятельности. В современной судебной практике перечисленные понятия почти не разделяются, во всяком случае, честь и достоинство охраняются фактически как единое нематериальное благо.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [5], если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением.

Основанием для применения предусмотренных ст. 152 ГК РФ мер защиты является распространение ложных, порочащих гражданина сведений. Следовательно, первым условием является факт распространения указанных сведений. Как указано в Постановлении под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

Второе условие, предусмотренное статьей 152 ГК РФ – порочащий характер сведений. Речь идет об оценке морально-нравственных качеств личности. Критерии, которым отвечали бы порочащие гражданина сведения, не установлены законом, да и не могут быть им установлены, поскольку общественная мораль – чрезвычайно динамичная категория.

Верховный Суд РФ представил свое толкование порочащих сведений в Постановлении от 24 февраля 2005 г.: «...порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

Третьим условием, о котором идет речь в ст. 152 ГК РФ, является ложный характер распространенных о гражданине сведений. Как указывает Верховный Суд РФ, не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

Таким образом, защита нематериальных благ регламентирована ГК РФ, но в отношении профессорско-преподавательского состава в целях предотвращения причинения студентами (обучающимися) ущерба чести, достоинству и деловой репутации преподавателей, целесообразно разработать локальный нормативно-правовой акт - регламент приема, рассмотрения и разрешения жалоб студентов на преподавателей, а также знакомить под роспись обучающихся при зачислении в вуз.

Список литературы

1. Трудовой кодекс РФ: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.
2. Жаркунгулова З.Д., Сатыбалдина Р.А. Толерантное взаимодействие в отношениях «преподаватель-студент» // Культура и образование. – 2014. - № [Электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/07/2260> (дата обращения: 14.09.2014).
3. Закон об образовании в РФ: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Рос. газ. – 2012. – 21 июля
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // Рос. газ.- 1994.- 08 дек.
5. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 [электронный ресурс] // «КонсультантПлюс».

Рубцова Наталья Васильевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Сибирского государственного университета путей
сообщения (г. Новосибирск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Свобода договора, провозглашенная ст. 1 и 421 ГК РФ, является предметом пристального анализа учёных-юристов. Однако применительно к предпринимательским договорам проявление этого принципа имеет существенные особенности.

Термин «предпринимательский договор» достаточно широко применяется в научной и учебной литературе. Однако на протяжении более 70 лет договор, опосредующий деятельность предпринимателей, а равно и сама предпринимательская деятельность, фактически не существовали. Поэтому в условиях отмены административно-плановой системы для регулирования товарно-денежного оборота в молниеносно складывающейся рыночной экономике в хозяйственный оборот в 1990-е г.г. в гражданское законодательство вошли предпринимательские договоры.

Позиции современных ученых относительно содержания такого договора можно разделить на три группы.

К первой группе относится точка зрения, согласно которой предпринимательский договор отождествляется с торговым (коммерческим) и является, в свою очередь, разновидностью гражданско-правового договора.

Другая позиция сводится к тому, что предпринимательский договор отграничивается от коммерческого договора, при этом не обладает самостоятельностью и также является видом гражданско-правового договора.

И наконец, в последние годы очень активно обсуждается вопрос о самостоятельности предпринимательского договора в системе договора, что не позволяет его полностью свести лишь к разновидности гражданско-правового договора.

Договор играет особо значимую роль при осуществлении предпринимательской деятельности, поскольку относится к числу основных инструментов правового регулирования предпринимательской деятельности. По сути, именно предпринимательский договор позволяет согласовать воли субъектов предпринимательской деятельности.

В отношении предпринимательских договоров часто законодатель использует ограничение принципа свободы договора, закрепленного в ст. 1 и ст. 421 ГК РФ. Эти ограничения, как правило, обоснованы особым сочетанием публичного и частного начала

в таких договорах. Хрестоматийным уже стал пример ограничения свободы предпринимательской деятельности, предусмотренный антимонопольным законодательством. Кроме того, законодательство содержит условные запреты, на основании которых дает возможность заниматься предпринимательской деятельностью только определенной группе субъектов, в частности, только организациям с государственным участием или государственным органам. В первую очередь, это касается объектов гражданских прав, ограниченных в оборотоспособности в соответствии с п.2 ст.129 ГК РФ. Так, согласно ст.5 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2015) в Российской Федерации действует государственная монополия на культивирование наркосодержащих растений для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности. В области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами могут участвовать только лица, перечисленные в ст. 12 Федерального закона от 19.07.1998 г. № 114-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами», в частности, организациями, осуществляющими внешнеторговую деятельность в отношении продукции военного назначения, являются государственные посредники - специализированные организации, созданные по решению Президента Российской Федерации в форме федерального государственного унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, либо в форме открытого акционерного общества, 100 процентов акций которого находится в федеральной собственности или передано некоммерческой организации, созданной Российской Федерацией в форме государственной корпорации.

Исходя из особенностей публичной составляющей предпринимательских договоров, следует констатировать, что ограничения свободы договора при заключении предпринимательских договоров встречаются довольно часто, и в последние годы тенденция таких ограничений только возрастает. При этом ограничение гражданских прав возможно только по основаниям, указанным в ст.55 Конституции РФ и ст. 1 ГК РФ. В силу п. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Думается, основной целью ограничения свободы договора при осуществлении предпринимательской деятельности является обеспечение баланса интересов участников предпринимательских правоотношений, занимающих неравные позиции, особенно в условиях взаимодействия с потребителями, а также в целом необходимость защиты публичных интересов. В отношении предпринимательских договоров часто законодатель использует ограничение принципа свободы договора, закрепленного в ст. 1 и ст. 421 ГК РФ. Эти ограничения, как правило, обоснованы особым сочетанием публичного и частного начала в таких договорах.

При этом не всегда такие ограничения можно считать необходимыми. Так, согласно пп.3 п.1 ст. 575 ГК РФ запрещается дарение в отношениях между коммерческими организациями, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Такой запрет не обусловлен необходимостью защиты публичных интересов, поэтому не может считаться обоснованным.

Однако противоположно ограничениям существуют и обратные меры, расширяющие свободу предпринимательских договоров. Так, в отличие от общего правила о запрете одностороннего отказа от исполнения обязательства и одностороннего изменения его условий в п.2 ст. 310 ГК РФ предусмотрена возможность одностороннего изменения условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения этого обязательства в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом, другими законами,

иными правовыми актами или договором. При этом право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

Например, такой отказ предусмотрен ст.ст. 463, 464, 475 ГК РФ в отношении покупателя, в т.ч. субъекта предпринимательской деятельности, ст. 509 ГК РФ в отношении поставщика, ст. 715 ГК РФ в отношении заказчика.

В большинстве случаев право на односторонний отказ выступает в качестве способа защиты прав и интересов должника (см. ст. 12, 14 ГК) при нарушении встречного обязательства со стороны его контрагента. Однако возможность одностороннего отказа может быть и не связана с нарушениями другой стороны. Она может являться дополнительной гарантией, предоставляемой законом более слабой стороне договора, в частности потребителю (см., напр., п. 3 ст. 627, абз. 2 п. 2 ст. 837, п. 1 ст. 879 ГК), либо предопределяться самим существом складывающихся отношений - неопределенно-длительным сроком их действия (см., напр., п. 3 ст. 592, п. 2 ст. 610, п. 1 ст. 699 ГК) или фидуциарным характером отношений сторон (см., напр., п. 2 ст. 977, ст. 1051 ГК).

Таким образом, в отношении предпринимательских договоров существуют значительные особенности реализации принципа свободы договора.

Зайцева Юлия Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов)

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: ПЕРВЫЕ ШАГИ СТАНОВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В нашей стране последнее время развивается кредитование населения. По статистке каждая третья семья в России находится в «долговой яме». Граждане не всегда вовремя исполняют взятую на себя обязанность – оплатить кредит по различным основаниям, например, либо гражданин действительно оказался в сложной финансовой ситуации и не может во время оплатить кредит либо он намеренно не оплачивает его, тем самым злоупотребляет своими правами. Но, несмотря на это, в любом случае, у гражданина с каждым днем растет долг перед кредитной организацией.

Результатом такого количества одобренных и выданных кредитов как следствие неисполнение или ненадлежащее исполнения своих обязательств явилось принятия законодательства о (несостоятельности) банкротстве граждан. Так, например, А.Зюзяев опубликовал статью, под названием «Кредитный бум закончился законом о банкротстве» [1]

На протяжении долгового времени проводилась работа по принятию законодательства о (несостоятельности) банкротстве граждан. Так, например, Федеральный закон от 8.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] предусматривал банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Однако данные положения, вводились в действие с момента вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений в ГК РФ, которых не было. Аналогичные положения воспроизведены в Федеральном законе от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3], но которые также не действовали, так как не был принят федеральный закон о внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральные законы.

Неоднократно делались попытки обсуждения проектов законов о банкротстве граждан и принятия соответствующего закона. Первый проект отдельного закона о

банкротстве физических лиц подготовила Федеральная служба России по финансовому оздоровлению в 2000 году. Однако проект не рассматривался Государственной Думой, поскольку не был признан депутатами актуальным. [4]

И только в августе 2006 года вернулись к вопросу банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, так как значительно увеличилось количество долгов по потребительским кредитам и недостаточно эффективной работой коллекторских агентств.

Законопроект № 105976-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» был внесен в Госдуму еще в 2012 году. По причине необходимости внесения изменений в него его принятие переносилось три раза.

Так, 29.12.2014 г. принят Федеральный закон N 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» [5], согласно которому положения касающиеся банкротства граждан должны были вступить с 01.07.2015 г.

Однако 29.06.2015 г. принят Федеральный закон N 154-ФЗ "Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ" [6], регулирующий банкротство граждан, тем самым перенесена дата вступления положений, касающихся банкротства граждан, и данные положения вступили в силу с 01 октября 2015 г. Ранее предполагалось, что закон о банкротстве граждан вступит в силу только в 2016 году.

Кроме того в целях правильного и единообразного применения внесенных изменений в Федеральный закон от 26.10.2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». [7]

Однако, несмотря на то, что высказанное мнение А.О. Иншаковой, Е.П. Симаевой в 2012 году, что ... положения закона являются «сырыми», остается актуальным и сегодня. [8]

Следует согласиться с мнением В.Ю. Солдатенкова, что процедура банкротства физического лица несет в себе немало социальных аспектов. Физическому лицу, признанному банкротом, необходимо дать возможность под контролем восстановить свою платежеспособность и преодолеть финансовые затруднения в разумные сроки и на приемлемых условиях. Должны быть учтены и семейная, и имущественная ситуация. Так, например, определенные преференции вполне обоснованно законодательно закрепить за социально незащищенными членами общества – многодетными матерями (отцами), матерями-одиночками, пенсионерами или лицами, имеющими на иждивении малолетних детей. [9]

При этом немало вопросов, требующие ответов, которые пока не закреплены ни в Федеральном законе от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Как указывает член рабочей группы доцент Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина Татьяна Шишмарева: «По ряду вопросов разработчики проекта договориться не смогли». [10] В частности, не понятно, вправе ли гражданин-должник отказаться от наследства на основании нового закона. Так согласно п. 1 ст. 1154 ГК РФ наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства, а, следовательно, может быть, и не принято. Однако

не принятие наследства либо отказ от наследства, очевидно, может нарушить права кредиторов. И как быть в такой ситуации?

По мнению Т. Шишмаревой: «...возможность принятия наследства можно было бы рассматривать как имущественное право, распоряжаться которым должен финансовый управляющий... Этот вопрос судебная практика должна будет решить самостоятельно».

[11]

Конечно, применяя положения о банкротстве граждан на практике, будут выявлены пробелы законодательства, но как показывает анализ положений о банкротстве граждан уже сейчас можно говорить о таких пробелах. Но, несмотря на это, институт банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, заработал, что подтверждается обращениями в арбитражные суды с такими заявлениями.

Список литературы

1. Зюзев А. Кредитный бум закончился законом о банкротстве // <http://www.kp.kg/daily/24464/624892/> (дата обращения: 14.10.2015 г.).
2. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ (ред. от 21.03.2002 г., с изм. от 01.10.2002 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 222.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
4. Королев В.В. Интересен ли России законодательный опыт регулирования банкротства физических лиц в США // Юридическая техника. - 2013. - № 7 (ч. 1). - С. 145 ссылка на: Буйлов М. Ячеистов К. Банкрот по собственному желанию // Деньги. – 2000. – № 10 // <http://kommersant.ru/doc/24119> (дата обращения: 17.10.2015 г.)
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника: Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) // Российская газета. – 2014. – № 299.
6. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 г. N 154-ФЗ // Российская газета. – 2015. - № 144.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187354> (дата обращения: 15.10.2015 г.).
8. Иншакова А.О., Симаева Е.П. Экспертная оценка научного сообщества законодательства о банкротстве физических лиц // Власть закона. – 2012. – № 1 (9). – С. 78.
9. Солдатенков В.Ю. Банкротство физических лиц: реалии ближайшего будущего // Налоговая политика и практика. – 2012. – № 8 (116). – С. 30-31.
10. Гражданам-банкротам не дадут злоупотреблять [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.ru/discussion/2015/09/29/grazhdanambankrotam_ne_dadut_zloupotrebyat_proekt_postanovleniya_plenuma_vs_cenit_ix_dobrosovestno (дата обращения 10.10.2015 г.).
11. Там же.

Карцева Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук, профессор Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск)

Куклева Кристина Юрьевна

помощник юриста, юридическая компания «Фортуна» (г. Новосибирск)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРА ОБ ОКАЗАНИИ ГРАЖДАНАМ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

Не так давно, в сентябре месяце во всем мире отмечался Международный день туризма! А, как известно, современная индустрия туризма – одна из наиболее быстро прогрессирующих отраслей мирового хозяйства. На сегодняшний день путешествие стало явлением, что вошло в повседневную жизнь почти трети населения планеты. При упоминании этого слова всегда в памяти всплывают красивые страны, экзотические народы и традиции. Но, тем не менее, не всегда задуманный беззаботный отдых является таковым и запросто может оказаться всего лишь мифом. Не смотря на яркие рекламные баннеры и туристические слоганы, отмечаются тенденции ухудшения предоставляемых услуг туристическими фирмами, с каждым годом все опаснее и опаснее становится отправляться в путешествие, а после недавних событий, ехать вообще никому не хочется.

На протяжении уже почти двух лет всю общественность, а также весь рынок услуг сотрясают скандалы, связанные с ликвидацией известных туроператоров. Особенно крупнейших из них - «Нева», «Роза ветров» «Акрис», или внезапное банкротство гиганта туристического рынка - «Лабиринт». Таким образом, в различных уголках мира по необъяснимым причинам остались фактически без жилья, питания и билетов на обратный путь сотни тысяч туристов, а вызволение «застрававших путешественников», зачастую ложится на плечи государства, так как финансового обеспечения у туристических организаций просто не хватает. Ситуации, в которых за рубежом оказались граждане РФ, еще сильнее актуализировали проблемы правового регулирования такого рода услуг.

В этой связи хотелось бы коснуться первой проблемы – это возможность туроператора изменять стоимость тура, несмотря на 100% предварительную оплату поездки. Как полагает специалист в данной области В.Н. Васецкий чаще всего такое изменение цены договора связано: с изменением курса валюты, увеличением транспортных расходов, условий приема гостиницей и др. Однако если услуга была заранее оплачена, это должно гарантировать клиенту неизменность цены.

Следует отметить, что далеко не все фирмы прибегают к данным условиям договора. Одним из распространенных нарушений прав граждан в туристической сфере является отсутствие информации о стоимости услуг, входящих в стоимость тура, и дополнительно оплачиваемых услугах.

Не взирая на то, что ГК ст. 450 фиксирует невозможность одностороннего изменения договора, данная норма нарушается на практике. В связи с этим предполагается необходимость внесения поправок в ст. 10 ФЗ «Об основах туристской деятельности», а именно законодательно закрепить неизменность цены договора в случае предварительной полной оплаты туристских услуг, и предусмотреть ситуации, когда такое является необходимым - разъяснить это Постановлением Пленума Верховного Суда, а именно порядок, условия возникновения дополнительной оплаты.

В данном аспекте необходимо обратить внимание на вторую проблему, которая включает в себя неправомерное взимание с клиента денежных сумм при отказе от поездки и выплату неустойки. Удержания в пользу туристической компании, противоречат положениям статьи 782 ГК РФ и статьи 32 Закона РФ «О защите прав потребителей», из которых следует, что оплате (возмещению) в случае расторжения договора по инициативе

потребителя подлежат лишь фактически понесенные туристической организацией расходы, связанные с исполнением обязательств по данному договору. Более того, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в своем письме от 31.08.2007г. №0100/8935-07-32 указала на то, что условия о фиксированных суммах возврата денежных средств при отказе от тур. продукта определяет объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Помимо этого, туристические организации включают в договор неправомерные положения, по которым помимо прочих выплат с клиента взимается неустойка, то есть штрафная санкция. Отказ потребителя от поездки предусмотрен законом и не может расцениваться, как нарушение договора. Понимание сущности данной проблемы, наталкивает на вопрос: возможно ли возмещение фактически понесенных расходов турагента? И здесь следует обратить внимание, что независимо от того, у кого приобретался туристский продукт - у турагента или туроператора - согласно ст. 10.1 ФЗ «Об основах туристской деятельности», договор о его реализации всегда исполняет туроператор, соответственно, он несет фактические расходы и определяет их размер.

В качестве варианта решения данной проблемы, предлагается возможность запрещения внесения в туристский договор условий, предусматривающих взимание штрафа с клиента при отказе от туристической поездки. Оплате должны подлежать лишь фактически понесенные туристической организацией расходы, а также следует учесть необходимость доказывания возникновения таких расходов или в противном случае, они не будут возмещены.

И заключительная проблема, которую необходимо выделить – это проблема ответственности туроператора за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора. Статья 9 Закона «Об основах туристской деятельности» устанавливает, что туроператор отвечает перед туристами или иными заказчиками за действия (бездействие) третьих лиц. Так гостиница, перевозчик и др. непосредственный исполнитель услуг, входящих в тур, также несут самостоятельную ответственность, тем не менее, ответственность за ненадлежащее исполнение этих услуг перед клиентом несет туроператор.

Проанализируем следующую ситуацию, когда турфирма не только не исполнила услугу, а вообще объявила себя банкротом! С 15.03.2013 вступило в силу Постановление Правительства РФ об учреждении фонда помощи туристам («Турпомощь»), все организации, оказывающие туристические услуги обязаны вступать в объединение туроператоров России и самостоятельными силами формировать указанный фонд.

Отгремел сезон отпусков 2015 , к началу туристического сезона 2016 специалистами прогнозируется уменьшение количества турфирм в России, но приведет ли это к улучшению качества оказываемых услуг или к уходу с рынка финансово – нестабильных компаний?

В этой связи, представляется неразумным учреждение данного фонда без внесения поправок в Федеральное законодательство, так необходимо ввести обязанность туроператора при заключении договора проинформировать туриста в письменной форме о возможности добровольно застраховать риски, т.е. страхование от невыезда, багажа и др. Таким образом, стремясь избежать гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности перед туристом, туристические организации не исполняют реальные правовые аспекты условий договора.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, следует отметить, что внесение в законодательство предложенных поправок, позволит должным образом регулировать деятельность туристических фирм, сделать рынок туристских услуг более прозрачным, защитить граждан от неблагоприятных последствий. Позволит дополнительно разработать законодательные механизмы оперативного и эффективного организационного разрешения возникших сложных ситуаций на практике, предоставить гарантию

защищенности и в полном объеме реализовать права граждан в сфере оказания туристских услуг.

Карцева Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук, профессор Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск)

Шурышева Наталья Валерьевна

секретарь судебного заседания Центрального районного суда города Новосибирска (г. Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

В настоящее время активно идет процесс реформирования гражданского законодательства, затрагивающий буквально все сферы применения гражданского права. Вместе с тем, в Концепции развития было зафиксировано следующее положение: «определение недвижимой вещи вряд ли нуждается в пересмотре» [1, с. 8]. Как показало время, законодатель и вправду всем возможным новеллам предпочел стабильность и преемственность.

Стоит отметить, что редакция п. 1 ст. 130 ГК РФ не раз подвергалась критике, как практического, так и теоретического толка. К примеру, К.А. Горбатов в своей монографии говорил об острой необходимости включения помещений, жилых и нежилых, в перечень объектов недвижимого имущества [14]. Кроме того, как справедливо замечает А.В. Егоров «свидетельства о праве собственности на помещения выдаются, а объектом они по ГК РФ не являются» [2]. Учитывая изложенное, представляется необходимым дополнить перечень объектов недвижимого имущества жилыми и нежилыми помещениями.

Другой практической проблемой является включение объектов незавершенного строительства в перечень недвижимых вещей. В этой связи, А.А. Иванов говорит о недопустимости возникновения гражданско-правовых, налоговых и иных правоотношений по поводу незавершенных объектов [2]. До завершения строительства указанный объект должен, по его мнению, восприниматься как часть земельного участка. И только по окончании работ он может претендовать на звание самостоятельного объекта недвижимого имущества. Учитывая, что российское законодательство придерживается принципа единой судьбы, означающего самостоятельность земельного участка и возведенных на нем объектов, а также возможность разрыва правовой связи между ними [3, с. 60], позиция А.А. Иванова представляется справедливой. И целесообразно исключить объекты незавершенного строительства из п. 1 ст. 130 ГК РФ.

Что касается теоретических споров, то особого внимания заслуживает вопрос о целесообразности употребления такого количества терминов (недвижимая вещь, недвижимое имущество, недвижимость) по отношению к недвижимым объектам. Учитывая предлагаемые учеными определения данных понятий [4], полагаем, что это способствует лишь увеличению количества теоретических изысканий, не имеет практической ценности.

Рассматривая проблему перечня объектов недвижимого имущества, стоит отметить, что еще в незапамятные времена в качестве самостоятельных объектов рассматривались леса и многолетние насаждения [5]. Стоит себе представить, какое количество недвижимых объектов сосредоточено на одном тривиальном дачном участке! И ведь каждый такой объект, а также любой акт распоряжения им должен быть зарегистрирован в реестре. В этой связи показательны слова П.В. Крашенинникова: «Недвижимость – это именно то и только то, что законодатель объявит недвижимостью...» [4]. К счастью, ФЗ от

03.06.2006 № 73-ФЗ исключил из перечня объектов недвижимого имущества обособленные водные объекты [6], а ФЗ от 04.12.2006 № 201-ФЗ – леса и многолетние насаждения [7]. Считается, что данный пример красноречиво подтверждает мысль о необходимости правильного выбора принципа и последовательного воплощения в законодательстве.

Следует отметить, что обоснование различных подходов зиждется еще на римском постулате *superficies solo cedit*. Этот принцип именуют также принципом единого объекта, согласно которому возведенные постройки являются продолжением земельного участка [8, с. 397]. Вместе с тем, праву известен и другой принцип: принцип единой судьбы. При этом полагается, что наиболее важным является не только выбор одного из подходов, но и продуманное, непротиворечивое его применение.

Еще одним дискуссионным аспектом является отнесение объектов к числу недвижимых в силу невозможности их перемещения без несоразмерного ущерба. История, как мировая, так и отечественная, богата подобными примерами. Одно упоминание о генеральном плане реконструкции Москвы 1935 года и об известном «инженере-передвижнике» Э.М. Генделе, который буквально за одну ночь переместил дом на Тверской улице в Москве, способно поставить необходимость данного критерия под сомнение [9]. Стоит согласиться с К.А. Новиковым, который говорит о том, что «упоминание «невозможности перемещения» объекта как способа проверки его прочной связи с землей лишено смысла» [13]. В соответствии с этим представляется целесообразным исключить данную формулировку из статьи.

Помимо прочего, большой вопрос возникает по поводу загадочного исчезновения из ст. 130 ГК РФ космических объектов при одновременном сохранении в ней воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания. Закон прямо не относит космический объект к недвижимым вещам, а лишь закрепляет необходимость регистрации такого объекта [10]. Однако «государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости» [11, п. 38]. В этой связи считается, что исключение космических объектов из ст. 130 ГК РФ необоснованно, и предлагается в этой части восстановить предыдущую редакцию нормы.

Таким образом, следует отметить противоречивый характер существующих положений ГК РФ. Как справедливо отмечал И.И. Шувалов «к сожалению, изменения законов происходят в подавляющем большинстве случаев неконтролируемо и спонтанно» [12]. В связи с этим, остается надеяться на то, что законодатель придет к выводу о несостоятельности ряда изменений, а также необходимости реформирования старых положений, поскольку законы создаются, прежде всего, для того, чтобы они исполнялись. А их исполнение напрямую зависит от качества и глубокого анализа существующих норм.

Список литературы

1. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред. В.В. Витрянского, О.М. Козырь, А.А. Маковской. – М., 2004. – С. 8.
2. Передача «Объекты гражданского права». Фонд право без границ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: antonivanov.ru. – Загл. с экрана.
3. Петрищев В. Признание права собственности на самовольную постройку, возведенную на чужом участке // Хозяйство и право. – 2012. – № 1. – С. 57–61.
4. Никонов П.Н., Журавский Н.Н. Недвижимость, кадастр и мировые системы регистрации прав на недвижимое имущество. Аналитический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.allpravo.ru. – Загл. с экрана.
5. Письмо государственного комитета РФ по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от № ИЗ-4987/14 «Об отнесении многолетних насаждений к объектам федерального недвижимого имущества» от 04.11.2000 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.

6. О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.06.2006 № 73-ФЗ (ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.
7. О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2006 № 201-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.
8. Дождев Д.В. Римское частное право. – М., 1996.
9. Шагающие дома: что и как двигали в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urbanurban.ru/>. – Загл. с экрана.
10. О космической деятельности: Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-I (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.
12. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 87–97.
13. Новиков К.А. Понятие недвижимого имущества в гражданском законодательстве // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5.
14. Горбатов К.А. Признание прав собственности на помещения общего пользования в нежилом помещении // Нотариус. – 2011. – № 3.

Гаврилов Евгений Владимирович,

эксперт юридического отдела экспертно-правового управления
Законодательного Собрания Красноярского края (г.
Красноярск)

ДОПУСТИМО ЛИ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ТРЕБОВАТЬ КОМПЕНСАЦИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО (РЕПУТАЦИОННОГО) ВРЕДА ПРИ ЗАЩИТЕ ОТ ЛОЖНОЙ НЕ ПОРОЧАЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ (П. 10 СТ. 152 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ)?

В соответствии с п. 10 ст. 152 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) правила пунктов 1-9 ст. 152 ГК РФ, *за исключением положений о компенсации морального вреда*, могут быть применены судом также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности. Срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в СМИ, составляет 1 год со дня опубликования таких сведений в соответствующих СМИ.

Таким образом, ГК РФ предусматривает защиту от любой (в т.ч. не порочащей) ложной информации. Такая защита предполагает использование всех правил ст. 152 ГК РФ (о защите чести, достоинства и деловой репутации от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений), кроме компенсации морального вреда. Здесь истец сам доказывает ложность распространенной информации. Предусмотрен годичный срок исковой давности в случае, если сведения опубликованы в СМИ.

О.Ш. Аюпов предлагает именовать этот механизм защитой от «*усеченной диффамации*», противопоставляя его защите от «*полной диффамации*» (распространение не соответствующих действительности *порочащих* сведений) [1]. Однако с таким обозначением невозможно согласиться, т.к. в основе любой диффамации лежит признак порочности. Если порочащего характера в распространенных сведениях нет – значит нет и диффамации: ни «*полной*», ни «*усеченной*», ни какой-либо иной.

В настоящее время практика применения п. 10 ст. 152 ГК РФ только формируется, однако уже сейчас возникают некоторые проблемы, одной из которых является вопрос о распространении указанной нормы на юридических лиц.

Так, например, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 24.07.2015 № 18АП-8060/2015 по делу № А76-17229/2014 пришел к следующему выводу:

«В силу названной нормы субъектом защиты, в отношении которого допускается опровержение не соответствующей действительности информации, выступает гражданин. Вместе с тем, субъектом, требующим защиты по настоящему спору, выступает юридическое лицо.

Применение положений ст. 152 Гражданского кодекса РФ к юридическим лицам регламентировано пунктом 11 этой же нормы, согласно которому правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Тем самым положения ст. 152 Гражданского кодекса РФ применяются к правоотношениям с участием юридических лиц лишь в части, касающейся защиты деловой репутации, тогда как норма п. 10 ст. 152 Гражданского кодекса РФ положений о защите деловой репутации гражданина не содержит и, соответственно, к правоотношениям с участием юридических лиц применению не подлежит».

Мы с такой аргументацией не согласны, т.к. п. 10 ст. 152 ГК РФ вполне может быть направлен на защиту деловой репутации физических лиц (во всяком случае, защиты этого нематериального блага по п. 10 ст. 152 ГК РФ физические лица не лишены – прим. Е.Г.), а значит, в силу п. 11 ст. 152 ГК РФ, и юридических лиц. К тому же п. 11 ст. 152 ГК РФ располагается после п. 10 ст. 152 ГК РФ. Если бы законодатель имел намерение ограничить применение п. 10 ст. 152 ГК РФ за счет исключения из его предмета юридических лиц – он бы расположил норму о защите от не порочащей ложной информации не до, а после п. 11 ст. 152 ГК РФ.

Позицию о том, что п. 10 ст. 152 ГК РФ охватывает не только физических лиц, но и юридических лиц, поддерживает, в частности, М.Ю. Тихомиров [2], а также Арбитражный суд Московского округа (см. постановление от 17.07.2015 № Ф05-8932/2015 по делу № А40-101124/14).

Таким образом, считаем, что юридические лица в целях защиты своей деловой репутации вправе воспользоваться механизмом защиты от не порочащей ложной информации (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

Имеют ли они право требовать при этом компенсацию нематериального (репутационного) вреда?

Ранее мы уже попытались доказать, что запрет для юридических лиц требовать компенсацию морального вреда при умалении их деловой репутации (п. 11 ст. 152 ГК РФ) не лишает их права на компенсацию нематериального (репутационного) вреда, т.к. компенсация морального вреда и компенсация нематериального (репутационного) вреда, несмотря на близость их правовой сущности, не являются равнозначными компенсаторными способами защиты: они имеют разные основания реализации, обусловленные их правовой сущностью, и выполняют разные функции. Юридические лица вправе требовать компенсацию нематериального (репутационного) вреда при новой редакции ст. 152 ГК РФ [3].

Соответственно, если при применении п. 10 ст. 152 ГК РФ лица лишены права на компенсацию именно морального вреда (обоснованность такого запрета вызывает сомнение, однако это не является предметом настоящей статьи – прим. Е.Г.), а механизмом защиты по п. 10 ст. 152 ГК РФ вправе воспользоваться и юридические лица при защите своей деловой репутации (см. об этом - выше), **юридические лица при**

защите от не порочащей ложной информации (п. 10 ст. 152 ГК РФ) вправе требовать компенсацию нематериального (репутационного) вреда.

Обращаем внимание также на правовой парадокс системного применения п. 10 и п. 11 ст. 152 ГК РФ. В п. 10 ст. 152 ГК РФ установлен запрет применять положения о компенсации морального вреда. Из п. 11 ст. 152 ГК РФ следует, что правила этой статьи о защите деловой репутации гражданина, *за исключением положений о компенсации морального вреда*, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица. Формально это означает, что п. 11 ст. 152 ГК РФ, запрещающий юридическим лицам применять правила о компенсации морального вреда (*в.т.ч. правила п. 10 ст. 152 ГК РФ – прим. Е.Г.*), исключает для них установленный в п. 10 ст. 152 ГК РФ запрет компенсации морального вреда. Однако это всего лишь формальный подход, который не должен подлежать применению. Компенсация морального вреда, в отличие от компенсации нематериального вреда, недопустима для юридических лиц. Имеется в виду классическая компенсация морального вреда (физические и нравственные страдания) (*pecunia Doloris*).

На основании вышеизложенного, отвечая на поставленный в заглавии настоящей статьи вопрос, полагаем, что юридическим лицам допустимо требовать компенсацию нематериального (репутационного) вреда при защите от ложной не порочащей информации (п. 10 ст. 152 Гражданского кодекса РФ).

Список литературы

1. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: дис... канд. юр. наук: 12.00.03. – Томск, 2013. – С. 10, 68, 182, 187-188.
2. Тихомиров М.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. – М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2014. – 48 с.
3. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 3. – С. 108.

Киселева Елена Ивановна

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Бюджетная обеспеченность муниципальных образований является одной из важнейших гарантий местного самоуправления. Решение проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований должно обеспечиваться, прежде всего, через предоставление дотаций. Субъекты РФ обязаны принимать собственные методики, устанавливающие критерии выравнивания, дающих право на получение дотаций, при этом бюджетная обеспеченность муниципального образования должна определяться исходя из прогнозного налогового потенциала, то есть запрещено использовать отчетные показатели. Субъекты РФ вправе делегировать собственные полномочия по расчету и предоставлению дотаций поселениям органам власти муниципальных районов.

В Новосибирской области правовое регулирование распределения межбюджетных трансфертов и, в том числе, дотаций регулировалось областными законами «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Новосибирской области» и «О временных

нормативах бюджетной обеспеченности Новосибирской области».[1] При этом использовались формы, установленные бюджетным законодательством, так и не вполне законные, например оказание финансовой помощи муниципальным образованиям в виде централизованных расчетов с поставщиками товаров и услуг, минуя счета муниципальных образований, с последующим отнесением сумм в счет их финансирования. Финансирование муниципальных образований осуществлялось при отсутствии встречных обязательств, что фактически являлось дополнительным предоставлением финансовой помощи.

С 2010г. полномочия по распределению дотаций между поселениями были переданы муниципальным районам. Соответственно, в бюджеты муниципальных районов из областного бюджета стала направляться субвенция на выполнение данного полномочия. Кроме того, учитывая, что за муниципальными районами было закреплено собственное полномочие по выравниванию бюджетной обеспеченности поселений, то в бюджеты поселений также должны были направляться собственные средства районных бюджетов.

С 2011 г. бюджетное законодательство Новосибирской области в части регулирования системы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований было дополнено областным законом, установившим новую методику распределения дополнительных нормативов от налога на доходы физических лиц [2]. Методика распределения дотаций включала определение уровня расчетной бюджетной обеспеченности муниципального образования. При расчете дотаций местным бюджетам факторами, определяющими объем предоставляемых дотаций, были определены собственные доходы бюджетов и численность проживающих в муниципальном образовании населения. Практика показала, что при использовании этой методики максимальный объем дотаций должен был предоставляться муниципальным образованиям с незначительными собственными доходами и значительной плотностью населения. При этом объем дотаций не был связан с темпами экономического развития муниципального образования.

При формировании областного бюджета Новосибирской области на 2013 год в данную методику были внесены изменения.[3] Цель этих изменений - устранить порочную зависимость между максимальным объемом предоставляемых дотаций и минимальными темпами экономического развития муниципального образования, получателя дотаций.

Одним из критериев расчета размера дотации стал прогнозный объем налоговых и неналоговых доходов муниципального образования на очередной финансовый год, рассчитанный с темпом роста не выше среднего уровня по всем муниципальным образованиям.

Муниципальные образования, имеющие более высокие темпы развития, получили право при расчете дотаций применять показатель роста по собственным доходам не выше среднего муниципального уровня. Это означало, что часть дополнительных доходов муниципального образования, явившихся результатом повышения экономического развития, не должна снижать расчетную величину дотации.

Результаты применения принятой системы бюджетного выравнивания муниципальных образований и в целом обеспечения их финансовой самостоятельности ежегодно анализируются Контрольно-счетной палатой Новосибирской области. Общий вывод после изучения годовых отчетов может быть сформулирован определенно: проблема обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований не была решена. В отчете Контрольно-счетной палаты за 2005 год отмечено, что удельный вес дотаций в расходах местных бюджетов (за исключением города Новосибирска) от 30 до 86 %. Всего лишь 46,8% расходов местных бюджетов было обеспечено собственными доходами. Соответственно 53,2% расходов были осуществлены за счет межбюджетных трансфертов из областного бюджета. И это средние показатели. В отчете Контрольно-

счетной палаты за 2010 год вновь зафиксировано, что межбюджетные трансферты оставались основным источником получения доходов местных бюджетов.[4]

Механизм межбюджетных трансфертов следует рассматривать как дополнительный инструмент, позволяющий формировать и исполнять бюджеты с учетом конкретных географических и социально-экономических особенностей территорий. Но в случае, когда доходы бюджета муниципального образования формируются в основном только за счет получаемых трансфертов, сложно говорить о дополнительном значении механизма межбюджетных трансфертов.

Отдельной является проблема учета большого числа факторов, влияющих на показатели уровней доходного потенциала территории. Формальное перечисление этих факторов и построение на их основе методики распределения дотаций прямо влияет на качество нормативного правового акта, делая его громоздким, требующим дополнительных разъяснительных материалов. Неоднозначно можно оценивать и запрет, установленный Бюджетный кодекс РФ использовать отчетные данные о налоговом потенциале территории. Наиболее точные данные о величине налоговой базы содержатся как раз в налоговой отчетности. Информация о выполнении юридическими лицами обязательств по уплате налогов и других платежей, поступающих в соответствующие бюджеты должна быть доступна для финансовых органов при составлении проектов бюджетов.

Очевидной является и проблема рассогласованности легальной (в смысле установленной законом) системы межбюджетных отношений, и фактической сложившейся.

Бюджетный кодекс РФ определяет основным механизмом выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований предоставление дотаций. Практика показала, что использование только дотаций на выравнивание эту проблему не решает. Бюджетное выравнивание в области осуществлялось не только за счет дотаций. Помимо дотаций в бюджеты муниципальных образований направлялись иные межбюджетные трансферты в размере до 10% от общего объема трансфертов. Иные трансферты – те, по которым формально не устанавливается требование софинансирования из местных бюджетов.

Другим источником дополнительных средств местными бюджетами стали субсидии на развитие социального и экономического потенциала муниципальных образований. Но получение данной субсидии, решая частично проблему сбалансированности местных бюджетов, опять-таки фактически не влияло на появление стимулов к активности местных администраций.

Бюджетное законодательство в части, регулирующей межбюджетные отношения, и на федеральном уровне, и на уровне субъектов Российской Федерации отличается изменчивость, а, значит, и нестабильность. Но эту нестабильность законодательства можно рассматривать не только как отрицательную характеристику сложившейся системы, но и как позитивный процесс приспособления правовых норм к реальным запросам социально-экономического развития.

Список литературы

1. О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Новосибирской области: Закон Новосибирского областного Совета депутатов от 16.02.1995. № 14-ОЗ // Советская Сибирь от 23.02.1995. О временных нормативах бюджетной обеспеченности Новосибирской области: Закон Новосибирского областного Совета депутатов от 15.11.1999. № 78-ОЗ // Советская Сибирь от 01.12.1999.
2. О единых нормативах отчислений в бюджеты муниципальных образований Новосибирской области от налога на доходы физических лиц и межбюджетных трансфертах между областным бюджетом Новосибирской области и бюджетами

муниципальных образований Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 07.11.2011. № 132-ОЗ // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов от 09.11. 2011. – № 57.

3. О внесении изменения в Закон Новосибирской области « О единых нормативах отчислений в бюджеты муниципальных образований Новосибирской области от налога на доходы физических лиц и межбюджетных трансфертах между областным бюджетом и бюджетами муниципальных образований Новосибирской области»: Закон Новосибирской области от 07.11.2012. № 258-ОЗ// Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов от 09.11.2012. – № 56.
4. Отчеты Контрольно-счетной палаты Новосибирской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www/ksp/nso.ru. – Загл. с экрана.

Шабалина Елена Леонидовна

доцент, заведующая кафедрой гражданского и гражданского процессуального права Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ХОДЕ ПРАКТИЧЕСКОГО
ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС»**

«Никого нельзя воспитать, развить, научить... каждый это делает сам в рамках создаваемых условий»

И.П. Павлов

В настоящее время в условиях модернизации высшего образования учебный процесс требует постоянного совершенствования. Главными характеристиками выпускника любого образовательного учреждения являются его компетентность и мобильность. В этой связи акценты при изучении учебных дисциплин переносятся на сам процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самого студента. Успешность достижения этой цели зависит не только от того, что усваивается (содержание обучения), но и от того, *как* усваивается.

Цель высшего образования – обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями общества и государства [1].

На сегодняшний день основным фактором, характеризующим парадигму образования, становится требование получения знаний, умений и навыков не на всю жизнь, а через всю жизнь. Способность к постоянному обучению выступает как важнейшее качество, определяющее конкурентоспособность человека на рынке труда. При этом важно, чтобы людям нравилось учиться [2].

Следствием непрерывного образования выступают социально-педагогические эффекты самореализации личности [3].

Вузы призваны готовить специалистов, способных к самостоятельной деятельности по определенному направлению подготовки, поэтому педагогический процесс должен строиться таким образом, чтобы не только вооружать обучающихся определенным набором теоретических знаний, но и навыками практической деятельности, развивать профессиональную активность. Развитию этих качеств способствуют практические занятия по дисциплине «Гражданский процесс».

Цель обучения на практических занятиях по дисциплине «Гражданский процесс» - создать условия для саморазвития и самореализации каждого студента. Основа развития в таком обучении – формирование и реализация учебной деятельности студентов. Студент, обладающий сформированной деятельностью, имеет устойчивый познавательный

интерес, способен ставить цели, осуществлять их, оценивать по результату деятельности себя и ставить новые цели.

Чтобы глубоко усвоить знание, обучающийся должен не только получать его, но и самостоятельно принимать участие в его образовании. Тогда знание не только прочно усваивается, но и трансформируется в навыки и умения. Даже на самой лучшей лекции инициатива в выборе материала, его подаче, логике изложения остается за преподавателем. Обучающийся получает уже готовый материал или является свидетелем образования знания.

Задача преподавателя – выступать не только в роли носителя информации, но быть умелым организатором систематической самостоятельной работы студентов по получению знаний, приобретению умений и навыков.

Возрастающий поток информации требует таких форм обучения, которые бы позволяли за короткое время давать студентам большой объем компетенций. Появление методов активного обучения связано со стремлением преподавателей активизировать познавательную деятельность студентов или способствовать ее повышению. Технология активного обучения – такая организация учебного процесса, при которой невозможно неучастие в познавательном процессе: либо каждый учащийся имеет определенное ролевое задание, в котором он должен публично отчитаться, либо от его деятельности зависит качество выполнения поставленной перед группой познавательной задачи [4].

Успех образовательного процесса во многом зависит от применяемых методов обучения. Разработка и внедрение методов активного обучения представлена и исследована многими педагогами и психологами, но недостаточно изучено использование методов активного обучения в условиях юридического образования, что предопределило актуальность данной темы.

Наряду с традиционными методами обучения (лекция, семинар, практическое занятие) в образовательном процессе юридического факультета НГАУ интенсивно используются активные методы подготовки юристов, что способствует формированию профессионально значимых знаний, умений, навыков и качеств личности будущего юриста.

По мнению исследователей, методы активного обучения должны вызывать у студентов стремление самостоятельно разобраться в сложных профессиональных вопросах и на основе глубокого системного анализа имеющихся факторов, событий выработать оптимальное решение по исследуемой проблеме для реализации его в практической деятельности.

Но, к сожалению, не все студенты готовы занять активную позицию в обучении, так как требует принятия на себя большой ответственности за результаты своего образования. Проблема активности личности в обучении – одна из актуальных в психологической, педагогической науке, как и в образовательной практике.

В настоящее время в вузовской практике преобладает методика, сводящая подготовку специалиста к запоминанию знаний, составляющих содержание учебной дисциплины. Такая методика слабо ориентирована на развитие его личности. При такой организации учебного процесса имеет место явное упрощение учебной деятельности, сведение ее к получению студентом готовых знаний по изучаемым дисциплинам. Однако упрощение не делает доступным усвоение наук. Студент занимается зубрежкой «дисциплинарных знаний», которые запоминаются по каждой дисциплине в отдельности без видимой связи между собой и часто вне связи с будущей профессией. А что касается развития творческой стороны личности, то на нее такое обучение оказывает скорее отрицательное влияние. Таким образом, в качестве главного результата обучения подразумеваются знания, а не личность – способная постоянно учиться в процессе профессиональной деятельности.

Такая организация учения нуждается в переориентировке: с нацеленности ее на запоминание готовых знаний необходимо перейти на формирование личностных качеств, умения творчески учиться, перерабатывая научные знания.

Преподаватель должен таким образом организовать учебный процесс, чтобы студент не пассивно воспринимал и поглощал текст учебного материала или слова преподавателя, а активно мыслил, извлекая необходимую научную информацию из разных источников. Преподаватель является организатором учебной деятельности, а студент – активным «добытчиком», а не пассивным потребителем информации.

Сегодня студенты в основном заучивают информацию, тренируя память. Но заучить, еще не значит знать. Лекция дает знания, а знать – еще не значит уметь. Умение невозможно выработать без практики, активной деятельности, игры [5].

Большинство студентов готовы к восприятию информации и воспроизведению её только на экзамене или зачете. А глубокое осмысление, анализ полученных знаний, их применение остаются в большинстве случаев за пределами процесса обучения.

Современные образовательные программы высшего образования основываются на положениях государственных образовательных стандартов третьего поколения. Компетентностный подход предполагает формирование общекультурных и профессиональных компетенций. Реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерные симуляции, ролевые и деловые игры, разбор конкретных ситуаций, практикумы, психологические и иные тренинги, учения) в сочетании с внеаудиторной работой в целях формирования и развития профессиональных навыков обучающихся [6].

Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») предусмотрено, что удельный вес занятий, проводимых в активных и интерактивных формах должен составлять не менее 20% аудиторных занятий. Занятия лекционного типа не могут составлять более 40% аудиторных занятий. Аудиторные занятия по дисциплине «Гражданский процесс» составляют 108 часов, не менее 22 часов должно отводиться активным и интерактивным формам обучения.

От студентов кроме знаний требуется овладение профессиональными навыками и умениями. Для достижения этого при преподавании дисциплины «Гражданский процесс» используются различные формы практического обучения, методы активного обучения.

Эффективными методами активного обучения, применяемыми при освоении дисциплины, являются деловые игры, решение ситуационных задач, круглый стол, практикум, составление процессуальных документов. Проведение данных занятий требует определенной профессиональной подготовки от преподавателя.

Известно, что человек запоминает 10% того, что он слышит, 50% того, что он видит и 90% того, что он делает сам [7].

При активном обучении центральное место занимает студент. Преподаватель должен выйти из привычных рамок учителя, который владеет глубокими теоретическими знаниями, различными методиками. Он должен стать квалифицированным консультантом, владеющим современными методами консультирования по разрешению различных проблем. В этом случае студент превращается в союзника преподавателя. Роль студента изменяется – он становится активным участником учебного процесса.

Выпускники юридического вуза за стенами вуза сталкиваются с рядом проблем: несоответствие требованиям, предъявляемым их работодателями; некачественное составление юридических и процессуальных документов; боязнь судебных заседаний и т. п. Такого специалиста необходимо доучивать на рабочем месте. Сегодня теоретическое обучение преобладает над практическим умением. Современный вуз должен предоставить студенту возможность «примерить должности» еще в процессе обучения на практических

занятиях в виде деловых игр или при прохождении производственной практики. Получение навыков работы судьи, адвоката, помощника прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания и т. п. поможет студентам в их самостоятельной трудовой деятельности.

С одной стороны, в соответствии с реформой вузовского образования, требуются компетентные специалисты на рынке труда, ведь работодатели ищут специалистов с опытом работы. С другой стороны, выпускники вузов не соответствуют требованиям работодателей, так как у них отсутствует ряд необходимых трудовых навыков и умений. Имеется противоречие, которое необходимо разрешить [8].

Главным признаком, квалифицирующим профессионала, становится его готовность к реальной трудовой деятельности, к демонстрации на практике тех знаний и умений владение которыми обозначается понятием профессионализм или компетенция. Именно с этой целью преподаватели все чаще внедряют в образовательный процесс деловые игры [9]. Активность студентов проявляется ярко, носит продолжительный характер и «заставляет» их быть активными. Педагогическая суть деловой игры – активизировать мышление студентов, повысить самостоятельность будущего специалиста, внести дух творчества в обучение, приблизить его к профориентационному, подготовить к профессиональной практической деятельности.

Таким образом, *методы активного обучения* – это обучение деятельностью. Реализация активного обучения стимулирует познавательную деятельность обучающихся. Активное обучение побуждает студентов к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный Закон от 29 ноября 2012 г. № 273 ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 53.
2. Материалы к выступлению Министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко на заседании итоговой коллегии Министерства образования и науки России 19 марта 2011 г. URL:[http:// mon.gov. ru/ruk/ministr/dok/8344](http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/8344) (дата обращения 25.12.2015).
3. Садыкова А.К. Социально-педагогические эффекты самореализации личности молодого сотрудника в условиях непрерывного образования // Социальное и пенсионное право. – 2010. – № 2. – С. 30.
4. Колокольникова З.У., Митросенко Н.В., Петрова Т.И. Технология активных методов обучения в профессиональном образовании. Учебное пособие // Красноярск: Сибирский Федеральный университет; Институт естественных и гуманитарных наук – 2007. – С. 32.
5. Шабалина Е.Л. Формирование профессиональных компетенций юриста посредством проведения деловой игры // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – № 4 (11). – С. 92.
6. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) "бакалавр"): приказ Минобрнауки Российской Федерации от 4 мая 2010 г. № 464 // СПС КонсультантПлюс.
7. Бельчиков Я.М., Бирнштейн М.М. Деловые игры. – Рига: АВОТС, 1989. – 304 с.
8. Шабалина Е.Л. Формирование профессиональных компетенций юриста посредством проведения деловой игры // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – № 4 (11). – С. 92.

9. Шабалина Е.Л. Применение деловой игры для формирования профессиональных компетенций юриста // Вопросы образования и науки в XXI веке. Часть 11. – Тамбов. – 2013. – С. 121.

Шабалин Юрий Вячеславович

доцент Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТОДИКИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ**

«Если человек в школе не научится творить, то и в жизни он будет только подражать и копировать»

Л.Н.Толстой

Современная система образования основывается на практической реализации перспективных форм организации обучения, в числе которых следует особо выделить роль самостоятельной работы студентов в процессе обучения.

В процессе решения исследуемого вопроса на первый план выступает задача разработки и применения на практике инновационных методов обучения в юриспруденции, характеризующихся более гибкой, эффективной стратегией формирования специалиста на основе самостоятельной работы студентов в процессе обучения, четкой моделью научного и учебно-методического процесса обучения в юридическом образовании, а также современной высокоэффективной технологией обучения.

Системный подход в юридическом образовании в построении учебного материала сетевых учебных курсов способствует развитию у студентов навыка самообразования, эффективной и продуктивной деятельности, а также возникновению устойчивой мотивации познавательной деятельности по многим направлениям, что способствует универсальности и повышения качества образованности студента.

В соответствии с ФГОС 3-го поколения реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

Активные формы проведения занятий – это формы позволяющие активизировать учебный процесс, побудить обучаемого к творческому участию в нем.

Задачей активных форм проведения занятий является обеспечение развития и саморазвития личности обучаемого на основе выявления его индивидуальных особенностей и способностей, причем особое место занимает развитие теоретического мышления, которое предполагает понимание внутренних противоречий изучаемых моделей.

Данная концепция подразумевает активную роль личности студента в самостоятельном познавательном процессе. Образовательные технологии развивают аналитические и синтетические умения самостоятельной работы студентов с информацией, превращения ее в знание.

Интерактивные формы проведения занятий – это специальная форма организации познавательной деятельности. Студент, приобретая знания и навыки, создает тем самым базу для работы по решению проблем после того, как обучение закончится.

Следует отметить, что интерактивная и активная формы обучения предусматривают вовлечение в учебный процесс всех студентов группы без исключения. При этом

эффективность обеспечивается активностью студента не только в отношении преподавателя, но и в отношении других студентов, что позволяет обучающимся обмениваться идеями, приемами решения задач, что, в свою очередь, приводит к более качественному усвоению знаний.

Учитывая выше сказанное, отметим взаимосвязи процесса обучения, возникающие во время проведения занятия в такой форме: студент-студент (развивается умение строить взаимоотношения в среде сверстников, умение аргументировано доказывать свое мнение, умение быстро реагировать на возникающие замечания и вопросы, расширяется кругозор), студент-преподаватель (процесс обучения происходит в индивидуальном порядке с использованием обратной связи). Таким образом, раскрываются все возможности интерактивного подхода в обучении.

Заметим, что приведенный способ проведения практического занятия легко модифицируется. Достаточно внести возможность использования технических средств (компьютер, ноутбук), как спектр проверяемых заданий значительно расширяется. Может быть заранее выдано одно задание для всей подгруппы и возможности защиты всего проекта целиком с помощью презентации.

Таким образом, инновационные методы и технологии обучения должны быть направлены на воспитание творческой активности и инициативы студентов. Для творческой активности и инициативы студентов предстоит активизировать и методически обеспечить самостоятельную работу студентов, сделав ее одним из способов самостоятельной деятельности, развитие познавательных и творческих способностей.

Список литературы

1. Двуречанская Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Наука и образование (МГТУ им. Н.Э. Баумана) (электронный журнал). 2011. Вып. 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html>. – Загл. с экрана.
2. Макарова Е.Л. Использование интерактивных форм обучения для повышения эффективности образовательного процесса [Электронный ресурс]. – <http://www.smtueco.ru/en/items/interactive-forms-of-learning>. – Загл. с экрана.

Нутрихина Татьяна Викторовна

старший преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения (г.Новосибирск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТПУСКОВ

Хотя трудовое законодательство России постоянно совершенствуется (в Трудовой кодекс Российской Федерации [2] постоянно вносятся изменения и дополнения), до сих пор остаётся актуальным ряд проблем правового регулирования предоставления различных видов отпусков. В частности, относительно недавно один закон [3] внёс изменения и дополнения в 39 статей Трудового кодекса Российской Федерации, но правовое регулирование отпусков при этом было затронуто лишь в части предоставления дополнительного ежегодного оплачиваемого отпуска за вредные и (или) опасные условия труда.

Главная проблема правового регулирования предоставления всех видов отпусков в России – это отсутствие законодательного определения понятия «отпуск». Из-за этого пробела права отпуска на понятийном уровне не разграничены с другими видами времени отдыха (в частности, с выходными и нерабочими праздничными днями) и не имеют

общего порядка расчёта своей продолжительности. В результате нерабочие праздничные дни, пришедшиеся на период отпуска, исключаются только из продолжительности одного вида отпусков – ежегодного оплачиваемого отпуска, – но включаются во все остальные виды отпусков. В следствие этого один вид времени отдыха работника (нерабочие праздничные дни) незаконно поглощается другим видом времени отдыха – отпуском (ученическим, без сохранения заработной платы и др.). Если применительно к отпускам без сохранения заработной платы работник может попытаться избежать такого поглощения – попросить работодателя разделить такой на части (до нерабочего праздничного дня и после него), то ученические отпуска предоставляются на основании справки-вызова, не предусматривающей деление ученического отпуска на части (хотя фактически нерабочие праздничные дни не включаются в сессию и продляют её). Однако и просьбу работника о разделении отпуска без сохранения заработной платы работодатель не обязан удовлетворять, кроме случаев ч.2 ст.128 Трудового кодекса Российской Федерации, когда работодатель должен предоставить такой отпуск по заявлению работника (в этом словосочетании заключается вся законодательно предусмотренная процедура предоставления такого отпуска на данный момент).

Помимо этого, от суммарной продолжительности отпусков без сохранения заработной платы в течение рабочего года зависит исчисление стажа работы, предоставляющего работнику право на ежегодный оплачиваемый отпуск (абз. 5 ч. 1 ст. 121 Трудового кодекса Российской Федерации). Вся часть отпусков без сохранения заработной платы, превышающая 14 календарных дней в течение рабочего года, вычитается из трудового стажа, дающего право на ежегодный оплачиваемый отпуск, то есть рабочий год у такого работника перестаёт совпадать с последовательными 12 календарными месяцами. Как следствие, если суммарно в течение рабочего года отпуска без сохранения заработной платы составили 15 календарных дней, одним из которых был нерабочий праздничный день, то работник лишился и гарантированного Конституцией Российской Федерации [1] права на этот праздничный день, и 1 дня общего трудового стажа, дающего право на назначение пенсии по возрасту, и 1 дня стажа работы, дающего право на ежегодный оплачиваемый отпуск. Таким образом, в отношении такого работника одновременно совершено 4 правонарушения в рамках двух смежных отраслей права:

1) нарушено конституционное право на праздничные нерабочие дни, подкреплённое Трудовым кодексом Российской Федерации

2) незаконно уменьшена заработная плата, так как согласно ч. 3 ст. 112 Трудового кодекса Российской Федерации нерабочие праздничные дни, в которые работник не привлекался к работе, подлежат оплате должностным окладом или дополнительной выплатой – в зависимости от системы оплаты труда;

3) уменьшен стаж работы, дающий право на ежегодный оплачиваемый отпуск;

4) сокращён общий трудовой стаж (изменён общий порядок расчёта трудового стажа).

Поэтому для обеспечения соблюдения прав работников и реализации конституционно закреплённых гарантий необходимо разграничение понятий «отпуск» и «нерабочий праздничный день» («нерабочие праздничные дни») и установление общего порядка предоставления всех отпусков, который бы исключал нерабочие праздничные дни из продолжительности всех отпусков, кроме связанных с беременностью и наличием детей и длительных отпусков – творческих, длительных отпусков без сохранения заработной платы (например, продолжительностью не менее 30 календарных дней): порядок предоставления таких отпусков может регулироваться отдельно.

Еще одна актуальная проблема регулирования порядка предоставления всех видов отпусков, так же представляющая собой пробелы права, – это отсутствие чёткого закрепления в законе возможности деления на части любого отпуска и отсутствие законодательно прописанного порядка деления на части всех видов отпусков. Законом определено только правило деления на части ежегодного оплачиваемого отпуска по

соглашению сторон. Было бы логичным делить на части ученические отпуска и отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника.

Помимо вышеперечисленных остаётся актуальной и такая проблема, как пробел права в части установления пропорциональности продолжительности предоставляемого ежегодного оплачиваемого отпуска (его доли) периоду действия соответствующего нормативного акта или периоду нахождения работника в определённом возрасте в течение конкретного рабочего года. Это правило очевидно вытекает из содержания ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которой нормы трудового права России не имеют обратной юридической силы. Однако на практике это правило не является столь очевидным как для работников, так и для работодателей, поэтому требует своего особого указания в соответствующей главе кодифицированного закона России о труде.

По сути, к этому же пробелу нужно отнести и несовершенную формулировку ч. 1 ст. 127 Трудового кодекса Российской Федерации, которая буквально исключает предоставление при увольнении заработанной доли отпуска (её денежной компенсации), так как говорит только о целых отпусках (использованная грамматическая конструкция не позволяет предположить предоставление заработанной доли отпуска).

Есть ещё один пробел права в правовом регулировании порядка предоставления отпусков без сохранения заработной платы по абз. 5 ч. 2 ст. 128 Трудового кодекса Российской Федерации, который позволяет работнику злоупотреблять своим правом, – это отсутствие достаточно полного регулирования порядка предоставления таких отпусков. Так как весь порядок предоставления этих отпусков в настоящее время заключается в формуле «по заявлению работника работодатель обязан», работник может брать такие отпуска независимо от фактического наличия указанных в законе причин и от срока, прошедшего с момента возникновения этих причин.

До сих пор остаётся актуальной и проблема недостаточной юридической грамотности участников трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, которая находит своё проявление во всех сферах этих отношений, включая и предоставление отпусков: и работники, и работодатели, как правило, не умеют толковать и применять нормы права, что часто влечёт нарушения закона.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. – 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст.3.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда»: федер. закон от 28.12.2013 № 421-ФЗ // Российская газета. – 2013. – № 296.

Ткаченко Елена Владимировна,
старший преподаватель Сибирского государственного
университета путей сообщения (г. Новосибирск)

ОКАЗАНИЕ УСЛУГИ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНО-ИНФРАСТРУКТУРНОМ ДОГОВОРЕ

Железнодорожно-инфраструктурный договор сравнительно молодой договор в системе транспортных договоров. По нему владелец инфраструктуры предоставляет перевозчику различный перечень транспортных инфраструктурных услуг.

Всемирная торговая организация приняла Генеральное соглашение о торговле услугами, где определила, что услуги включают в себя услуги в любом секторе экономики, кроме услуг в сфере обеспечения осуществления государственной власти. [1. С. 75 – 77] В связи с демополизацией железнодорожной отрасли, услуги, оказываемые субъектами транспортного права, в первую очередь, не направлены на обеспечение осуществления государственной власти. В основу ставится цель реализовать интересы субъектов предпринимательской деятельности, в частности, независимых перевозчиков. Е. Г. Шаблова полагает, что широкая представленность сектора услуг в экономике различных стран, развитие экономических отношений о предоставлении услуг, приведут к развитию и совершенствованию договорных форм, регулирующих эти отношения, появлению новых видов договоров; [2. С. 59] что мы и видим, рассматривая проблему оказания услуги по данному договору владельцем инфраструктуры перевозчику. Сегодня не выработано единое определение понятия услуги, тем более в сфере железнодорожного транспорта. Транспортные услуги в структуре услуг, оказываемых населению Российской Федерации, составляют 20 % от общего объема потребления услуг. [3. С. 180]

Кроме того, Е. Г. Шаблова отмечает, что сущность определения услуги лежит в плоскости определенной, полезной, целесообразной деятельности, именно ее оплачивает услугополучатель. [4. С. 184] Железнодорожно-инфраструктурный договор направлен на удовлетворение интересов перевозчика и пользователя услуг железнодорожного транспорта. При этом пользователь услуг железнодорожного транспорта не является его стороной, но изначально договор заключается непосредственно в его интересах. О. А. Красавчиков также отмечал, что деятельность перевозчика, оказывающего услуги, не безрезультатна. [5. С. 189]

Оказание услуги по железнодорожно-инфраструктурному договору следует отнести к деловым услугам. Как отмечает Л. В. Санникова, оказание личных услуг направлено на удовлетворение потребностей населения, а услуг деловых – потребностей лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную профессиональную деятельность. [6. С. 18] Инфраструктурная услуга – операция как комплекс действий, представляющих транспортную деятельность. Транспортная инфраструктурная услуга оказывается перевозчику ее владельцем на магистральной железнодорожной сети, где процесс оказания услуги и ее принятия идут одновременно, что необходимо отнести к признакам такого рода услуги. Следует отметить, что по железнодорожно-инфраструктурному договору перевозчику предоставляются услуги комплексно, в частности, по использованию железнодорожных путей общего пользования, по управлению движением поездов, даже, если осуществляется перевозка по железным дорогам иностранных государств. Также это услуги по диспетчерскому управлению перевозкой и гарантированности размещения на железнодорожные пути общего пользования железнодорожного подвижного состава перевозчика.

Список литературы

1. Топорнин Б. Н. Европейское право: учебник. – М.: Юрист, 1998. – 455 с.

2. Шаблова Е. Г. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 95 с.
3. Экономический анализ права: вопросы теории, методологии, правоприменения: монография / Д. С. Воронов, Н. В. Городнова, О. В. Жевняк и др.; под ред. Е. Г. Шабловой, А. В. Шибина. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 236 с.
4. Экономический анализ права: вопросы теории, методологии, правоприменения: монография. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 236 с.
5. Советское гражданское право: учебник / под общей ред. О. А. Красавчикова. – Т. 1. – М.: «Высш. школа», 1985. – 447 с.
6. Санникова Л. В. Услуги в гражданском праве России. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 150 с.

Первых Наталья Викторовна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

К ВОПРОСУ О КОММЕРЧЕСКОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Целесообразность и практическая потребность иметь в отечественном законодательстве институт коммерческого представительства объясняются не только тем, что в сфере хозяйствования вопрос о простоте, надежности, быстроте совершения коммерческих операций с помощью других лиц часто является и вопросом успеха всего дела.

В соответствии с п. 1 ст. 184 ГК РФ коммерческим представителем является лицо, постоянно и самостоятельно представляющее от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности [1].

Путем толкования п. 1 ст. 184 ГК РФ, с учетом положения п. 2 ст. 182 ГК РФ, согласно которому «не являются представителями лица, действующие хотя и в чужих интересах, но от собственного имени, лица, лишь передающие выраженную в надлежащей форме волю другого лица, а также лица, уполномоченные на вступление в переговоры относительно возможных в будущем сделок», можно сделать вывод о том, что коммерческий представитель по поручению представляемого уполномочивается только на заключение от имени представляемого заранее определенного договора (перечня договоров) и не имеет права вступать в переговоры в отношении иных, заранее не определенных сторонами, договоров.

Определение коммерческого представительства, содержащееся в п. 1 ст. 184 ГК РФ, позволяет выделить основные признаки коммерческого представительства, отличающие его от иных схожих с ним договорных форм, опосредующих отношения оказания услуг. К таким основным отличительным признакам относятся следующие.

1. Осуществление представительских функций на постоянной основе: коммерческий представитель должен быть предпринимателем и, соответственно, быть зарегистрированным в качестве такового, так как только государственная регистрация предпринимательской деятельности подчеркивает ее регулярный и профессиональный характер, что имеет место при коммерческом представительстве. При этом отдельные виды деятельности подлежат лицензированию.

2. Указание на самостоятельность коммерческого представителя при заключении сделок свидетельствует о его профессиональных качествах как предпринимателя: как правило, коммерческие представители заключают от имени предпринимателей договоры в той области, в которой они обладают более квалифицированными знаниями и навыками, специальной информацией, деловыми связями и др.

3. Представительство только интересов предпринимателей.

4.Осуществление представительства только в сфере предпринимательской деятельности [8].

Пункт 2 статьи 184 ГК РФ допускает одновременное коммерческое представительство разных сторон в сделке, с согласия этих сторон, а также других случаях, предусмотренных законом. Если коммерческий представитель действует на организованных торгах, предполагается, поскольку не доказано иное, что представляемый согласен на одновременное представительство таким представителем другой стороны или других сторон.

Особенности коммерческого представительства в отдельных сферах предпринимательской деятельности устанавливаются законом и иными правовыми актами (пункт 3 статьи 184 ГК РФ) [1].

На сегодняшний день статья 184 ГК РФ, представляет собой конструкцию отношений коммерческого представительства, которая находит свое выражение в ряде гражданско-правовых договоров.

Так, нормативная юридическая конструкция коммерческого представительства отражена в 3 статье ФЗ «О рынке ценных бумаг» [6]. Если брокер осуществляет деятельность от имени и за счет клиента, налицо конструкция коммерческого представительства. В том случае, если брокер осуществляет деятельность от своего имени, но за счет клиента, мы можем говорить о коммерческом представительстве, только косвенно.

Коммерческое представительство имеет свое проявление в страховой деятельности. Услуги страхового агента, смело можно назвать видом коммерческого представительства, ссылаясь на п. 1 статьи 184 ГК РФ, так как он осуществляет деятельность от имени и за счет страхователя. Признать деятельность страхового брокера в качестве коммерческого представительства, можно лишь в том случае, если он совершает юридические и иные действия по заключению, изменению, расторжению и исполнению договоров страхования (перестрахования) от имени и за счет страхователей (перестрахователей) или страховщиков (перестраховщиков). При этом в качестве страхователя должен выступать предприниматель, а не физическое лицо. В том случае, когда брокер совершает юридические и иные действия по заключению, изменению, расторжению и исполнению договоров страхования по поручению физических лиц от своего имени, о коммерческом представительстве говорить и вовсе не приходится. Косвенное коммерческое представительство имеет место, когда страховой брокер выступает от своего имени, но по поручению юридических лиц (страхователей) за их счет.

Следует подчеркнуть, что юридическая конструкция коммерческого представительства в сфере торгового мореплавания является одной из достаточно подробно разработанных в действующем законодательстве.

По договору морского агентирования морской агент обязуется за вознаграждение совершать по поручению и за счет судовладельца юридические и иные действия от своего имени или от имени судовладельца в определенном порту или на определенной территории (ст. 232 КТМ РФ) [3].

Так, транспортная экспедиция рассматривается как особая разновидность сделки о представительстве - достаточно развитая сфера хозяйственного оборота, в которой организация перевозки грузов и их экспедиция являются комплексной услугой, где экспедитор, как правило, совершает действия от своего имени. При этом профессиональные участники рынка транспортно-экспедиционных услуг, как правило, заключают долгосрочные договоры перевозки различными видами транспорта в качестве грузоотправителей, по которым имеют право действовать и от имени владельца груза, грузабагажа, указывая себя в перевозочном документе в качестве грузоотправителя.

Идеально под модель коммерческого представительства подходит договор поручения, в котором поверенный обязуется совершить от имени и за счет доверителя определенные юридические действия. Агентский договор также выражает коммерческое

представительство, но только в том случае, когда агент за вознаграждение совершает по поручению другой стороны принципала юридические и иные действия от его имени.

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод: перечисленные примеры применения правовых конструкций коммерческого представительства свидетельствуют о том, как быстро оно распространилось в самых различных областях хозяйственных отношений.

На наш взгляд, коммерческое представительство в силу его особенностей имеет огромный потенциал для увеличения и расширения сфер своего применения в новых областях предпринимательской деятельности, поскольку в силу определения понятия «коммерческое представительство» часть договорных сфер остается за рамками института коммерческого представительства.

В связи, с чем считаем целесообразным, внести изменения в п. 1 статьи 184 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «Коммерческим представителем является лицо, постоянно и самостоятельно представляющее в интересах предпринимателей при заключении договоров в сфере предпринимательской деятельности». В связи с тем, что уходит фраза «от имени предпринимателей», и не имеет существенного значения, от имени кого заключаются договора в предпринимательской деятельности. На основании предложения внести изменение в ст. 184 ГК РФ, возникает необходимость соответствия ее со статьей 182 ГК РФ.

Необходимо в пунктах 1 и 3 статьи 182 ГК РФ, слова «от имени» заменить, на слова «в интересах».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 13 июля 2015 года) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 29 июня 2015 года) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 13 июля 2015 года) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
4. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30.06.2003 г. № 87-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 14 октября 2014 года) // Парламентская газета. – 2003. – № 120.
5. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 (с изменениями и дополнениями от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. – 1993. – № 6.
6. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 13 июля 2015 года) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
7. Овчаренко М. Д. Актуальные вопросы практического применения коммерческого представительства в отдельных областях предпринимательской деятельности // Право и экономика. – 2013. – № 9.

Оздоева Мадина Мухарбековна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ПЛАТЕЖА

1 июня 2015 г. вступили в силу положения Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) [1] об обеспечительном платеже [2].

До нормативного закрепления данная юридическая конструкция была известна на практике, давно и широко использовалась в российском гражданском обороте в сфере арендных и наемных отношений.

Данный институт широко используется во многих зарубежных законодательствах – США, Германии и т.д.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации нет упоминания о таком институте как об обеспечительном платеже [3].

Однако, в Проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержались две статьи об обеспечительном платеже [4].

На стадии обсуждения законопроекта среди юристов и исследователей было много неоднозначных мнений по поводу необходимости введения института обеспечительного платежа в ГК РФ.

К примеру, критикует Н. Рассказова и новый институт обеспечительного платежа (ст. 381.1) – она не понимает, зачем его было включать в ГК. «Что его отличает от аванса? В гражданско-правовом смысле – ничего», – заключает она [5].

Действующий ГК РФ содержит две статьи об обеспечительном платеже, нормы являются достаточно общими (ст.ст. 381.1, 381.2 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 381.1 ГК РФ, Денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, и обязательство, возникшее по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 1062 настоящего Кодекса, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Обеспечительным платежом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем.

Итак, рассмотрим некоторые особенности института обеспечительного платежа:

- 1) обеспечительный платеж является способом обеспечения возможных будущих долгов;
- 2) обеспечиваемые обязательства должны быть однородными;
- 3) обеспечительный платеж можно вносить не только в денежной форме, но и акциями, облигациями, иными ценными бумагами или вещами определенными родовыми признаками (ст. ст. 381.1, 381.2 ГК РФ)
- 4) обеспечительный платеж гарантирует интересы кредитора.
- 5) и др.

Наряду с особенностями института обеспечительного платежа, существуют неопределенности по вопросам:

- 1) формы соглашения об обеспечительном платеже, к примеру, как в задатке (п. 2 ст. 380 ГК РФ).
- 2) нет требований по вопросам размещения денежных средств и иных вещей, которые являются обеспечительным платежом;
- 3) не урегулирован вопрос о том, что делать с обеспечительным платежом при отчуждении объекта, который являлся объектом аренды, коммерческого найма;

4) иные вопросы.

Подводя итог можно сделать вывод, что введение в ГК РФ института обеспечительного платежа является необходимой мерой, которая однозначно закрепляет его как способ обеспечения исполнения обязательств наряду с залогом, удержанием, независимой гарантией, задатком и др. (п. 1 ст. 329 ГК РФ).

Наличие неопределенностей и проблемные вопросы об обеспечительном платеже со временем сформирует и разрешит судебная практика и наука.

Список литературы

- [1] Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
- [2] «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ»: ФЗ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ // РГ. – 2015. – № 6623.
- [3] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
- [4] Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф.
- [5] Ведущие юристы дали комментарии «реформе гражданского права» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.ru/court_report/view/119061/. – Загл. с экрана.

Аксенова Татьяна Васильевна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Основополагающим конституционным принципом в сфере предпринимательства является принцип свободы экономической, в том числе предпринимательской деятельности, который реализуется в диалектическом взаимодействии прав и обязанностей гражданина. Поэтому субъект предпринимательской деятельности должен быть прежде всего субъектом предпринимательского права. В рамках реализации принципа свободы предпринимательской деятельности каждый гражданин вправе выбирать любой способ осуществления экономической деятельности: в качестве индивидуального предпринимателя или через участие в коммерческой организации. Каждый из указанных способов определяет особенности содержания правового статуса предпринимателя. Так индивидуальный предприниматель отвечает по своим долгам всем принадлежащим ему имуществом, а участник хозяйственного общества несёт риск возможной потери своих капиталовложений.

Право на занятие предпринимательской деятельности, обусловленное экономической свободой, включает в себя несколько элементов, охватывающих свободу выбора сферы, вида и формы предпринимательской деятельности. Среди сфер деятельности следует различать производство, коммерцию (торговлю), выполнение работ, оказание услуг. Предприниматель может специализироваться по любому виду деятельности, не запрещённой законом, включая аудиторскую, банковскую, биржевую, инвестиционную, инновационную, информационную, рекламную, страховую деятельность, производство сельскохозяйственной, промышленной и иной продукции.

Обладая общей самостоятельностью, организуя производство в своих интересах, предприниматель возлагает на себя имущественную ответственность за результаты своей деятельности. Имущественная ответственность предпринимателя – это его обязанность претерпеть негативные имущественные последствия допущенных с его стороны правонарушений или неверных решений. Неотъемлемым признаком предпринимательской деятельности является предпринимательский риск, который формирует особый способ мышления и поведения, юридическую психологию предпринимателя. Предпринимательский риск – это возможные неблагоприятные имущественные последствия деятельности предпринимателя, не обусловленные какими-либо упущенными возможностями с его стороны. Индивидуальный предприниматель отвечает за риск своим имуществом, но не только. Возможны и также потери, которые понижают его статус на рынке труда и капитала, конкурентоспособность, подрывают профессиональную деловую репутацию.

На наш взгляд, субъектами предпринимательского права являются лица, непосредственно ведущие предпринимательскую деятельность, а также РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, которые в лице органов власти регулируют и контролируют эту деятельность. Указанные субъекты являются носителями прав и обязанностей в области осуществления и регулирования предпринимательской деятельности.

К ним относятся: индивидуальные предприниматели; коммерческие организации; некоммерческие организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность; публичные образования (государства, субъекты РФ, муниципальные образования); холдинги, финансово-промышленные группы и другие интегрированные структуры, то есть те лица, которые могут вступить в предпринимательские правоотношения. Представляется, что субъектами предпринимательского права являются индивидуальные предприниматели и коллективные образования, способные участвовать в предпринимательских отношениях и выступающие в качестве носителей определённых прав и обязанностей, предусмотренных законодательством РФ в сфере предпринимательства.

Субъект предпринимательского права может в течение длительного времени не вступать ни с кем в предпринимательские правоотношения, при этом, не утрачивая статуса субъекта предпринимательского права. Любой субъект предпринимательского правоотношения является субъектом предпринимательского права, однако не каждый субъект предпринимательского права участвует в том или ином предпринимательском правоотношении, являясь его субъектом, хотя и имеет такую возможность.

Индивидуальный предприниматель может осуществлять любые виды предпринимательской деятельности, не запрещённые российским законодательством. Предпринимательством могут заниматься граждане РФ, не ограниченные в установленном законом порядке в своей дееспособности; граждане иностранных государств и лица без гражданства в пределах правомочий, установленных законодательством; объединения граждан – коллективные предприниматели. Предпринимательская деятельность может осуществляться в различных формах: без применения наёмного труда, без образования юридического лица, с образованием юридического лица. Однако во всех случаях занятие такой деятельностью обусловлено для граждан необходимостью приобрести статус предпринимателя.

Проблема субъектов предпринимательской деятельности является одной из важнейших проблем предпринимательского права, поэтому не случаен интерес к ней учёных. Признание лица субъектом предпринимательства должно быть основано на предпринимательском характере его деятельности.

В настоящее время в российском законодательстве не приводится нормативного определения субъекта предпринимательской деятельности и учёные-цивилисты ввиду недостаточного исследования этой категории избегают использовать данное понятие в своих научных исследованиях. Считаем, что к субъектам предпринимательской

деятельности можно отнести как индивидуальных субъектов (индивидуальные предприниматели), так и коллективных субъектов (коммерческие организации и некоммерческие организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы).

Таким образом, субъектом предпринимательской деятельности является любое правоспособное лицо (физическое или юридическое), занимающееся предпринимательской деятельностью, которая прямо или косвенно направлена на получение предпринимательского дохода (прибыли), несение предпринимательского риска и правовой статус которого регулируется предпринимательским правом. Субъекты предпринимательства различаются в зависимости от роли, выполняемой каждым из них в различных сферах экономики. Особое место среди субъектов предпринимательской деятельности занимают индивидуальные предприниматели. Им принадлежит наиболее важная роль в использовании капитала и иных видов материальных ресурсов. Осуществление предпринимательской деятельности является результатом реализации общего права граждан на труд, т. е. права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Спорным в юридической литературе является вопрос о характере правового статуса индивидуального предпринимателя, который включает в себя правосубъектность, основные права и обязанности, гарантии осуществления прав и обязанностей, ответственность. В силу двойственности правового положения индивидуального предпринимателя вопрос о моменте возникновения и прекращения правоспособности и дееспособности становится дискуссионным. В полной мере разграничить правоспособность и дееспособность возможно только в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, что и подтверждают положения ст.17 и 21 ГК РФ. В отношении индивидуальных предпринимателей следует различать два вида правосубъектности: во-первых, правосубъектность индивидуальных предпринимателей, не связанную с осуществлением предпринимательской деятельности (носит общий характер, характерна для всех граждан без исключения при достижении ими возраста, установленного законом); и во-вторых, предпринимательскую правосубъектность индивидуальных предпринимателей, имеющую особый специальный характер (применяется только в отношении индивидуальных предпринимателей в случае занятия предпринимательской деятельностью с достижением определённого возраста, и зарегистрированными в этом качестве).

По нашему мнению, не следует включать право на занятие предпринимательской деятельностью в содержание правоспособности всех граждан, поскольку не все граждане способны и готовы заниматься предпринимательством. Индивидуальный предприниматель по своей сути был и остаётся физическим лицом.

Следовательно, правосубъектность индивидуального предпринимателя намного шире, чем правосубъектность обычного гражданина, так как включает в себя не только общую правосубъектность, характерную для всех без исключения физических лиц, но и свою собственную - предпринимательскую правосубъектность. В отношении граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, но не прошедших государственную регистрацию, предпринимательская правосубъектность не применяется, так как правоспособность и дееспособность у индивидуальных предпринимателей возникает также как и юридических лиц одновременно с момента государственной регистрации.

Фадеева Елена Юрьевна

старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета (г. Новосибирск)

НОВЕЛЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 442-ФЗ) [1] применяющийся с 1 января 2015 г., пришел на смену двум другим законам, регулирующим правоотношения в сфере социального обслуживания населения: Федеральному закону от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 195-ФЗ) [2] и Федеральному закону от 2.08.1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [3].

Одной из особенностей нового федерального закона является то, что федеральные органы власти взяли на себя значительный объем нормотворческой работы, целью которой является создание единых подходов к организации социального обслуживания. Ранее действующее законодательство содержало положения, согласно которым нормативное правовое регулирование преимущественно осуществлялось субъектами РФ, что привело к формированию регионального законодательства в рассматриваемой сфере, которое зачастую имело существенные различия в подходах к организации социального обслуживания.

Необходимо отметить, что Федеральный закон № 442-ФЗ, был принят в конце 2013 года, а вступил в действие 1 января 2015 г. Интервал в год со дня принятия документа до вступления его в силу был определен не случайно, за этот период необходимо было провести соответствующую настройку бюджетного и социального регионального законодательства. Все новации документа должны были найти конкретное отражение и развитие на уровне субъектов РФ. Министерство труда и социальной РФ для облегчения задачи по созданию нормативной правовой базы в сфере социального обслуживания в субъектах РФ, в своем письме от 05.02.2014 № 12-5/10/В-547[4] приводит Примерный перечень нормативных правовых актов, которые должны быть приняты в субъектах РФ в соответствии Федеральным законом № 442-ФЗ

Итак, рассмотрим новеллы законодательства в сфере социального обслуживания в Новосибирской области.

В целях приведения в соответствие с федеральным законодательством был принят Закон Новосибирской области от 18.12.2014 г. № 499-ОЗ «Об отдельных вопросах организации социального обслуживания граждан в Новосибирской области» (далее – Закон Новосибирской области № 499-ОЗ) [5].

Закон Новосибирской области № 499-ОЗ регулирует вопросы разграничения полномочий в области социального обслуживания (ст. ст. 1 – 3), утверждает перечень социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Новосибирской области (ст. 4) и устанавливает предельную величину среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно (ст. 5).

Следует отметить что, с 1 января 2015 г. из законодательства исчез термин «клиент социальной службы» (п. 2 ст. 3 Федерального закона № 195-ФЗ), вместо которого было введено понятие «получатель социальных услуг» (п. 3 ст. 3 Федерального закона № 442-ФЗ). Гражданин может быть признан получателем социальных услуг, если он является нуждающимся в социальном обслуживании и ему предоставляется социальная услуга.

Гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании в случае, если существует хотя бы одно обстоятельство перечисленных в ст. 15 Федерального закона № 442-ФЗ, Постановлением Правительства Новосибирской области от 4.08.2014 г. № 312-п

«О дополнительных обстоятельствах для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании» [6] федеральный перечень был дополнен следующими обстоятельствами:

1) наличие посттравматических расстройств, в том числе психологических травм, полученных вследствие пережитых чрезвычайных ситуаций, и (или) наличие суицидальных намерений;

2) утрата занимаемого жилого помещения вследствие чрезвычайных ситуаций;

3) наличие проблем, связанных с социализацией у выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также у граждан (в том числе несовершеннолетних), освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний и вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;

4) назначение несовершеннолетнему уголовного наказания (в том числе условно), административного наказания, применение принудительных мер воспитательного воздействия;

5) нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних;

6) наличие обстоятельств, вызывающих риск оставления родителем или иным законным представителем ребенка без попечения, а также риск искусственного прерывания женщиной беременности не по медицинским показаниям;

7) наличие в семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья;

8) психическое и (или) физическое насилие в отношении женщин.

В соответствии с Федеральным законом № 442-ФЗ информация о получателях социальных услуг заносится в специальный регистр. Приказом Министерства социального развития Новосибирской области от 22.10.2014 г. № 1235 [7] утверждён Порядок формирования и ведения регистра получателей социальных услуг в соответствии с которым – регистр получателей социальных услуг является информационной системой в сфере социального обслуживания, формирование и ведение которой осуществляется министерством социального развития Новосибирской области. Формирование и ведение регистра осуществляется в целях обеспечения сбора, хранения, обработки и предоставления информации о получателях социальных услуг.

Понятие «поставщик социальных услуг» – это новое понятие в федеральном законодательстве, введенное Федеральным законом № 442-ФЗ. Ранее в законодательстве использовался термин «социальные службы». Поставщик социальных услуг – юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание.

Необходимо отметить, что с 1 января 2015 года официально на федеральном уровне в качестве субъектов, предоставляющих социальные услуги и осуществляющих социальное обслуживание, помимо традиционных субъектов организаций социального обслуживания, федерального и регионального подчинения под действие федерального законодательства о социальном обслуживании попадают новые субъекты негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в т.ч. социально ориентированные некоммерческие, осуществляющие социальное обслуживание организации, а также индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание.

Постановлением Правительства Новосибирской области от 20.10.2014 № 420-п [8] был утверждён порядок формирования и ведения реестра поставщиков социальных услуг. Основная цель создания реестра – формирование единого официального источника полной и достоверной информации о поставщиках социальных услуг, осуществляющих деятельность по оказанию социальных услуг в регионе. Все поставщики социальных услуг, получающие бюджетное финансирования обязаны выполнять Порядки предоставления социальных услуг.

Следует отметить, что требования к порядку предоставления социальных услуг

установлены в ст. 27 Федерального закона № 442-ФЗ. Порядок предоставления социальных услуг устанавливается по формам социального обслуживания, видам социальных услуг. На федеральном уровне Минтрудом России принимается нормативный правовой акт, устанавливающий примерный порядок предоставления социальных услуг. В целях реализации указанного полномочия Приказом Минсоцразвития Новосибирской области от 31.10.2014 № 1288 [9] утверждены:

1. Порядок предоставления социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания;
2. Порядок предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания;
3. Порядок предоставления социальных услуг в форме социального обслуживания на дому.

Таким образом, принятие Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» позволило обновить не только федеральную, но и региональную нормативную правовую базу в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014)// Рос. газ. – 2013. – № 295.
2. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – № 243. (утратил силу)
3. О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: Федеральный закон от 02.08.1995 г. № 122-ФЗ//Рос. газ. – 1995. – № 150. (утратил силу)
4. О направлении информации по Федеральному закону от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: Письмо Минтруда России от 05.02.2014 № 12-5/10/В-547// Солидарность. – 2014. – № 7, 19 (начало); Социальный мир. – 2014. – № 9.
5. Об отдельных вопросах организации социального обслуживания граждан в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 18.12.2014 г. № 499-ОЗ // Сов. Сибирь. – 2014. – № 242.
6. О дополнительных обстоятельствах для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании: постановление Правительства Новосибирской области от 4.08.2014 г. № 312-п // Сов. Сибирь. – 2014. – № 160.
7. Об утверждении Порядка формирования и ведения регистра получателей социальных услуг: приказ Минсоцразвития Новосибирской области от 22.10.2014 № 1235 (ред. от 26.12.2014) // Официальный сайт Правительства Новосибирской области <http://www.nso.ru>, 22.10.2014.
8. Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра поставщиков социальных услуг: постановление Правительства Новосибирской области от 20.10.2014 № 420-п // Официальный сайт Правительства Новосибирской области <http://www.nso.ru>, 21.10.2014.
9. Об утверждении Порядков предоставления социальных услуг: Приказ Минсоцразвития Новосибирской области от 31.10.2014 № 1288 (ред. от 31.12.2014)// Официальный сайт Правительства Новосибирской области <http://www.nso.ru>, 31.10.2014.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

Гармаев Ю.П.
Взаимодействие правоохранительных органов по уголовным делам о
коррупционных преступлениях 3

Юдина С.Д.
Психолого-педагогические аспекты в работе со студентами 8

Каримов В.Х.
История становления и развития криминалистической регистрации в
России 12

Назарова М.А.
Ценности корпоративной культуры 15

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ» 23

Колесникова А.В.
Национальная наука как стратегия антиглобализма.....23

Софиенко М.Б.
Юридическое образование в контексте индивидуальной свободы.....25

Сергеев С.С.
Философские аспекты интерпретации поведения домашних животных.....28

Колотыгина Н.Б.
Правовое воспитание личности 30

Кравченко О.Б.
Взаимодействие субъектов образования и права: социально-философский анализ 32

Эрлих В.А.
Современные издания по истории пиратства в древности.....36

Добровольских А.В.
Национальный вопрос в программных документах партии эсеров
(дооктябрьский период) 38

Акопянц А.С.
Из истории российской дореволюционной рекламы 41

Дергачев А.Ю.
Западно-Сибирский Отдел Русского географического общества и
переселенческая политика в Сибири (конец XIX – начало XX в.).....43

Подзюбан Е.В. Ещё раз о культуре и цивилизации	46
Гаврилов Н.К., Коновалов А.В. Некоторые аспекты изучения истории в образовательных заведениях дореволюционной России.....	49
Михайлова Н.Д. Культурологические взгляды Н.Я. Данилевского и современность	54
Лебедев С.В. Особенности исламизации христиан в VII-XXI вв	56
Полунин С.В. Этические проблемы современной науки	58
Бахмацкая Г.В. Гражданское общество в России.....	61
СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ»	64
Прошин В.А. Меры принуждения в международном праве	64
Дяденко М.Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на образование и неолиберальная модель правового регулирования	67
Безрядин Д.Н. Соотношение государства и гражданского общества.....	69
Цыренжапов Ч.Д. Некоторые проблемы лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами.....	71
Бочанова Т.А. Международная организация уголовной полиции (Интерпол): правовая природа и статус	74
Герасимов Ю.Е. История развития правового регулирования международных перевозок грузов, пассажиров и багажа	77
Берглезов А.Н. Административный процесс как зеркало административной науки.....	82
Киселев И.В. Перспективы антикоррупционной политики в России.....	86

Караваева Е.В. Законодательные основы введения института адвокатуры в Томской губ. во второй половине XIX – начале XX в.	89
Вычугжанин М.И. Некоторые проблемы применения таможенными органами технических средств поиска при проведении таможенного контроля в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.....	92
Юнусов Э.А., Мокшанов М.Г. Вопросы устранения коллизионных норм в российском законодательстве	94
Герман Е.С. Об административной ответственности органов публичной администрации как юридических лиц	96
СЕКЦИЯ «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ»	99
Мкртычян Б.А. Проблемы квалификации преступлений против собственности совершенных с использованием электронных платежных систем и пути их решения	99
Мкртычян Б.А. История развития и современное правовое регулирование преступлений против собственности. История возникновения и развития электронных платежных систем (ЭПС)	103
Витюк В.В. Определение таможенной стоимости по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1) в период формирования таможенного законодательства Евразийского экономического союза.....	108
Зырянов В.А. Процессуальный срок, при разрешения вопросов, связанных с исполнением приговоров	114
Тепляшин П.В. Эффективность уголовно-исполнительной политики России (некоторые концептуальные аспекты)	117
Мкртычян А.Б. Уголовно-правовое регулирование неоказания помощи больному	119
Мкртычян А.Б. Проблемы квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа в судебно-следственной практике	123

Шульгин С.И. Сравнительный уголовно-правовой анализ ответственности за побег из мест лишения свободы в России и некоторых зарубежных стран	128
Паршина И.М. Добровольный отказ как разновидность неоконченного преступления: проблемы установления своевременности	132
Паршина И.М. Разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия: некоторые проблемы квалификации	135
Паршина И.М. История правового регламентирования некоторых оперативно-розыскных мероприятий.....	137
Чуприна Я.С. Современное состояние исследований о женской преступности.....	140
Чуприна Я.С. Качественные характеристики современной женской преступности	143
Ануфриева Е.А. Особенности судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД, ситуации несогласия подсудимого с предъявляемым ему обвинением	145
Попов К.О. Квалифицированные виды клеветы в уголовном законодательстве России, Казахстана и Монголии	147
Цой Л.В. Ответственность за вымогательство и угон по законодательству России, Казахстана и Кыргызстана	150
Сердюк А.А. Оперативный эксперимент: вопросы терминологического определения и оценки законности оснований его проведения в стадии судебного следствия	153
СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ»	156
Горожанкина М.А. Защита чести, достоинства и деловой репутации преподавателя вуза	156
Рубцова Н.В. Некоторые особенности свободы предпринимательского договора.....	158
Зайцева Ю.А. Генезис института банкротства гражданина:	

первые шаги становления на современном этапе	160
Карцева Н.С., Куклева К.Ю. Некоторые проблемы правового регулирования содержания договора об оказании гражданам туристических услуг	163
Карцева Н.С., Шурьшева Н.В. Проблемы правового регулирования объектов недвижимого имущества в свете изменений гражданского законодательства РФ	165
Гаврилов Е.В. Допустимо ли юридическим лицам требовать компенсацию нематериального (репутационного) вреда при защите от ложной не порочащей информации (п. 10 ст. 152 ГК РФ)?	167
Киселева Е.И. Правовые проблемы достижения бюджетной обеспеченности муниципальных образований	169
Шабалина Е.Л. Применение методов активного обучения в ходе практического обучения студентов по дисциплине «Гражданский процесс»	172
Шабалин Ю.В. Самостоятельная работа как составляющая методики использования образовательных технологий в юридическом образовании.....	176
Нутрихина Т.В. Актуальные проблемы правового регулирования в России предоставления отпусков.....	177
Ткаченко Е.В. Оказание услуги в железнодорожно-инфраструктурном договоре.....	180
Первых Н.В. К вопросу о коммерческом представительстве	181
Оздоева М.М. Некоторые особенности института обеспечительного платежа.....	184
Аксенова Т.В. Определение правового статуса индивидуального предпринимателя в действующем законодательстве.....	185
Фадеева Е.Ю. Новеллы регионального законодательства в сфере социального обслуживания	188

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ
XI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(28 ОКТЯБРЯ 2015 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка М.М. Оздоева

Подписано к печати «23» ноября 2015 г.
Формат 60х84 ^{1/12}. Объем 24,4 усл. печ. л.
Тираж 200 экз.
Заказ №222

Отпечатано в мини-типографии юридического факультета Новосибирского ГАУ
630039, Новосибирск, ул. Никитина, 155